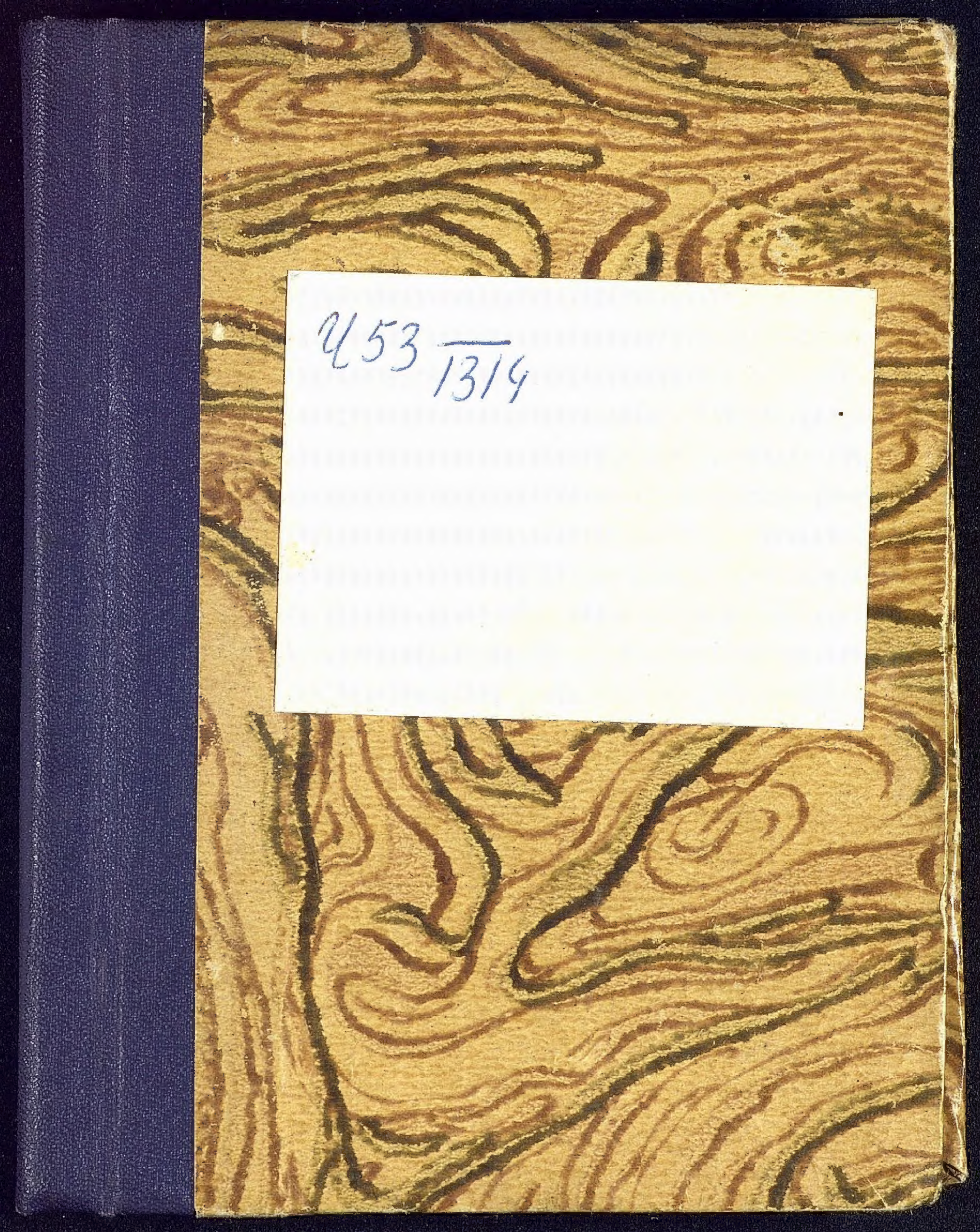
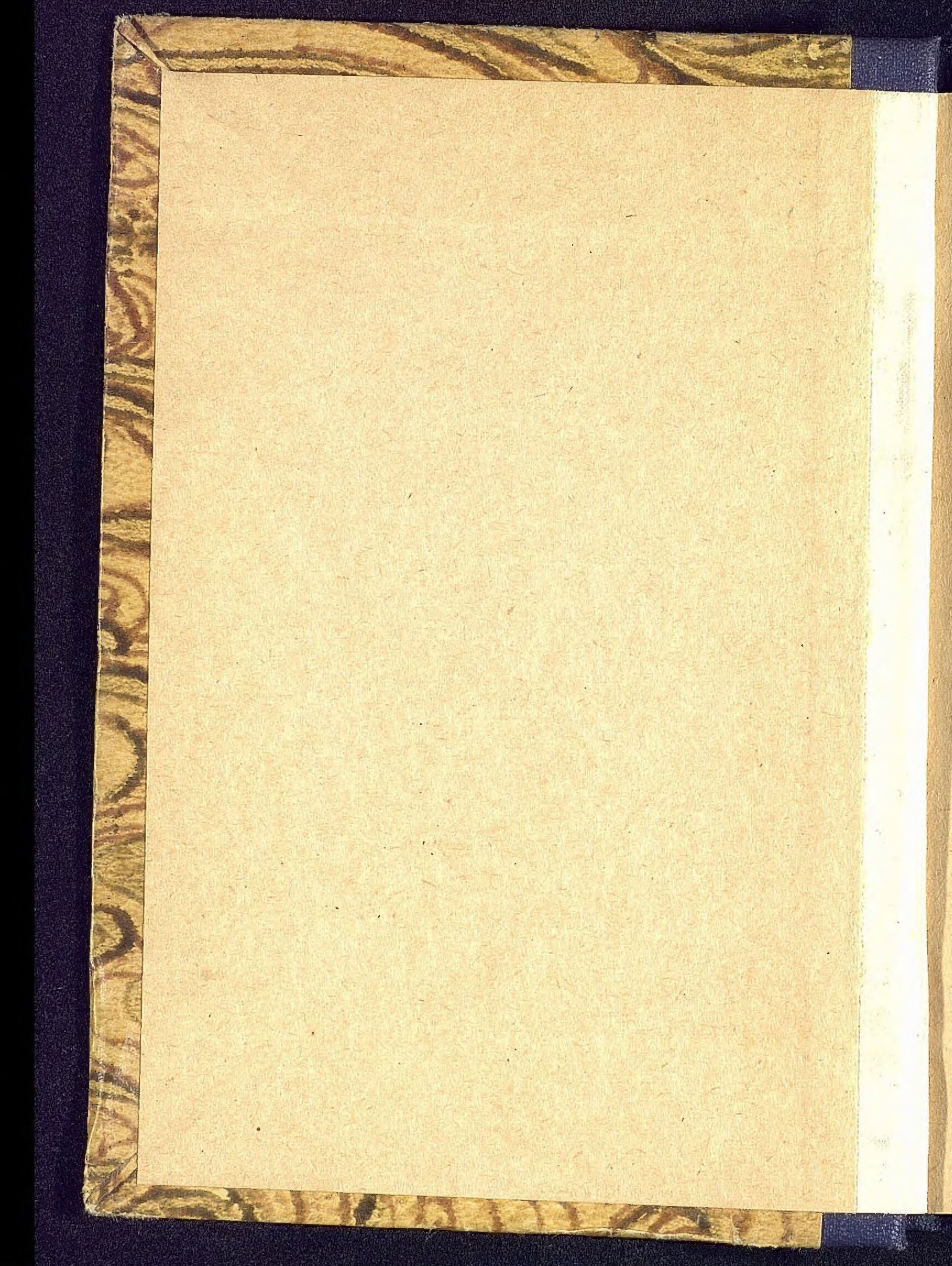
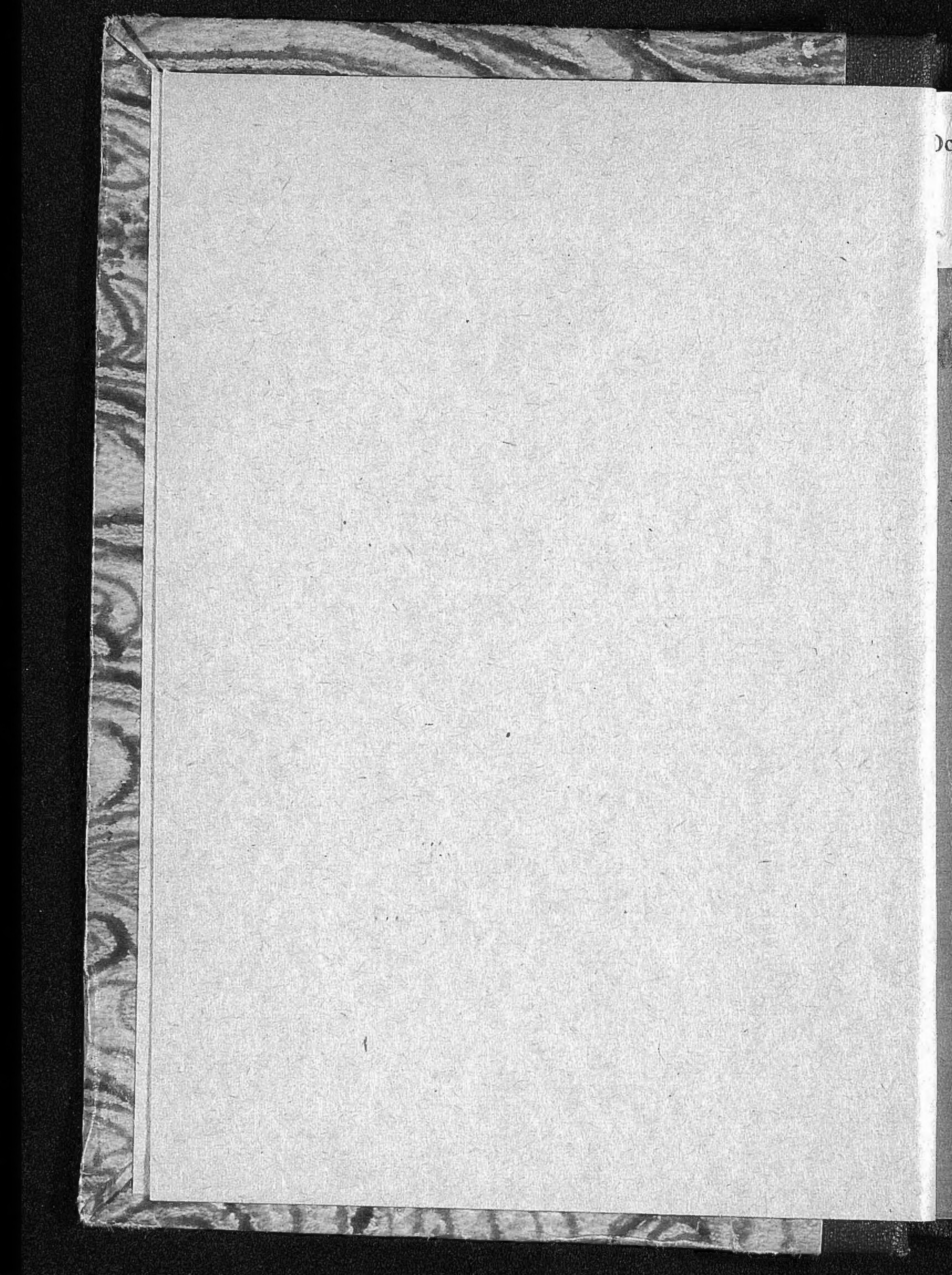

Ч53
1314

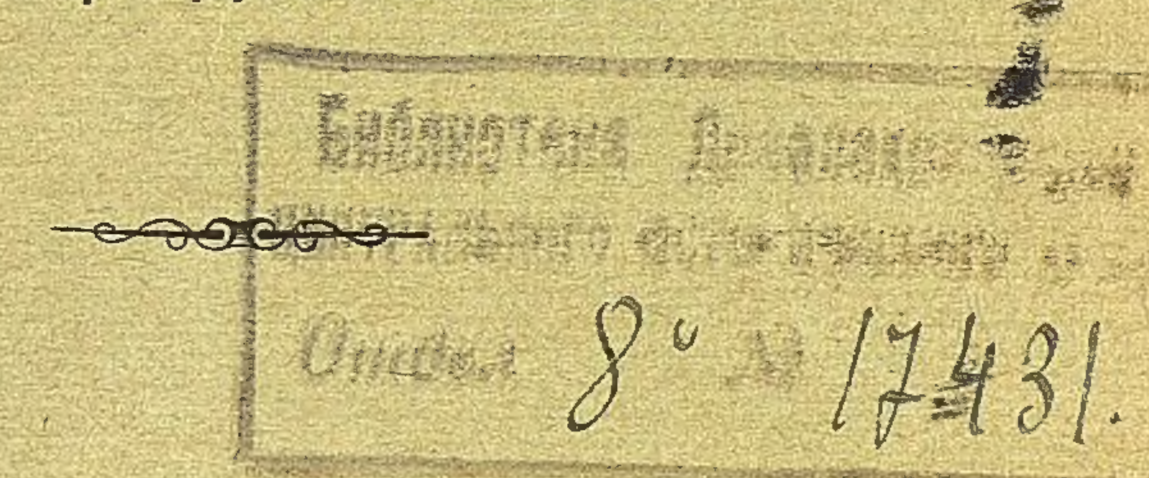

ВЕЛИКАЯ МІРОВАЯ ВОЙНА.

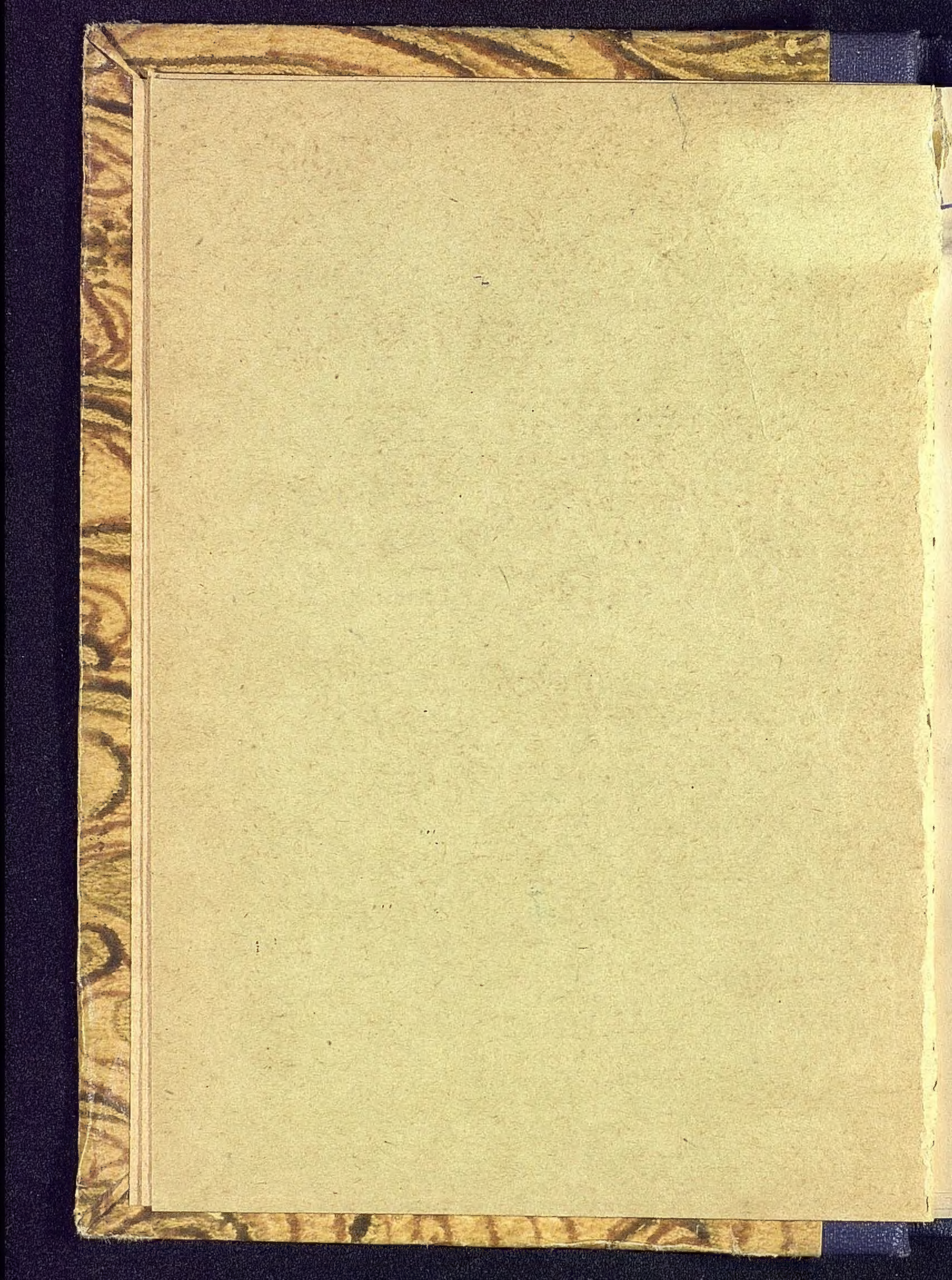
ФРАНЦУЗЫ О НѢМЦАХЪ.

ОЧЕРКЪ

Владиміра Десятовскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1916.

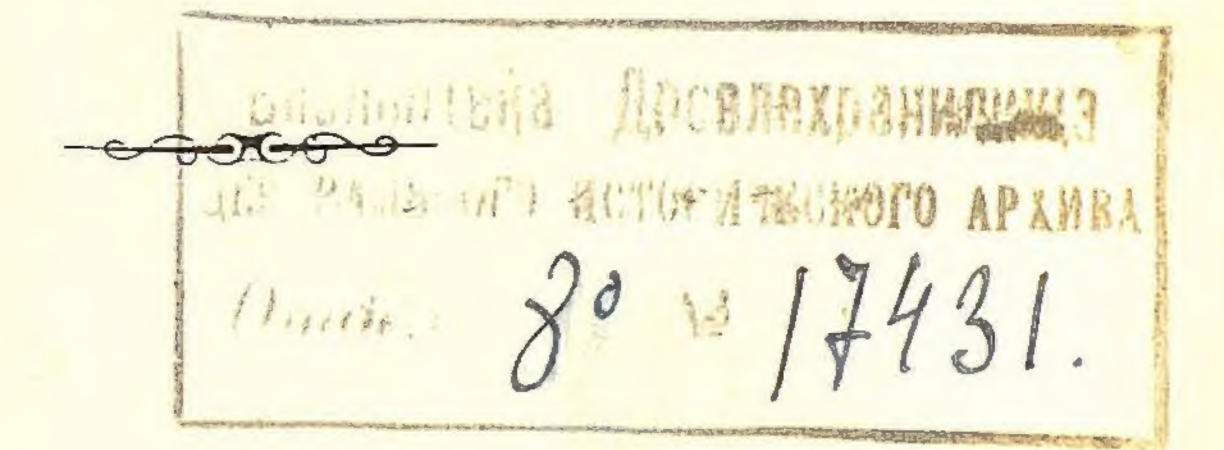

ВЕЛИКАЯ МІРОВАЯ ВОЙНА.

ФРАНЦУЗЫ О НѢМЦАХЪ.

ОЧЕРКЪ

Владиміра Десятовскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

Французская литература въ теченіе послѣдняго года обогатилась многими изданіями, посвященными изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ міровую войну нашихъ дней, характеристикѣ тевтонскаго варварства XX вѣка, выясненію происхожденія и развитія пангерманской идеи, угрожающей независимости негерманскихъ государствъ и свободному росту всего культурнаго человѣчества. Труды французскихъ писателей недостаточно извѣстны русскому обществу, особенно вдали отъ крупныхъ центровъ, а ознакомиться съ ними необходимо. Французы такъ много пострадали отъ тевтонскаго засилья. Они такъ ясно понимаютъ, насколько furor germanicus угрожаетъ самому существованію Франціи. Они такъ искусно, со свойственной имъ наблюдательностью, сообщаютъ свѣдѣнія о предусмотрительности германцевъ, въ тишинѣ, часто предательски, готовившихся къ войнѣ, объ ихъ широко раскинутой сѣти шпіонажа, объ ихъ давнихъ замыслахъ возвеличить пангерманскую идею, упрочить германскую гегемонію надъ всѣмъ міромъ и, ближайшимъ образомъ, подчинить вліянію

германскаго сверхгосударства прилегающія къ нему страны, нѣкоторыя изъ нихъ поглотить, а другія экономически поработить.

Знакомство съ трудами французскихъ писателей представляется имѣющимъ высокопоучительный интересъ въ переживаемое нами лихолѣтіе. Несытыя очи германскихъ хищниковъ давно устремлены на Россію. Ея тучный черноземъ началъ со второй половины XVIII вѣка привлекать вниманіе колонистовъ. Долго они были излюбленными поселенцами, широко пользовавшимися всякими льготами; ихъ освобождали отъ податей и налоговъ, надѣляли государственными землями безплатно и въ размѣрахъ, которые никогда не снились исконнымъ насельникамъ русской земли. Пользуясь всѣми выгодами, они оставались совершенно чуждыми этому населенію, а часто даже враждебно къ нему относились. Какъ въ Польшѣ и Курляндіи эти колонисты оказались передовыми германскими развѣдчиками, такими же они проявили себя и въ мѣстахъ ихъ поселенія во Франціи. А экономическое завоеваніе страны, устройство разныхъ промышленныхъ германскихъ предпріятій съ подставными директорами, широко обдуманная сложная шпіонская организація, опутывавшая Францію и только нынѣ вполнѣ обнаруженная, все это,

раскрытое въ трудахъ французскихъ писателей, должно имѣть въ высшей степени назидательное значеніе и для Россіи, куда, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, неудержимо проникала германская стихія, въ значительной степени не растворившаяся въ русскомъ морѣ. Про германца нельзя сказать, какъ про Ганнибала, что онъ у воротъ. Нѣтъ, германецъ, чуждый Россіи по вѣрѣ, душевному строю и языку, проникъ въ чертогъ и хочетъ продолжать хозяйничать въ немъ; но пусть онъ знаетъ, что Россія для русскихъ, что она твердо намѣрена, въ общеніи съ другими народами, носителями неповрежденной христіанской культуры, навсегда сломить иго прусскаго милитаризма, устранить опасность пангерманской гегемоніи и упрочить всему человѣчеству незыблемый миръ, обезпечивающій всѣмъ государствамъ, великимъ и малымъ, всю полноту пользованія благами правового строя, покоящагося на твердыхъ началахъ закона, справедливости и разумной свободы.

Міровая война вызвала во Франціи не только много книгъ и брошюръ, посвященныхъ обстоятельному изслѣдованію причинъ этой чудовищной войны тевтоновъ съ цивилизованнымъ міромъ, но и рядъ изданій, предназначенныхъ для систематическаго изученія отдѣльныхъ во-

просовъ, затронутыхъ міровою борьбою. Такова серія изданій, озаглавленныхъ: Etudes et documents sur la guerre; La guerre Européenne; Pages d'Histoire—1914—1915.

Засимъ, весьма цѣнныя данныя помѣщены въ различныхъ книжкахъ ежемѣсячныхъ обозрѣній—въ Revue des Deux Mondes, Revue de Paris въ ежедневной газетѣ Le Temps и въ другихъ изданіяхъ.

ГЛАВА I.

Между вопросами, обращавшими на себя вниманіе нѣмецкихъ и французскихъ писателей, пангерманизмъ занимаетъ особое положеніе [1]. По своему существу пангерманизмъ состоитъ въ воззрѣніи на германскую расу, какъ на расу избранную, имѣющую высшее призваніе. Это воззрѣніе коренится въ германской философіи.

Творческую силу, столь для человѣчества необходимую, нужно искать, по мнѣнію Фихте, у германцевъ, полныхъ жизненной мощи. Гердеръ указываетъ на необходимость существованія для человѣчества избраннаго народа, могущаго быть центромъ, кристализаціею, притягивающею къ себѣ народы, менѣе одаренные. Гердеръ преклоняется предъ геніемъ германскаго народа и думаетъ, что германцы призваны руководить Евро-

---

[1]) Georges Blondel—La Doctrine Pangermaniste. Изъ серіи стр. 20 и слѣд. La guerre Européenne. Paris 1915. Librairie Chapelot. André Chéradame—La Paix que voudrait l'Allemagne. Paris 1915. Librairie Chapelot.

пою на пути прогресса. Германцы, заявляетъ онъ весьма настойчиво, являются націею привилегированною. Германцы, поясняетъ съ своей стороны Шеллингъ, это народъ изъ народовъ, предназначенный быть представителемъ всего человѣчества. Фихте находитъ, что идеалъ, къ которому стремится Германія, не можетъ быть достижимъ безъ помощи силы. Нужно, утверждаетъ онъ, чтобы массы были дисциплинированы школою и арміею. Затрудненія, встрѣчаемыя на пути, будутъ устраняемы арміею и притомъ непобѣдимою, дающею германизму возможность бороться съ цѣлымъ міромъ. Пангерманизмъ находитъ себѣ выраженіе въ краткомъ положеніи «Германія превыше всего»—Deutschland über Alles Германія превыше всего, т. е. по нашему превыше всѣхъ законовъ и обычаевъ, нарушая всѣ правила нравственности, оскверняя все священное, попирая истину, правду и красоту, раздавливая, подобно кровавому Молоху, несчастныхъ страдальцевъ, обездоленныхъ, чающихъ помощи и угнетенныхъ, взывающихъ къ правосудію.

На опасность, угрожающую со стороны пангерманизма Европѣ и всему человѣчеству, обратилъ особое вниманіе, еще задолго до настоящей войны, извѣстный французскій писатель Андрей

Шерадамъ. [1]). Близко изучивъ особенности прусскаго государственнаго и военнаго строя, послѣ разгрома Австрійцевъ при Садовой, Шерадамъ, многими не понятый, забилъ въ концѣ прошлаго столѣтія тревогу по поводу, тогда уже угрожавшихъ міру, притязаній воинственнаго пангерманизма.

Мысль объ объединеніи всѣхъ нѣмцевъ въ одно государство уже давно лелѣялась многими мечтателями. Главнымъ вдохновителемъ писателей, мечтавшихъ объ единой Германіи, былъ пруcакъ Павелъ де-Лагардъ [2]). Будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ напечаталъ пространное изслѣдованіе о судьбахъ Германіи (Deutsche Schriften). Книга де-Лагарда, напечатанная третьимъ изданіемъ въ 1892 году, явилась лучшимъ руководствомъ для проповѣдниковъ пангерманизма [3]). Ученіе это, по своему

---

[1]) André Cheradame—L'Europe et la question d'Autriche. Paris. 1906. Librairie Plon.

[2]) André Chéradame — La Paix que voudrait l'Allemagne, стр. 13 и слѣд.

[3]) Интересны по этому вопросу книги: Maurice Millioud — La Caste dominante allemande. Paris 1915. Jean Finot—Civilisés contre Allemands. Paris 1915 (Глава 1.—l'Ame allemande) и Teodor de Wyzewa — La nouvelle Allemagne. Paris 1915. Gabriel Langlois — L'Allemagne barbare. Paris 1915.

прусскому происхожденію, предназначается не только для странъ, обитаемыхъ германцами, но и для областей, обладаніе которыми можетъ быть полезно для Пруссіи и Гогенцоллерновъ. Подъ этими областями разумѣлась Австрія. Маршалъ Мольтке выражалъ надежду, что Австрія обезпечитъ судьбу странъ, омываемыхъ Дунаемъ, и что Германія получитъ, наконецъ, возможность освободить отъ чужеземцевъ устья своихъ великихъ рѣкъ.

Если даже до 1870 г. многіе нѣмцы и сочувствовали пангерманскимъ идеямъ, то про Бисмарка слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не содѣйствовалъ ихъ распространенію. Его главною заботою было упрочить созданную имъ Имперію. Онъ опасался усилить враждебный ему католицизмъ введеніемъ въ составъ Имперіи Австрійскихъ католиковъ. Вильгельмъ II, вступивъ 15 Іюня 1888 г. на престолъ, въ Мартѣ 1890 г. уволилъ Бисмарка. Съ паденіемъ желѣзнаго канцлера начался расцвѣтъ пангерманизма. Германія тѣхъ временъ достигла высокой степени процвѣтанія. Лихорадочная дѣятельность молодого Императора породила надежды на новыя пріобрѣтенія. Германцы, опьяненные успѣхами на поляхъ битвы и въ области колоніальной политики, потеряли всякое благоразуміе; увѣ-

ренность въ ихъ превосходствѣ во всѣхъ житейскихъ областяхъ сдѣлалось любимою темою нѣмецкихъ писателей. Одинъ изъ нихъ утверждалъ: «Мы лучшіе колонисты, лучшіе матросы и даже лучшіе купцы. Мы—народъ самый разумный, опередившій всѣхъ въ наукахъ и искусствахъ. Мы, несомнѣнно, народъ наиболѣе воинственный».

Въ 1892 г. въ Берлинѣ появилась весьма любопытная брошюра: Германское всемірное государство (Ein Deutsches Weltreich. Berlin 1892) [1].. «До 1770 г., пишетъ анонимный авторъ, намъ предстояла одна великая задача: возсоздать германскую Имперію. Нынѣ наши мнѣнія раздвоились. Одни желаютъ съ честью хранить полученное благо, другіе же стремятся къ развитію германскаго могущества. Объединеніе въ одно политическое цѣлое всѣхъ частей народа всегда составляло предметъ желаній всякой сильной націи. Будемъ вдохновляться словами поэта Арндта: «Всякая земля, гдѣ звучитъ германская рѣчь, есть земля германская», или то же въ другой редакціи: «Тебѣ, храбрый германецъ, должно принадлежать все, гдѣ звучитъ германская рѣчь и гдѣ несутся на небо гимны къ Творцу». Будемъ

[1]) André Chéradame, стр. 21.

трудиться для объединенія всѣхъ германскихъ племенъ; примемся за дѣло немедленно; пробудимъ во всѣхъ германскихъ странахъ континента сознаніе общности происхожденія и стремленіе къ объединенію. Конечно, эта политика вызоветъ сильное сопротивленіе, быть можетъ даже всеобщую войну. Пусть только эта катастрофа произойдетъ не слишкомъ рано, съ тѣмъ, чтобы мы могли завершить нашъ трудъ по подготовленію пангерманскаго объединенія».

Однимъ изъ органовъ этого движенія явился «всенѣмецкій или пангерманскій союзъ» подъ предсѣдательствомъ доктора Гассе; союзъ этотъ проявилъ необыкновенную энергію. Въ 1895 г. онъ насчитывалъ 7.700 членовъ, а въ 1900 г. ихъ уже было 21.500. Этотъ союзъ оказалъ большое вліяніе на политическое развитіе Германіи. Широкимъ распространеніемъ своихъ изданій и устройствомъ конференцій онъ далъ толчекъ развитію пангерманскихъ идей. Въ основу его программы было положено извѣстное изреченіе: «Помни, что ты германецъ». Союзъ зорко смотрѣлъ за строгимъ соблюденіемъ этого правила всѣми его членами— Semel Germanus Semper Germanus—и внушаетъ имъ дорожить принадлежностью къ германскому племени: Civis Germanus sum». Развитію пангерманскихъ идей оказывалъ мощную поддержку

Вильгельмъ II. Съ 1892 г. онъ началъ въ своихъ рѣчахъ употреблять слово Германія.

3 Февраля 1899 г., онъ сказалъ на засѣданіи Бранденбургскаго Ландтага [1]): «Будемъ стараться, чтобы мы всѣ германцы были объединены въ одинъ блокъ. Объ эту бронзовую скалу германскаго народа, вдали за морями и здѣсь у насъ въ Европѣ, будетъ разбиваться всякая волна, угрожающая міру».

Прусское правительство вдохновилось идеями пангерманизма. Оно признавало его осуществленіе возможнымъ со стороны экономической, такъ какъ онъ пріобщилъ бы къ Германіи все теченіе Дуная и Рейна, Голландію и Бельгію. Работы, предпринятыя по соединенію бассейновъ Дуная, Одера, Эльбы и Рейна, обѣщаютъ крупныя выгоды, Гамбургскій Сенатъ настоятельно требуетъ соединенія Эльбы съ Дунаемъ, а одно Австрійско-Венгерское Общество изыскиваетъ способы соединить каналомъ Одеръ съ Дунаемъ, съ тѣмъ, чтобы связать воднымъ путемъ Гамбургъ и Силезскіе рудники съ востокомъ.

Съ политической стороны осуществленіе пангерманизма представляется особенно желательнымъ для Германіи, такъ какъ оно устранить

---

[1]) André Chéradame, стр. 29.

существующія нынѣ слишкомъ тѣсныя очертанія ея границъ. При этомъ главное вниманіе обращается конечно на Австрію.

Наконецъ осуществленіе пангерманизма доставитъ весьма крупныя выгоды всѣмъ странамъ. Проповѣдники ученія думаютъ, что эти страны экономически много выиграютъ отъ присоединенія ихъ къ великой нѣмецкой родинѣ. Такъ, военное положеніе Швейцаріи совершенно непрочное и ея нейтралитетъ простая фикція. Войска германской имперіи получили бы возможность принять участіе въ защитѣ Монблана, Сенъ-Бернарда, Монрозы, Симплона и Готарда. Швейцаріи была бы обезпечена полная безопасность. Такимъ образомъ не Германія нуждается въ Швейцаріи, но Швейцаріи необходимо покровительство Германіи, Положеніе Голландіи одинаково. Только одинъ тѣсный союзъ съ нѣмецкимъ народомъ можетъ способствовать возстановленію ея прежняго благосостоянія.

Что же касается Бельгіи, то она является страною, наиболѣе угрожаемою во всей Европѣ. Соединеніе съ Германіею ея фламандской части неизбѣжно.

Для Великаго Герцогства Люксембургскаго вопросъ представляется иначе. Оно уже пользуется выгодами таможеннаго союза; его столицѣ

остается только быть обращенной въ имперскую крѣпость.

Изъ всѣхъ германскихъ странъ Австрія оказалась бы въ наиболѣе выгодномъ положеніи. Принципъ національности, положенный Наполеономъ III въ основу государственнаго бытія, является по отношеніи къ Цислейтаніи опаснымъ. Пангерманизмъ устранитъ эту опасность и поможетъ обѣимъ странамъ. Пруссія не имѣетъ тѣла достаточно крупнаго для ея души. У Австріи недостаетъ души для ея крупнаго тѣла. У Германіи слишкомъ много принцевъ, а у Австріи слишкомъ много народовъ. Австрія нуждается въ нѣмецкихъ колонистахъ, а Германія нуждается въ Австріи для своихъ колонистовъ. Австрія нуждается въ господствующей націи и одни лишь германцы сумѣютъ быть носителями власти [1]).

Что же касается до остальныхъ народностей, то объ нихъ нечего заботиться. Мадьяры и чехи являются только обузой для исторіи. Не имѣя никакой политической цѣнности, они являются лишь амальгамою, полезной для новыхъ германскихъ построеній. Пангерманизмъ, укрѣпляя господство германское въ Австріи, сдѣлаетъ невозможною борьбу между различными національностями.

---

[1]) André Chéradame, стр. 43.

Экономическія выгоды пангерманизма неисчислимы. Составъ таможеннаго союза возросъ бы съ 52.000.000 до 108.000.000, Союзъ обнималъ бы бассейны Дуная, Рейна, Эльбы и Одера. Онъ господствовалъ бы надъ морями Сѣвернымъ, Балтійскимъ, Адріатическимъ и Чернымъ.

Значительны также были бы и политическія выгоды. Сближеніе Австріи съ Германіею положило бы предѣлъ дальнѣйшему развитію славянства. Соединеніе армій и флотовъ германскихъ и австрійскихъ дало бы средство устранить всякую опасность. Подчиненныя ея господству балканскія государства были бы поставлены подъ руководство германской Имперіи, которая получила бы возможноеть воспользоваться значительною частью турецкаго наслѣдства.

Обладая подобнымъ могуществомъ, берлинское правительство могло бы обезпечить миръ Европѣ, не слишкомъ угнетая союзныя государства; однако, пусть не обманываютъ себя, только Германія, простирающаяся отъ Эмса до устья Дуная, отъ Мемеля до Тріеста, отъ Меца до береговъ Буга, можетъ исполнить эту миссію, такъ какъ только такая Германія могла бы прокормить себя и своею постоянною арміею побѣдить Россію или Францію, или даже разбить ихъ соединенныя арміи, опираясь на свои ре-

зервы [1]). Таковы мечты пангерманистовъ, но ихъ аппетитъ великъ. Они простираютъ свои хищные инстинкты на мелкія государства и Блондель въ своемъ трудѣ указываетъ на то, что пангерманисты съ особой рѣшительностью настаиваютъ на необходимости поглощенія Германіею слабыхъ сосѣдей. Германіи предназначено получить большое значеніе въ будущемъ. Но для этого необходимо устраненіе мелкихъ государствъ, неспособныхъ доразвиться до самостоятельнаго бытія [2]). Ихъ существованіе ничѣмъ не оправдывается. Германская раса должна безпощадно сокрушить всѣ преграды, препятствующія ея распространенію. Исторія, по мнѣнію пангерманистовъ, учитъ, что прогрессъ цивилизаціи возможенъ только подавленіемъ національной свободы мелкихъ народовъ. Блондель приводитъ мнѣніе Вольфа: (Alldeutsche Blätter. Сентябрь 1913) [3]).

«Побѣдители дѣйствуютъ согласно съ требованіями біологіи и логики, когда они прилагаютъ старанія къ искорененію языка и вытѣсненію чуждой народности. Вотъ почему не нужно дѣ-

---

[1]) André Chéradame, стр. 47.

[2]) Georges Blondel—La Doctrine Pangermaniste, стр. 47.

[3]) Georges Blondel, стр. 85.

лать никакихъ уступокъ, но просто предъявлять права завоевателя, проявлять въ самыхъ широкихъ размѣрахъ власть и самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывать въ пользованіи политическими правами».

Шерадамъ указываетъ на излюбленную мысль пангерманистовъ о томъ, что германцы имѣютъ историческую миссію дать отпоръ волнѣ русско-славянскаго націонализма [1]. Германія призывается устранять возможность образованія въ Цислейтаніи славянскаго государства, могущаго, вмѣстѣ съ Россіею, Франціею и Даніею, бороться съ Германіею. Германизація въ Альпахъ, на Карпатахъ, на Дунаѣ и на Эльбѣ должна быть упрочена. Съ Австріею пангерманцы не стѣсняются. Германская Имперія должна покорить германскую Австрію. Германія не можетъ быть отстранена отъ береговъ Адріатики безъ утраты своего значенія, какъ великой державы. Германія встрѣчаетъ на пути своего развитія такія неизбѣжныя затрудненія, для устраненія которыхъ представляются излишними всякія сантиментальныя соображенія. Границы, раздѣляющія государства, не установлены на вѣчныя времена.

---

[1]) André Chéradame, стр. 48.

Шерадамъ приводитъ мнѣніе де-Лагарда [1]) относительно славянъ и чеховъ, по мнѣнію котораго они отъ всего сердца ненавидятъ нѣмцевъ. Они знаютъ, «что наша жизнь есть ихъ смерть», а извѣстный пангерманскій писатель-Торманъ поясняетъ, что «тотъ, который не хочетъ быть прогнаннымъ, долженъ умѣть изгонять». И это мы сдѣлаемъ, говорятъ пангерманцы, какъ только будемъ господами въ Австріи. Мы предложимъ тогда возвратиться на родину нѣмцамъ, живущимъ за предѣлами нашихъ границъ, въ Венгріи, въ Трансильваніи, въ Сѣверной Америкѣ, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ прибалтійскихъ провинціяхъ, въ томъ предположеніи, что мы не будемъ присоединять ихъ.

Шерадамъ припоминаетъ [2]), что въ брошюрѣ, изданной имъ въ 1895 г., онъ писалъ, что по «мнѣнію автора брошюры: Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950. (Berlin 1895) война, неизбѣжная между Германіею и Россіею, закончитъ собой великое зданіе пангерманизма. Если исходъ войны будетъ счастливый, Германія присоединитъ къ себѣ прибалтійскія провинціи Эстляндію, Ливонію и Курляндію. Она создастъ Поль-

[1]) André Chéradame, стр. 51.
[2]) André Chéradame, стр. 57.

ское государство и королевство Рутенское, предназначенныя получить всѣхъ евреевъ и славянъ, выселенныхъ изъ великой Германской Имперіи».

«Въ заключеніе, въ центральной Европѣ образуются двѣ территоріальныя группы. Въ составъ первой—политической или германской конфедераціи войдутъ: нынѣшняя германская Имперія, Люксембургъ, Голландія, Бельгія, нѣмецкая Швейцарія и Австро-Венгрія».

«Вторая группа будетъ образовать огромный таможенный союзъ. Въ составъ его войдутъ, кромѣ германской конфедераціи, Балтійскія провинціи, Королевства Польское и Рутенское, Румынія и увеличенная Сербія».

«Въ Пангерманіи тогда будутъ находиться около 86.000.000 жителей, а на территоріи ея таможеннаго союза будутъ проживать около 131.000.000 потребителей. (Эти цифры относятся къ 1895 г.).

И авторъ пангерманской брошюры де-Лагардъ заключаетъ съ развязностью и феодальнымъ безстыдствомъ прусскаго юнкера: «конечно, нѣмцы не одни будутъ населять новую Германскую Имперію, но они одни будутъ управлять ею, одни будутъ пользоваться политическими правами, служить во флотѣ и арміи, одни будутъ имѣть право пріобрѣтать землю. Они будутъ имѣть тогда, какъ

и въ средніе вѣка имѣли, сознаніе того, что они являются господствующимъ народомъ (Herrenvolk); во всякомъ случаѣ они снизойдутъ къ тому, чтобы низшія работы были исполняемы иностранцами, подчиненными ихъ господству.

Блондель [1]) подробно раскрываетъ вожделѣнія пангерманистовъ. На нѣмецкую Имперію, въ ея настоящихъ границахъ, они смотрятъ только какъ на часть германской земли. Пангерманизмъ, говорилъ докторъ Гассе въ 1902 г. на Эйзенахскомъ конгрессѣ, обнимаетъ собою не только народы Скандинавскіе и англо-саксонскіе, но, согласно съ мнѣніями двухъ убѣжденныхъ пангерманцевъ—француза Графа Гобино и англичанина Густона Стьюварта Чэмберлена, и другія группы европейцевъ, болѣе или менѣе насмѣшанныхъ съ германцами. Историческій народъ не осужденъ осуществлять свою миссію на своей исторической почвѣ и не можетъ быть запертымъ въ центрѣ старой Европы. Онъ выросъ, ему нуженъ большій просторъ, онъ переживаетъ экономическія требованія, дѣлающія для него необходимымъ завоеванія новыхъ территорій. Наша промышленность, говоритъ Даніилъ Фриманъ, нуждается въ новыхъ рынкахъ; намъ

---

[1]) Georges Blondel, стр. 43.

необходимы страны, производящія сырье, потребное для нашихъ фабрикъ, сырье, которое мы должны покупать, что ставитъ насъ въ невозможное положеніе зависимости отъ другихъ народовъ. Почему бы Германіи не расширить свою территорію со стороны Франціи. Францію нужно втиснуть въ границы, указанныя Вердюнскимъ договоромъ. Германія должна занять всю ту мѣстность, населеніе которой, какъ говорятъ, преимущественно германскаго происхожденія. Не менѣе 10 департаментовъ должны быть присоединены къ Имперіи. Нужды экономическаго свойства настоятельно требуютъ свободнаго выхода въ Сѣверное море. Антверпенъ, Калэ и даже Булонь должны быть нѣмецкими портами. Только такимъ образомъ Германія можетъ положить предѣлъ ненавистному преобладанію Англіи на моряхъ. Съ французами нужно поступать круто, такъ какъ по отношенію къ нимъ были слишкомъ мягки. Франкфуртскій договоръ 1871 г., по мнѣнію Фримана, обнаружилъ непростительную снисходительность. Ошибка, тогда сдѣланная, должна быть исправлена, «Новый распорядокъ, который пангерманцы предполагаютъ примѣнить ко Франціи, долженъ быть суровымъ, Франція должна быть лишена возможности угрожать намъ, мы потребуемъ отъ нея всю ту терри-

торію, которая намъ понадобится, дабы всегда быть въ безопасности. Намъ нечего бояться рѣшительно отобрать у нея всю территорію въ Шампани, въ Бургундіи и въ Франшъ-Контэ. Мы лишь одни можемъ опредѣлить то, что намъ необходимо».

«Права расы опредѣляются ея потребностями. Посему мы имѣемъ право отобрать у другого народа (если рѣчь идетъ о насъ) весь избытокъ, которымъ онъ давится. Мы нисколько не стѣс-
няемся заявить, что народъ, желающій осуще-
ствить свое намѣреніе, имѣетъ право посягать на свободу и собственность своихъ сосѣдей». Все-
нѣмецкій союзъ въ одной изъ своихъ первыхъ брошюръ заявилъ, что главная цѣль пангер-
манизма заключается въ развитіи нѣмецкаго го-
сподства со всѣми послѣдствіями.

Шерадамъ [1]) припоминаетъ, что Гарденъ въ свое время говорилъ, что Германія должна имѣть цѣлью водрузить на берегахъ узкаго канала, у дверей въ Атлантику, боевой флагъ державной Имперіи....» Мы останемся въ Бельгіи и присое-
динимъ къ ней узкую полосу земли до Калэ. Сдѣ-
лавъ это, мы охотно окончимъ войну, отъ кото-
рой намъ болѣе нечего ожидать, мы довольны

[1]) André Chéradame, стр. 73.

тѣмъ, что отомстили за оскорбленіе, намъ нанесенное».

Что же касается до нѣмецкаго профессора химика Оствальда, то, въ Ноябрѣ 1914 г., онъ сообщилъ сотруднику газеты Дагенъ изъ Стокгольма: «На востокѣ Германія создастъ конфедерацію Балтійскую; въ ея составъ войдутъ Скандинавскія государства, Финляндія и Балтійскія провинціи. Кромѣ того Польшу отторгнутъ отъ Россіи и создадутъ изъ нея самостоятельное государство. Думаю, что настало время исправить карту Европы». Извѣстный Дернбургъ, въ Декабрѣ 1914 г., указывалъ на условія мира, пріемлемыя для Германіи: «По военнымъ соображеніямъ, Германія сдѣлаетъ легкія исправленія своихъ границъ и займетъ тѣ изъ сосѣднихъ территорій, обладаніе коими укрѣпитъ военное положеніе Германіи. Территоріально Бельгія принадлежитъ Германской Имперіи. Бельгія не будетъ присоединена, но будетъ поставлена въ такое положеніе, что ея гавани будутъ навсегда ограждены отъ англійкаго и французскаго нашествія».

Въ томъ же Декабрѣ, Кемфъ, предсѣдатель Рейхстага, объявилъ въ Берлинскомъ Tageblatt'ѣ: «Мы должны обезпечить для нѣсколькихъ поколѣній возможность безпрепятственно проявлять на сушѣ и на морѣ дѣятельность, дающую

просторъ народу, столь мощному, какъ германскій, осуществлять свою просвѣтительную миссію на землѣ».

Въ заключеніе Шерадамъ [1]) приводитъ мнѣніе извѣстнаго историка Шефера, помѣщенное имъ въ началѣ Февраля 1915 г. въ сборникѣ Пантера: «Намъ необходимо распространить предѣлы нашего господства особенно на востокъ .... Громадная русская сила должна быть вытѣснена за Днѣпръ .... Тогда явится возможность образовать, подъ главенствомъ Германіи и Австро-Венгріи, отъ Сѣвернаго мыса до Средиземнаго моря союзъ державъ, обезпечивающій за каждой изъ нихъ прочность существованія и миръ.

Блондель указываетъ, что по мнѣнію пангерманистовъ сверхнація не можетъ иначе проявить себя, какъ чрезъ униженіе и угнетеніе національностей, не имѣющихъ чести принадлежать къ избранной расѣ. Германизмъ долженъ, такимъ образомъ, раздавить міръ славянскій, міръ латинскій и міръ англосаксонскій.

Побѣды Германіи, по словамъ Франкфуртской газеты [2]), есть метафизическая необходимость. «Мы еще не завершили начатаго. Возможно,

---

[1]) André Chéradame, стр. 75.

[2]) Georges Blondel, стр. 110.

что намъ придется перенести еще тяжкія испытанія. Но это еще не бѣда. Бѣда была бы велика, если бы мы одержали слишкомъ легкую побѣду и тѣмъ возгордились бы». Германизмъ, по мысли Рорбаха, можетъ утвердиться только путемъ кровавыхъ битвъ и тяжкихъ жертвъ. Къ этому нужно готовиться съ радостью и довѣріемъ, такъ какъ міръ долженъ сдѣлаться нѣмецкимъ и долженъ подчиниться нѣмецкой дисциплинѣ, единственно способной возродить его. Германія срединная страна, она призвана объединить различныя части Европы. «Германія, по мнѣнію Даніэля, есть сердце Европы, которая сама есть сердце всего міра». Блондель [1]) по этому поводу приводитъ мнѣніе профессора Гуммеля: «Точно такъ же, какъ дѣятельность сердца приводитъ въ движеніе кровь, обновляющую старѣющія части организма и питающую болѣе молодыя, точно также Германія имѣетъ своимъ назначеніемъ черезъ распространеніе германской крови обновлять истощенныя части старой Европы».

Историки, какъ вѣрно замѣчаетъ Блондель [1]), не уступаютъ географамъ въ своеобразности своихъ сужденій. Германія является въ ихъ трудахъ, какъ нація, имѣвшая отъ вѣка главнымъ назна-

[1]) Georges Blondel, стр. 92.

ченіемъ пріобрѣтать новыя территоріи и охранять тѣ изъ нихъ, которыми успѣла завладѣть. Нѣмецкій народъ изображается, какъ народъ господствующій «Herrenvolk».

«Германія, по мнѣнію Гизебрехта, имѣетъ право на обладаніе другими, потому что она нація избранная». Германская раса,—раса благородная и ей принадлежитъ право вліять на сосѣдей; ей принадлежитъ право, подобное тому, въ силу коего всякій человѣкъ, обладающій большимъ умомъ или большею силою, обязанъ вліять на окружающихъ его людей, менѣе чѣмъ онъ одаренныхъ.

Латинская раса, по мнѣнію профессора Рейнера, хотя и совершила великія дѣла, но она уже ослабѣла и призвана къ постепенному вырожденію. Германская раса призывается оздоровить вены, въ которыхъ вращается обѣднѣвшая кровь. Германская раса молода, сильна, богата починомъ, будущее принадлежитъ ей. Германія только начала выступать въ той славной роли, которая возложена на нее для блага всего человѣчества. Она зерно будущей «Западной Имперіи».

Одинъ изъ боевыхъ педагоговъ пангерманизма Лампрехтъ явился насадителемъ этого направленія и въ начальныхъ школахъ, въ которыхъ любовь къ родинѣ прививается всего болѣе, какъ чувство ненависти ко всѣмъ чужеземцамъ.

Вообще одностороннее увлеченіе германизмомъ весьма неблагопріятно отразилось на уровнѣ научнаго развитія Германіи.

Стремленіе германизировать не только будущее но и прошлое страны естественно привело къ искаженію истины. Если Гастонъ Пари говорилъ въ 1871 г., что предметомъ науки является истина, и истина сама по себѣ взятая, внѣ всякихъ заботъ о послѣдствіяхъ, то у нѣмецкой науки оказывается иная цѣль; она считаетъ себя обязанной развивать національную гордость. Такъ Гизбрехтъ однажды утверждалъ: «Наука не должна быть космополитической, она должна быть національной, она должна быть нѣмецкой». Прославленіе всего нѣмецкаго и въ частности Прусскаго сдѣлалось удѣломъ многихъ выдающихся нѣмецкихъ писателей. Оно увлекло даже француза—Графа Гобино и Густона Стьюварда Чэмберлена — англичанина по происхожденію, трудъ котораго о Генезисѣ XIX вѣка обратилъ на себя особое вниманіе. Чэмберленъ рѣшился даже утверждать, что вся цивилизація есть дѣло германцевъ: Абеляръ и Николай Пизанскій, Джіото и Чимабуе по его мнѣнію германскаго происхожденія, Дантъ имѣлъ нѣмецкую физіономію, а Алигіери ничто иное какъ нѣмецкая фамилія Альдигеръ. А какое странное впечатлѣ-

ніе производятъ католики въ родѣ Гëреса, совѣтующаго предать огню невѣрный Страсбургъ, надабы тѣмъ увѣковѣчить месть германскаго народа или истребить огнемъ Реймсъ, колыбель французской націи.

Католицизмъ, по мнѣнію Блонделя, существенно измѣнился съ войною. Подъ вліяніемъ пангерманистовъ, католики смотрятъ на германцевъ какъ на Божьихъ чадъ; у нихъ однихъ сердце чистое и совѣсть спокойная. Остальные-же являются заблудшими овцами; съ ними нужно обращаться такъ же, какъ обращались тевтонскіе рыцари въ XIII вѣкѣ съ населеніемъ, жившимъ въ нижней части Вислы, т. е. ихъ нужно истреблять. Всего своеобразнѣе отношенія нѣмцевъ къ англичанамъ. «Боже! накажи Англію». Эти слова обращаются въ привѣтъ при встрѣчѣ. Имъ отвѣчаютъ: «онъ сотворитъ такъ».

Увлеченіе пангерманизмомъ привело германцевъ нашихъ дней къ воззрѣнію, что они, призванные имѣть гегемонію надъ всѣмъ міромъ, являются единственнымъ народомъ, обладающимъ человѣческой культурой во всей ея полнотѣ.

«Мы призываемся, говоритъ Науманъ [1]), указывать направленіе всему человѣчеству. Мы

---

[1]) Georges Blondel, стр. 103.

должны стремиться достигнуть централизаціи въ господствѣ надъ всѣмъ міромъ. Задача, на насъ возложенная, столь важна для германской расы, что предъ нею должны стушеваться всѣ нравственныя соображенія. Нѣмецкая раса, раса высшая, должна быть расой господствующей въ мірѣ. Но почему же она имѣетъ такое значеніе, спрашиваетъ извѣстный профессоръ химикъ Оствальдъ и отвѣчаетъ: «Ея превосходство дается ея организаціею». «Германія есть страна, по преимуществу организованная. Организація, вотъ новый факторъ, введенный нами въ исторію цивилизаціи. Міръ еще находится въ состояніи анархіи, изъ которой мы его выводимъ. Наступитъ день, когда намъ будутъ благодарны. Другіе народы придутъ въ Германію за новыми силами, ибо мы призваны дать счастье человѣчеству». А Отто Гирке поясняетъ: «Нѣмецкая культура самая лучшая, самая надежная, самая существенная. Она является элементомъ, наиболѣе необходимымъ для всеобщей цивилизаціи». Мы осуществляемъ, говоритъ Лассонъ, культурную задачу, и намъ нечего извиняться. Господь съ нами. Германизмъ есть самое законченное завершеніе предыдущихъ періодовъ исторіи. Мы высшая раса. А высшія расы призваны господствовать, низшія-же призваны подчиняться.

Блондель [1]) приводитъ мнѣніе Шлейермахера, по которому Германія призывается господствовать надъ цѣлымъ міромъ. Итальянскій писатель Монета весьма своевременно припоминаетъ бесѣду съ сотрудникомъ одного журнала въ Берлинѣ. Нѣмецкая гордыня, говоритъ онъ, становится столь назойливой, что черезъ 8 или 10 лѣтъ Европа обратится въ огромную нѣмецкую казарму.

Для значительнаго числа философовъ, юристовъ и историковъ право на политическую и военную гегемонію Германіи въ Европѣ обратилось въ догматъ. «Мы не можемъ допустить, говорилъ однажды одинъ плѣнный Баварскій полковникъ, чтобы расы латинская и славянская могли существовать одновременно съ расой германской, т. е. съ расой высшаго порядка».

Пангерманисты давно усвоили себѣ ясное представленіе о невозможности осуществленія мирнымъ путемъ ихъ дикихъ и фантастическихъ замысловъ. Они знаютъ, что германизмъ можетъ быть навязанъ только силою. Германцы знаютъ, что ихъ не любятъ. Европа злоумышляетъ противъ насъ, пишетъ Лассонъ. У насъ нѣтъ друзей. Всѣ на насъ смотрятъ какъ на людей опасныхъ,—

---

[1]) Georges Blondel, стр. 105.

«потому что мы нравственно болѣе совершенны». Блондель припоминаетъ, что то-же чувство вдохновляло Бюлова, сказавшаго въ Рейхстагѣ: «Когда нельзя расположить къ себѣ любовью, нужно заставить людей бояться. Только желѣзомъ и кровью созидаются великія державы».

Торжество пангерманскихъ идей естественно привело къ одному изъ наиболѣе чудовищныхъ явленій нашего времени. Блондель [1]) приводитъ мнѣніе одного пангерманиста, «что война даетъ народамъ мѣсто, необходимое для ихъ роста. Если мы хотимъ развиваться, мы должны сознавать необходимость войны, должны вѣрить въ вѣчную войну. Война—то крикъ пробужденія народовъ здоровыхъ, и крикъ смерти для народовъ больныхъ. Война—то Божій судъ. Войною познается значеніе народа». А генералъ Бернгарди утверждаетъ, «что только войною можно достигнуть устраненія неспособныхъ къ самобытной жизни народовъ. Въ мірѣ господствуетъ мысль, что война старое негодное средство, недостойное великаго цивилизованнаго народа. Мы же нѣмцы не должны увлекаться подобными теоріями».

Писатель Флахъ съ своей стороны утверждаетъ, что сила во всей своей дикости является закон-

[1]) Georges Blondel, стр. 114.

ной для избраннаго народа. Всѣ противящіеся ему нарушаютъ его права. У нихъ остается выборъ подчиниться или быть истребленными. Наша эпоха, говоритъ Трейтшке, есть эпоха войнъ, наша година—година желѣза. Сильный долженъ одолѣть слабаго, таковъ жизненный законъ.

Блондель [1]) приводитъ мнѣніе профессора Циглера о томъ, «что милитаризмъ есть какъ бы центръ нашего нѣмецкаго общества. Онъ служитъ образцомъ для всей нашей жизни. Благодаря Бисмарку, мы не только народъ, но мы держава. Онъ, великій реалистъ, и насъ сдѣлалъ реалистами».

Альфредъ Керръ говорилъ въ 1912 г. извѣстному французскому писателю Бурдону: «Постоянная угроза войны, такова дѣйствительность». «Вы во Франціи ослѣплены иллюзіями. Вы даете себѣ роскошь гуманитарныхъ идей. Вы вѣрите въ правосудіе, въ добросовѣстность, въ миръ, въ братство. Это очень опасно. Вы говорите: война, насиліе, побѣда—все это вышло изъ моды, все это устарѣло. Я-же вамъ отвѣчаю,—это свершится завтра».

Въ одной брошюркѣ, получившей одобреніе Кронпринца, полковникъ Фробеніусъ совѣто-

---

[1]) Georges Blondel, стр. 116.

валъ Германіи не давать Франціи времени закон чить свои вооруженія. Германія должна немедленно выступать.

Блондель [1]) по этому поводу замѣчаетъ, что взглядъ на неизбѣжность войны былъ ясно указанъ 6 Мая 1913 г. Камбономъ, французскимъ посломъ въ Берлинѣ. Камбонъ передавалъ, что въ разговорѣ съ генераломъ Мольтке послѣдній утверждалъ, что генеральный Штабъ признавалъ необходимымъ дѣйствовать рѣшительно. Слѣдуетъ, говорилъ Мольтке, оставить безъ вниманія общія мѣста объ отвѣтственности нападающаго. Когда война оказывается необходимой, нужно начинать ее, пользуясь всѣми выгодами, успѣхъ одинъ лишь все оправдываетъ. Мольтке присовокуплялъ: «Германія не должна оставлять Россіи времени для мобилизаціи. Нужно предварить противника и начать войну безъ промедленія, дабы жестоко устранить всякое сопротивленіе».

Блондель [2]) приводитъ весьма любопытное сообщеніе, помѣщенное въ Штандартѣ въ Іюлѣ 1907 г., о томъ, что Германіи суждено завоевать прибалтійскія провинціи, упрочить свои отношенія съ Австріею, установить нѣмецкій про-

---

[1]) Georges Blondel, стр. 118.
[2]) Georges Blondel, стр. 120.

текторатъ надъ Турціею въ Европѣ и Азіи, присоединить Бельгію и Голландію. По этому поводу одинъ убѣжденный пангерманецъ замѣтилъ: «Германія не будетъ ожидать нападенія, не будетъ также и ожидать, чтобы анти-германская коалиція находилась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, дабы диктовать ей свою волю. Она сама нападетъ при первой угрозѣ ея интересамъ или ея чести».

А генералъ Бернгарди въ 1912 г. находилъ, что политическое положеніе германской Имперіи не соотвѣтствуетъ ни культурному развитію народа, ни экономическому значенію нѣмецкаго элемента заграницею. Онъ давалъ понять, что такому положенію дѣлъ наступилъ конецъ, и что война создастъ несокрушимыя основы для могущества Германіи. Онъ ясно высказывалъ, что имѣется одинъ лишь способъ поставить Европу подъ надзоръ Германіи,—обращеніе къ оружію. Война есть продолженіе политики, только другими средствами. Ошибочно думать, что война есть варварство, что она находится въ противорѣчіи съ закономъ христіанской любви и что она недостойна цивилизованнаго народа. Эти мысли нужно въ корнѣ устранить . . . . Война, предпринятая ради высокихъ цѣлей, должна быть разсматриваема какъ высшее проявленіе истинной цивилизаціи, какъ необходимость полити-

ческая въ интересахъ прогресса біологическаго, общественнаго и нравственнаго.

Однажды необходимость войны является доказанной, представляется послѣдовательнымъ выводъ, что война должна осуществляться со всей возможной энергіей. «Германія, говоритъ Бергсонъ, находитъ, что ей ничто не возбранено изъ того, что можетъ упрочить ея господство. Пусть ей не говорятъ о какихъ либо ненарушимыхъ правахъ. Правымъ является то, что опредѣлено договоромъ: въ договоръ же заносится воля побѣдителя, т. е. то, что предписала его сила; такимъ образомъ сила и право являются тожественными, и если силѣ дано будетъ новое направленіе, то право обращается въ достояніе давней исторіи. Трактатъ, его утверждавшій, есть не болѣе какъ клочокъ бумаги». «При этомъ особенно не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими соображеніями сантиментальнаго свойства. Война есть война; такова абсолютная теорія войны безъ жалости. Да, нужно сдѣлать войну ужасной, чѣмъ болѣе она будетъ жестока, тѣмъ это будетъ лучше. Всякая чувствительность есть слабость, пишетъ одинъ изъ вождей центра Эрцбергергъ: «чѣмъ война болѣе безпощадна и жестока, тѣмъ болѣе она гуманна, ибо она такимъ образомъ приводитъ скорѣе къ благопріятному разрѣшенію».

«Если же Германія признаетъ нужнымъ для побѣды и завоеванія гегемоніи терроризировать мирное населеніе, грабить, разорять, разрушать произведенія искусства, поджигать беззащитные города, избивать стариковъ, женщинъ и дѣтей, она не должна останавливаться ни передъ какими соображеніями о гуманности. Она облечена особой миссіею».

«Намъ не приходится оправдываться, говоритъ генералъ фонъ-Дисфуртъ; все то зло, которое наши солдаты причинятъ непріятелю, мы заранѣе оправдываемъ. Разрушеніе произведеній искусства не вызываетъ съ нашей стороны никакого сожалѣнія». Блондель [1]) по этому случаю замѣчаетъ, что все это будетъ совершено правильно, методично и согласно съ требованіями дисциплины. Все будетъ происходить научно! Нѣмецкая культура есть организованное варварство, это есть варварство, усиленное всѣми средствами цивилизаціи. И правъ былъ президентъ Гарвардскаго Университета Эліотъ, когда говорилъ, что нельзя не видѣть значительнаго упадка человѣчества въ современной войнѣ, охватившей Европу. Нельзя безъ негодованія относиться къ политикѣ желѣза и крови и попыткѣ

[1]) Georges Blondel, стр. 125.

лишить малыя государства тѣхъ правъ, которыя усвояются крупнымъ державамъ. Человѣчество съ негодованіемъ отвернется отъ Вильгельма II, цитирующаго стихи Клейста: «Какое намъ дѣло до правила, по которому свергнутъ нашъ врагъ, когда онъ лежитъ у нашихъ ногъ, онъ и всѣ его знамена».

Лордъ Кэрзонъ въ недавно вышедшей книгѣ Road toward peace справедливо говоритъ, что германскій народъ самъ себя поставилъ внѣ черты человѣческой цивилизаціи и внушительно присовокупляетъ: «Бѣшеная собака въ Европѣ должна быть посажена на цѣпь».

ГЛАВА II.

Пангерманская идея, послѣдовательно проводимая въ жизнь чрезъ школу и печать, охватила Германію какимъ-то коллективнымъ психозомъ и великая міровая война первой четверти XX-го вѣка выдвинула полчища германскія. Во всеоружіи современной техники эти варвары проявили озвѣрѣніе, отъ котораго съ негодованіемъ содрогнулось все человѣчество. Конечно, всякая война пробуждаетъ злые инстинкты человѣка. Кровь льется повседневно, жизнь человѣка теряетъ цѣну, вспышки злобы, проявленія жестокости неиз-

бѣжны. Неизбѣжны и поджоги и отдѣльные случаи всякихъ насилій. Но ничѣмъ неоправдываемая вина германцевъ заключается въ ихъ рѣшительномъ отрицаніи обязательной для нихъ силы законовъ и обычаевъ войны, соблюденіе коихъ освящено Гаагскою и Женевскою конференціями, подписанными офиціальными представителями Германіи. Озвѣрѣвшая рать кайзера, рать сверхгосударства, стоитъ выше требованій, предъявленныхъ всему культурному человѣчеству. Международные трактаты, журналы всякихъ конференцій, эти жалкіе клочки бумаги, имѣющіе, согласно воззрѣніямъ Трейтшке, значеніе только rebus sic stantibus, т. е. пока существуютъ обстоятельства, при которыхъ состоялись эти соглашенія. Съ началомъ военныхъ дѣйствій, по нигилистическому ученію германскихъ государственниковъ, всѣ международныя соглашенія теряютъ свое значеніе и со всей чудовищностью примѣняются варварскіе способы веденія войны, начиная съ терроризаціи мирнаго населенія, безпощаднаго разстрѣла стариковъ, женщинъ и дѣтей, поджога имущества мирныхъ гражданъ и проявленія безпощадной жестокости, покрывающей вѣчнымъ позоромъ германскую армію. Ужаснѣе всего строгая систематизація всѣхъ этихъ варварскихъ способовъ. Грабежъ, поджоги, всякія насилія не

только не воспрещаются, но прямо предписываются. Съ предусмотрительностью, достойною лучшаго удѣла, германскіе воины снабжаются различными снарядами для поджоговъ. Все дѣлается по командѣ. По командѣ подвергаютъ разстрѣлу заложниковъ женъ и дѣтей, по командѣ грабятъ и награбленное достояніе мирныхъ гражданъ въ автомобиляхъ и вагонахъ направляютъ внутрь Германіи и притомъ въ такомъ количествѣ, что неоднократно возбуждался вопросъ о необходимости установить извѣстный порядокъ для распредѣленія между провинціями Германіи добра, награбленнаго войсками въ богатыхъ городахъ и селахъ Бельгіи и Франціи. Съ негодованіемъ думая о всѣхъ ужасахъ, чинимыхъ германскими сверхвоинами, невольно задаешься вопросомъ, какимъ это образомъ германцы могли дойти до такого озвѣрѣнія. Въ былыя времена о нихъ шла иная молва. На Германію, страну, давшую міру Гёте, Шиллера, Бетховена, Моцарта, обычно смотрѣли какъ на страну добрыхъ нравовъ. Многимъ были памятны письма г-жи Сталь о благодушныхъ нѣмцахъ, безмятежно занимавшихся за кружками пива, въ душныхъ пивныхъ, мирными бесѣдами о метафизическихъ вопросахъ.

Нѣжная, сентиментальная чувствительность отразилась и въ литературѣ и въ музыкальныхъ

произведеніяхъ, но теперь куда все это испарилось. Иныя нынѣ проявились чувства у германцевъ. Прусскій милитаризмъ пробудилъ давній атавизмъ германцевъ, еще не просвѣщенныхъ свѣтомъ евангелія. Подъ вліяніемъ сложныхъ причинъ, характеръ германцевъ совершенно переродился. Присущая ихъ природѣ жестокость, укрѣпляемая казарменнымъ строемъ военнаго быта, совершенно вытѣснила воспѣтую поэтами сантиментальность.

Крайне неблагопріятно повліяла на нравственный обликъ германцевъ и философія Ницше [1]). Непримиримый врагъ христіанства, онъ возсталъ на Христа и вложилъ въ уста Заратустры рѣчи, полныя злобы и дерзкаго богохульства.

Ницше былъ страстнымъ проповѣдникомъ грубой силы и постоянной войны. Война, направленная на истребленіе всего, что не есть германское, представлялась ему закономъ жизни, и притомъ «война настоящая, исключающая всякія шутки». Весь народъ, говоритъ онъ [2]), долженъ быть вооруженъ. «Мнѣ нужны мужчина и жен-

---

[1]) Frédéric Nietzsche. Par delà le Bien et le Mal. Paris. 1898. Frédéric Nietzche—Ainsi parlait Zarathoustra. Paris. 1914. Фр. Ницше. Человѣческое, слишкомъ человѣческое. Москва. Gabriel Langlois—L'Allemagne Barbare. Paris. 1915.

[2]) Gabriel Langlois—L'Allemagne Barbare, стр. 267.

щина, пригодные для этой цѣли; онъ способный воевать, она—рождать дѣтей». Война, о которой Ницше мечтаетъ и, конечно, для Германіи, должна быть войной безъ конца: «Каждый день, проведенный безъ боя, есть день для насъ потерянный». Ницше самъ опредѣляетъ свою философію, какъ философію разрушенія. «Моя философія, говоритъ онъ, рождаетъ великую идею, побѣждающую всякое иное ученіе. Эта идея по истинѣ творческая. Расы, которыя не могутъ воспринять ее, осуждены; тѣ-же, которыя смотрятъ на нее какъ на величайшее изъ благодѣяній, призваны къ господству». Законность своей излюбленной идеи Ницше объясняетъ необходимостью утвердить господство одной избранной расы, хранительницы всѣхъ добродѣтелей, призванныхъ возродить весь міръ. Эта раса не будетъ только поколѣніемъ господъ, призванныхъ властвовать, но расою, имѣющею собственную жизненную сферу, имѣющею избытокъ силы въ красотѣ, храбрости, культурѣ, обращеніи и во всѣхъ проявленіяхъ умственной жизни; расою мощною, способною позволить себѣ въ широкихъ размѣрахъ роскошь, достаточно сильною для того, чтобы не нуждаться въ тираніи; достаточно богатою, чтобы избавиться отъ необходимости дѣлать сбереженія и упражняться въ педантизмѣ, расою, находящеюся внѣ понятій о

добрѣ и о злѣ. Рѣчь идетъ о сооруженіи такого прочнаго основанія, которое пригодилось бы для расы болѣе крѣпкой... Избранника, принадлежащаго къ этой господствующей расѣ, Ницше назвалъ «сверхчеловѣкомъ». Ницше, конечно, не сомнѣвается, что эта господствующая раса есть раса германская. «Я нисколько не сомнѣваюсь, говоритъ онъ [1]), въ томъ, что настанетъ, наконецъ, день, когда появятся эти свободные умы (сверхлюди), что въ нашей Европѣ между ея сынами грядущихъ дней будутъ встрѣчаться такіе бодрые и отважные борцы: это будутъ дѣйствительные живые люди, а не однѣ только схемы, вызванныя фантазіей отшельника, какими они являются у меня. Я уже вижу, какъ они приближаются медленными шагами и, можетъ быть, съ своей стороны, нѣсколько способствую тому, чтобы ускорить ихъ пришествіе, такъ какъ я описываю заранѣе, благодаря какимъ обстоятельствамъ они должны народиться и по какому пути они придутъ къ намъ».

Для осуществленія своего великаго призванія сверхчеловѣкъ Ницше, конечно, нуждается въ такомъ государствѣ, о которомъ ни Гегель, ни

---

[1]) Фр. Ницше. Человѣческое, слишкомъ человѣческое, стр. 7.

Фихте конечно не мечтали [1]). Ницше враждебно относится къ либераламъ и ко всѣмъ желавшимъ предоставить народу участіе въ управленіи страною. О нихъ Ницше говорилъ: «Они ослабляютъ государство, проповѣдуя либеральныя и оптимистическія начала, коренящіяся въ ученіяхъ французскаго раціонализма и революціи, т. е. въ философіи, совершенно чуждой нѣмецкому духу, въ философіи, носящей отпечатокъ романской пошлости, лишенной метафизическаго смысла».

«Чтобы идея государства не была обезсилена отвлеченными ученіями, остается одно лишь средство—война, и опять таки война. Мнѣ не поставятъ въ укоръ, что я воспѣваю здѣсь войну. Звукъ ея натянутаго серебрянаго лука ужасенъ; она идетъ къ намъ темная, какъ ночь. Впрочемъ, Аполлонъ ее сопровождаетъ, Аполлонъ законный путеводитель государствъ, богъ, который ихъ очищаетъ... Да, скажемъ, война необходима государству, какъ рабъ обществу».

Ницше былъ убѣжденный врагъ взгляда на миръ, какъ на высшее благо для счастья человѣчества. «Это, говоритъ онъ, праздная идея утопистовъ и добрыхъ душъ—надѣяться много на человѣчество послѣ того, какъ оно разучится

---

[1]) Gabriel Langlois.—L'Allemagne Barbare, стр. 271.

воевать. Но пока мы еще не знаемъ другого способа, который могъ бы возвратить народамъ утомленнымъ бодрую отвагу на полѣ битвы, эту глубокую безличную ненависть, это хладнокровіе въ убійствѣ, соединенное съ чистою совѣстью, эту сплоченную злобу въ истребленіи врага, это горделивое безучастіе къ великимъ потерямъ, къ собственной жизни и къ жизни любимыхъ людей, это глухое потрясеніе душъ, по силѣ подобное землетрясенію».

Война представлялась Ницше не только лучшимъ способомъ управленія государствомъ, но и наиболѣе возвышеннымъ занятіемъ и для самого человѣка. Ницше [1]) вложилъ въ уста своего Заратустры побѣдную пѣснь войнѣ. Заратустра учитъ: «Вы должны любить миръ какъ способъ войны и краткій миръ болѣе продолжительнаго».

«Я вамъ не совѣтую трудъ, но борьбу, я вамъ не совѣтую миръ, но побѣду. Пусть вашъ трудъ будетъ борьбою, а вашъ миръ побѣдою».

«Вы говорите, что благая цѣль оправдываетъ войну, а я вамъ говорю, успѣшная война оправдываетъ всякое дѣяніе».

«Войною и мужествомъ содѣяно больше, чѣмъ любовью къ ближнему. Не вашимъ состраданіемъ,

---

[1]) Frédéric Nietzsche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 64.

а вашей храбростью были доселѣ спасаемы жертвы».

«Что хорошо? спрашиваете вы. Быть храбрымъ, вотъ это хорошо. Пусть маленькія дѣвочки говорятъ: «хорошо, это то, что и красиво и трогательно»».

«Возмущеніе, это благородство раба; пусть же ваше благородство будетъ послушаніемъ. Пусть ваше начальствованіе будетъ также послушаніемъ».

«Итакъ, живите послушаніемъ и войною. Къ чему долгіе дни; какой воинъ желаетъ быть пощаженнымъ».

«Я не щажу васъ, я люблю васъ отъ глубины моего сердца, мои братья по оружію».

Сверхлюди, устами Заратустры, даютъ сочувственный откликъ на призывъ Ницше [1]):

«Кровь нашихъ отцовъ заговорила въ нашихъ тѣлахъ: то были словно рѣчи весны, обращенныя къ старымъ бочкамъ вина».

«Когда мечи скрещивались подобно змѣямъ, тогда наши отцы чувствовали себя призванными къ жизни».

«И какъ вздыхали наши отцы, когда они видѣли приставленные къ стѣнѣ мечи чистыми и

---

1) Frédéric Nietzsche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 357.

сухими. Подобно этимъ мечамъ, они жаждали войны».

«Ибо мечъ жаждетъ крови, мечъ блещетъ желанiемъ».

Ницше, увлеченный идеей безпощадной войны, заранѣе, конечно, оправдываетъ всѣ злодѣянiя «этого чуднаго хищнаго бѣлокураго звѣря», его излюбленнаго сверхчеловѣка, когда онъ учитъ [1]), что успѣшная война оправдываетъ всякое дѣянiе, и германскiе воины и ихъ вожди, избивая неповинныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, насилуя, грабя, поджигая, могутъ находить себѣ полное оправданiе въ ученiи Ницше, призывающемъ сверхчеловѣка къ разрушительной войнѣ.

Ницше учитъ, что война будетъ вестись противъ народовъ, утратившихъ понятiе о томъ, что есть сила. Эти народы подобны стадамъ животныхъ, стаямъ собакъ, они низшiя выродившiяся расы. Эти народы существуютъ тамъ, гдѣ жизнь имѣетъ самое жалкое, самое узкое, самое бѣдное, самое первобытное развитiе. И тамъ, гдѣ она сама является самодовлѣющимъ концомъ и мѣриломъ вещей съ тѣмъ, чтобы тайно, мелочно и придирчиво судить о томъ, что благородно, велико и богато. Подъ избранной расой,

---

[1]) Gabriel Langlois.—L'Allemagne Barbare, стр. 279.

прославляемой Ницше, онъ подразумѣваетъ, конечно, расу германскую; къ низшимъ онъ относитъ, конечно, расы латинскую и славянскую, осужденныя пангерманскимъ міровоззрѣніемъ на подчиненіе расѣ, призванной къ владычеству надъ міромъ.

Для истребленія низшихъ расъ Ницше признаетъ всякія средства пригодными; христіанскую же нравственность, какъ идущую въ разрѣзъ съ его ученіемъ, онъ отвергаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Заратустра говоритъ: «Есть одно старое безуміе, оно именуется добромъ и зломъ. Доселѣ это колесо вертѣлось около гадателей и астрологовъ».

«Прежде вѣрили гадателямъ и астрологамъ и потому вѣрили, что все было фатально: «ты долженъ, потому что такъ слѣдуетъ».

«Потомъ перестали вѣрить всѣмъ гадателямъ и астрологамъ и потому подумали, что всюду царитъ свобода. «Ты можешь, потому что ты хочешь».

«О, мои братья! Доселѣ по отношенію къ звѣздамъ и будущему дѣлали только одни лишь предположенія, и по отношенію къ добру и злу тоже самое, дѣлали предположенія и ничего не знали».

«Ты не украдешь, ты не убьешь». Эти слова прежде называли святыми; передъ ними становились на колѣни, наклоняли голову и снимали обувь».

«Но я васъ спрошу, были-ли когда на свѣтѣ лучшіе разбойники и лучшіе убійцы, чѣмъ тѣ, которые вдохновлялись этими святыми рѣченіями?»

«А въ самой жизни развѣ нѣтъ воровства и убійства? И освящая эти слова, не убили ли самую истину?»

«И значило ли проповѣдывать смерть восхваляя все, что противорѣчило и отрицало жизнь».

«О, мои братья! разбивайте, разбивайте древнія доски».

Ницше является непримиримымъ врагомъ общепринятыхъ началъ нравственности [1]). Онъ говоритъ про людей вообще: «Они хотятъ своею добродѣтелью выколоть глаза своимъ врагамъ; и сами они возвышаются только для того, чтобы унизить другихъ».

«А есть и такіе, которые гніютъ въ своемъ болотѣ и ютясь между камышами кричатъ: добродѣтель—это значитъ сидѣть покойно въ болотѣ».

---

[1]) Frédéric Nietzsche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 132.

*

«Мы никого не кусаемъ и мы избѣгаемъ того, кто хочетъ кусаться и мы всегда согласны съ совѣтомъ, который намъ даютъ».

«А есть и такіе, которые любятъ жесты и которые говорятъ: добродѣтель есть своего рода жестъ».

«Ихъ колѣна всегда преклонены и ихъ руки простерты на похвалу добродѣтели, но сердце ихъ о томъ ничего не вѣдаетъ».

«А есть и такіе, которые находятъ, что весьма добродѣтельно говорить, что добродѣтель необходима. А въ дѣйствительности они вѣрятъ только одному, что необходима полиція».

Далѣе Ницше говоритъ, что Заратустра не пришелъ для того, чтобы сказать всѣмъ этимъ лгунамъ и безумцамъ: «что знаете вы о добродѣтели? что можете вы знать о добродѣтели?»

«Онъ пришелъ, мои друзья, чтобы вы утомились отъ слушанія этихъ словъ, которыя вы узнали отъ лгуновъ и безумцевъ».

И такъ, Ницше для своего сверхчеловѣка признаетъ негодною христіанскую мораль. Чѣмъ же онъ думаетъ замѣнить ее [1]). Краснорѣчивый отвѣтъ онъ даетъ намъ утверждая: «Рискуя оскор-

[1]) Frédéric Nietzsche. Par delà le Bien et le Mal, стр. 230.

бить наивныя уши, я утверждаю, что эгоизмъ является какъ бы лучшимъ содержаніемъ благородныхъ душъ... Благородная душа признаетъ существованіе эгоизма безъ всякаго затрудненія...»

Требованіе нравственности представляется особо чуждымъ и непріятнымъ, когда оно утверждаетъ, что существуютъ обязанности лишь по отношенію къ равнымъ... А что по отношенію ко всему, что есть чуждое, можно дѣйствовать какъ вздумается, по велѣніямъ сердца и держась внѣ понятій о добрѣ и злѣ. Можно, при желаніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, проявлять сострадание, хотя для усилія нѣтъ ничего вреднѣе сожалѣнія. Въ Европѣ существуетъ въ настоящее время болѣзненная сострадательность и досадное невоздержаніе при несеніи жалобъ, плаксивость, которая хотѣла бы украсить себя философскими доводами, для того, чтобы имѣть болѣе блеска. Существуетъ какой то культъ состраданія. Недостатокъ мужественности въ тѣхъ случаяхъ, когда взываютъ къ состраданію, бросается въ глаза [1]).

Идея состраданія представляется Ницше вообще вредной, вообще, не слѣдуетъ быть склоннымъ къ

---

[1]) Gabriel Langlois.—L'Allemagne Barbare, стр. 283.

жалости. Сверхчеловѣкъ долженъ быть выше этого [1]).

Ницше говоритъ: «Вотанъ вложилъ въ мою грудь жесткое сердце; эти слова древней Скандинавской Саги вылились изъ души гордаго Витинга». Когда человѣкъ выходитъ изъ подобной среды, онъ гордится тѣмъ, что онъ не созданъ для состраданія.

Ницше признаетъ эту непоколебимость сердца необходимою для всякаго, желающаго побѣдить. Заратустра говоритъ: «Если вы не хотите быть неумолимыми, то какимъ же образомъ вы могли бы побѣдить вмѣстѣ со мною, и если ваша твердость не хочетъ блестѣть, рѣзать и рубить, то какимъ же образомъ вы могли бы творить вмѣстѣ со мною».

«Ибо творцы бываютъ тверды и вамъ должно казаться блаженствомъ рукою прикасаться къ вѣкамъ, какъ къ мягкому воску, блаженствомъ писать на скрижаляхъ тысячелѣтій какъ на мѣди,—болѣе твердыхъ чѣмъ мѣдь, болѣе благородныхъ чѣмъ мѣдь. Болѣе твердый есть вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе благородный. О мои братья, заповѣдь новую даю вамъ, будьте жестоки!»

Для того, чтобы яснѣе составить себѣ понятіе о сверхчеловѣкѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что

---

[1]) Frédéric Nietzsche.—Par delà le Bien et le Mal, стр. 220.

Ницше дѣлаетъ различіе между отношеніями одного человѣка къ другому и человѣка къ обществу. Если допускаются до извѣстной степени доброжелательныя отношенія между отдѣльными людьми, то по отношенію къ обществу человѣкъ не имѣетъ права быть добрымъ. Такъ, Ницше говоритъ: «Взаимно воздерживаться отъ оскорбленій, насилій, эксплоатаціи все это можетъ быть въ сношеніяхъ между отдѣльными людьми признакомъ хорошаго тона, и когда все это происходитъ при благопріятныхъ условіяхъ . . . Но если давать дальнѣйшій просторъ этому началу и дѣлать изъ него основу общественнаго строя, то приходится усмотрѣть то, чѣмъ онъ въ дѣйствительности является: желаніемъ отрицать жизнь, началомъ разложенія и упадка. Здѣсь нужно крѣпко подумать и идти до конца, воздерживаясь отъ всякой сантиментальности. Жизнь, сама по себѣ взятая, есть присвоеніе, подчиненіе всего посторонняго и болѣе слабаго, угнетеніе, жестокость, подчиненіе собственнымъ силамъ при пріобрѣтеніи и, по меньшей мѣрѣ, эксплоатаціи.

Зло, такимъ образомъ, является основой ницшеанской философіи. Въ книгѣ, которую Ницше не успѣлъ окончить и которую онъ хотѣлъ горделиво назвать «Лучшей книгой», онъ имѣлъ въ виду подробно изложить свои мысли о

необходимости дѣлать зло и о наслажденіи, испытываемомъ при разрушеніи [1]). Ницше не ограничился одними отвлеченными размышленіями, ему мало одной жестокости, онъ требуетъ, чтобы его сверхчеловѣкъ разумѣлъ, что все слабое должно быть раздавлено. «О, мои братья! развѣ я жестокъ?» спрашиваетъ Заратустра, «а я вамъ объявляю: то что упало, то слѣдуетъ еще толкнуть».

«То, что нынче упало и разлагается, кто же захотѣлъ бы его поддержать. Но я, я хочу его еще болѣе толкнуть».

Ницше, проповѣдуя насиліе, не только отрицалъ христіанскую нравственность, но онъ пошелъ конечно далѣе, явился рѣшительнымъ противникомъ самого Бога. Бога не должно быть, сверхчеловѣкъ есть богъ.

«Прежде, говоритъ Заратустра [2]), говорили богъ, когда взирали на дальнія моря, но нынѣ я научилъ васъ говорить «сверхчеловѣкъ». Богъ есть предположеніе, но я хочу, чтобы ваше предположеніе не шло далѣе вашей творческой воли».

«Могли-ли бы вы создать бога? Не говорите мнѣ болѣе о богахъ. Но вы могли бы создать сверхчеловѣка».

---

[1]) Gabriel Langlois. L'Allemagne Barbare, стр. 286.

[2]) Frédéric Nietzsche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 117.

«Но я хочу открыть вамъ мое сердце, о, мои друзья! Если бы существовали боги, какъ бы я могъ перенести не быть богомъ. И такъ, нѣтъ боговъ».

«Я называю злымъ и безчеловѣчнымъ всякую проповѣдь о существѣ единомъ, абсолютномъ, непоколебимомъ, самодовлѣющемъ и неизмѣнномъ».

«Красота сверхчеловѣчества меня посѣтила, какъ тѣнь. Увы, мои братья! на что мнѣ боги»?

Такъ говорилъ Заратустра.

Ницше свою непримиримую вражду къ Богу, свою ненависть къ Христу Спасителю, излитую въ безумныхъ строкахъ, воспроизводить которыя отказывается перо, эти свои чувства перенесъ и на церковь[1]).

Заратустра, бесѣдуя съ огненнымъ псомъ, вопрошающемъ его, «что есть церковь?» отвѣчаетъ:

«Церковь, есть своего рода государство и при томъ самое лживое. Но молчи, огненный песъ, ты лучше знаешь свою породу, чѣмъ кто либо».

«Государство есть песъ лицемѣрный, какъ ты самъ, оно любитъ, подобно тебѣ, говорить въ дыму и съ воемъ, чтобы заставить вѣрить въ правоту его рѣчей».

---

[1]) Frédéric Nietzche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 189.

«Ибо государство хочетъ непремѣнно быть звѣремъ самымъ важнымъ на землѣ; и весь міръ этому вѣритъ».

Ученіе Ницше неотразимо повліяло на настроеніе современныхъ германцевъ. Это поклоненіе грубой силѣ, эта проповѣдь безпощадной войны была послѣдовательно примѣняема полчищами Вильгельма II не только къ дѣйствующимъ арміямъ, но и къ мирному населенію непріятельскихъ странъ. Эти мысли нашли себѣ полное выраженіе въ словахъ, сказанныхъ однимъ германскимъ офицеромъ французскому католическому священнику о значеніи нынѣшней войны [1]): «эта война необычная. Это война направлена къ истребленію. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы знать, кто выиграетъ сраженіе, съ тѣмъ, чтобы потомъ заключить миръ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы знать, могутъ ли расы латинская и славянская существовать совмѣстно съ германскою расою, то есть совмѣстно съ высшею культурою и цивилизаціею . . . . . . Да таково положеніе дѣла. Вы добры, вы ухаживаете за нашими ранеными. Но что дѣлать. Вы существа низшаго порядка и осуждены быть поглощенными».

---

[1]) Gabriel Langlois.—L'Allemagne Barbare, стр. 277.

Эти знаменательныя слова несомнѣнно навѣяны пангерманскимъ міровоззрѣніемъ и философскимъ ученіемъ Ницше. Вліяніе этихъ разрушительныхъ началъ ясно выражается въ крайне жестокомъ, истребительномъ характерѣ настоящей войны и вліянію Ницше слѣдуетъ приписать крайнее озлобленіе германцевъ нашихъ дней противъ храмовъ Божіихъ, безпощадно разрушаемыхъ ими. Не даромъ Ницше говорилъ имъ устами Заратустры [1]): «И только, когда ясное небо будетъ просвѣчивать чрезъ разрушенные своды и когда небо будетъ сіять надъ травою и краснымъ макомъ, растущими въ развалинахъ, тогда только сердце мое склонится передъ жилищемъ этого Бога». Этою ненавистью дышатъ воины Вильгельма II, подвергая разстрѣлу дальнобойныхъ орудій дивные готическіе соборы въ Лувенѣ, Реймсѣ, Суасонѣ, Аррасѣ и другихъ городахъ. И правъ былъ Генрихъ Гейне когда писалъ: «Христіанство укротило въ нѣкоторой степени звѣрскую воинственность германцевъ, но оно не могло вполнѣ искоренить ее, а когда крестъ, чудодѣйственно сдерживающій ее, сокрушится, тогда снова проснется неистовство прежнихъ дней». «Тогда, и этотъ день, увы, наступитъ, изъ

[1]) Frédéric Nietzsche. Ainsi parlait Zarathoustra, стр. 127.

сказочныхъ гробовъ возстануть древнія воинственныя божества и стряхнуть съ своихъ очей вѣковую пыль; Торъ поднимается съ своимъ чудовищнымъ молотомъ и сокрушитъ готическіе соборы». Торъ въ лицѣ Вильгельма II проснулся. Животворящій Крестъ Христовъ—Символъ побѣды христіанства надъ язычествомъ разсыпался въ рукахъ германцевъ. Готическіе соборы сокрушены артиллерійскимъ огнемъ, къ ужасу и негодованію всего дѣйствительно культурнаго человѣчества.

Протестантскіе богословы не съумѣли оградить послѣдователей Лютера отъ разлагающаго вліянія философіи Ницше и отсутствіе твердаго церковнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и нравственности имѣло своимъ послѣдствіемъ пониженіе ея общаго уровня, особенно, когда во 2-й половинѣ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ XX столѣтіи вопросы матеріальнаго порядка начали получать все большую и большую силу. Въ погонѣ за внѣшнимъ благополучіемъ, въ жаждѣ къ наживѣ измельчалъ нравственный обликъ современнаго германца, и призывъ милитаризма къ жестокости не нашелъ себѣ должнаго отпора ни со стороны религіозныхъ вѣрованій, ни со стороны устойчивости нравственныхъ принциповъ.

При такомъ настроеніи современнаго человѣчества въ Германіи понятно, что предписываемое

военными властями безпощадное отношенiе войска къ мирному населенiю завоеванной страны и полное отрицанiе обычаевъ войны встрѣтили въ тевтонской армiи среду вполнѣ подготовленную къ совершенiю тѣхъ злодѣянiй, которыми, къ стыду своему, германцы на вѣки себя опозорили.

Хотя Вильгельмъ II-й и увѣрялъ въ своей рѣчи, произнесенной 25 Декабря 1914 г., призывая Бога въ свидѣтели, что онъ никоимъ образомъ не повиненъ въ войнѣ, что онъ ее не хотѣлъ, но вся совокупность обстоятельствъ, предшествовавшихъ началу войны и самое объявленiе ея Германiею Россiи и Францiи свидѣтельствуютъ противъ Вильгельма II-го. Максъ Гарденъ по этому поводу пишетъ въ своей газетѣ «Zukunft»: «откажемся отъ жалкихъ попытокъ оправдать дѣйствiя Германiи, перестанемъ обдавать презрительною бранью врага. Не противъ своей воли мы бросились въ эту чудовищную свалку, она не была намъ внезапно навязана. Мы ее хотѣли, мы должны были ее хотѣть. Мы не появляемся на судъ передъ Европой; мы не признаемъ подобнаго суда».

«Наша сила создастъ новый законъ для Европы. Это Германiя выступаетъ. Когда она завоюетъ для своего генiя новыя области, тогда служители всѣхъ боговъ будутъ восхвалять благословенную войну. Мы только въ началѣ борьбы и никто не

можетъ предвидѣть ея хода и продолжительности, доселѣ въ этой борьбѣ еще никто изъ противниковъ не былъ раздавленъ».

«Германія ведетъ эту войну не для того, чтобы наказать виновныхъ, или чтобы освободить угнетенные народы и затѣмъ чтобы успокоиться въ сознаніи своего безкорыстнаго великодушія. Она ведетъ эту войну въ твердомъ разумѣніи, что ея потребности даютъ ей право на большій просторъ на землѣ и на болѣе широкіе размѣры ея дѣятельности».

«Испанія и Нидерланды, Франція и Англія завоевали и покрыли своими колоніями обширныя и наиболѣе плодородныя территоріи. Нынѣ пробилъ часъ и для Германіи и она должна занять мѣсто державы, управляющей міромъ».

«Какую территорію могла бы Германія взять у Франціи и Россіи для того, чтобы принести особую пользу германскому народу? Нѣтъ, Германія не ищетъ провинцій французскихъ, польскихъ, рутенскихъ, литовскихъ, не ищетъ она и милліардовъ въ возмѣщеніе военныхъ убытковъ. Цѣль ея заключается въ томъ, чтобы утвердить на берегахъ узкаго канала, у вратъ Атлантики боевой флагъ державной Имперіи.

«Посмотримъ, сильна-ли Германія? Отвѣтъ,— да. Что же вы напѣваете намъ, профессора въ

очкахъ и богословы въ туфляхъ? Развѣ какое либо право существуетъ? Развѣ благородныя идеи имѣютъ какую либо цѣнность? Какія химеры вы будете защищать? Одинъ лишь принципъ существуетъ, который поглощаетъ всѣ остальные:— сила . . . . Сила, вотъ это звучитъ громко и ясно, вотъ что обладаетъ стилемъ и внушительностью, Сила:—это кулакъ, это все».

Чтобы понять весь внутренній смыслъ чудовищныхъ пріемовъ войны, возведенныхъ научно въ систему злѣйшими варварами нашихъ дней, необходимо ознакомиться съ воззрѣніями и изреченіями главныхъ руководителей этихъ нечеловѣческихъ боенъ [1]).

Вильгельмъ II-й, снаряжая въ 1900 году экспедиціонный корпусъ для борьбы съ боксерами въ Китаѣ, сказалъ въ Бремергафенѣ солдатамъ: «Безъ пощады; безъ плѣнныхъ! Съ тѣми, которые попадутъ въ ваши руки, о германскіе солдаты, дѣлайте, что хотите. Какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, Гунны подъ предводительствомъ Аттилы, пріобрѣли такую славу—что они доселѣ кажутся страшными, точно также Германія съумѣетъ показать себя въ Китаѣ столь грозною, что впредь ни

---

[1]) Pages d'Histoire—1914—1915—Paroles-Allemandes. Librairie Militaire Berger—Levrault.

одинъ китаецъ не посмѣетъ посмотрѣть Германцу въ глаза».

Обращаясь къ рекрутамъ въ Потсдамѣ, онъ совѣтывалъ имъ «постоянно помнить, что германская армія должна быть готова сражаться съ врагами, которые могутъ появиться и среди насъ и быть столь же жестокими, накъ наши непріятели. Нынѣ безвѣріе и недовольство развиваются въ странѣ, въ размѣрахъ доселѣ неизвѣстныхъ. А потому вы постоянно можете быть призваны стрѣлять въ членовъ вашей собственной семьи, или изрубить отца, мать, братьевъ и сестеръ. Мои приказанія должны быть исполняемы усердно и безропотно, какъ всякое повелѣніе, отъ меня исходящее. Вы должны исполнять ваши обязанности, не слушая голоса вашего сердца».

Одна изъ особенностей Вильгельма II заключается въ частомъ упоминаніи имени Божія, въ желаніи привлечь Господа въ соучастники своихъ горделивыхъ затѣй. Такъ, въ 1906 г., передъ отправленіемъ въ Танжеръ, Вильгельмъ II, между прочимъ, сказалъ: «Господь Богъ никогда не сталъ бы посвящать такъ много заботъ нашей нѣмецкой родинѣ, если бы Онъ не уготовалъ для насъ великой будущности. Мы соль земли .... Господь насъ создалъ для того, чтобы просвѣтить весь міръ».

Всѣ эти изреченія блѣднѣютъ передъ прокламаціей Вильгельма въ восточной арміи [1]): «Помните, что вы избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ. Я орудіе Всевышняго. Я Его мечъ, Его представитель. Горе и смерть всѣмъ, сопротивляющимся моей волѣ. Горе и смерть всѣмъ невѣрящимъ въ мою миссію. Да погибнутъ всѣ враги германскаго народа. Господь требуетъ ихъ истребленія. Господь повелѣваетъ моими устами исполнять Его волю».

Весьма поучительны приказы и изреченія германскихъ генераловъ и военныхъ писателей [2]). Извѣстный генералъ фонъ-Клаузевицъ указываетъ на особую задачу, возложенную Провидѣніемъ на Германію, и находитъ, что «какъ Пруссія была зерномъ Германіи, то точно также обновленная Германія сдѣлается основаніемъ будущей Западной Имперіи. И пусть отнынѣ знаютъ, что нація наша имѣетъ права на моря и не только на море Средиземное, но и на Атлантическій океанъ. Мы поглотимъ одну за другою всѣ провинціи, прилегающія къ Пруссіи. Мы послѣдовательно присоединимъ къ себѣ Данію, Голландію, Бельгію, Франшъ-

---

[1]) Paroles Allemandes, стр. 123.

[2]) Paroles Allemandes, стр. 92 и слѣд.

Контэ, сѣверъ Швейцаріи, Ливонію, Тріестъ и Венецію и, наконецъ, сѣверную часть Галіи отъ Соммы до Луары . . . Война есть актъ насилія, заставляющій противника исполнить нашу волю. Пользованію этимъ насиліемъ нѣтъ границъ . . . Пока я не сразилъ противника, я долженъ опасаться быть сраженнымъ имъ . . . Въ философію войны нельзя вводить начало смягченія, не дѣлая при этомъ глупости . . . Первое изъ военныхъ дѣйствій заключается въ занятіи непріятельскихъ областей не съ намѣреніемъ оставить ихъ за собою, но для того, чтобы взыскать съ нихъ контрибуцію, или просто чтобы разорить ихъ . . . Войнѣ извѣстенъ одинъ лишь способъ—сила. Другого нѣтъ; это разореніе, раны, смерть и для пользованія этой грубой силой не существуетъ никакихъ положительныхъ правилъ. Что же касается до международнаго права, которымъ полны уста всѣхъ адвокатовъ, то оно указываетъ на ограниченія совершенно незначительныя, почти ничтожныя.

Бывшій прусскій военный министръ, генералъ Бронзаръ фонъ-Шелендорфъ [1]) находилъ стараго Клаузевитца слишкомъ мягкимъ. «Это былъ поэтъ,

[1]) Paroles Allemandes, стр. 94.

растворявшій свои чернила розовой водой. А о войнѣ нужно писать кровью. Она будетъ ужасна. Эта ближайшая война. Между Германіей и Франціей можетъ быть рѣчь лишь о дуэли на смерть».

«To be or not to be. Таковъ вопросъ, который будетъ рѣшенъ только гибелью одного изъ противниковъ . . . Мы присоединимъ къ Германіи Данію, Голландію, Бельгію, Швейцарію, Ливонію, Тріестъ и Венецію, сѣверъ Франціи отъ Соммы до Луары. Эта программа не есть бредъ сумашедшаго. Эта Имперія, которую мы собираемся создать, не есть утопія. У насъ имѣются въ рукахъ всѣ средства къ ея осуществленію.

Германскій генеральный Штабъ въ «Постановленіяхъ, до континентальной войны относящихся», между прочимъ, указываетъ на то, «что хотя распоряженіе о построеніи заложниковъ передъ фронтомъ войскъ и является мѣрою крутою и жестокою, но при оцѣнкѣ существующихъ обстоятельствъ, оно представлялось единственнымъ средствомъ, могущимъ имѣть благопріятныя послѣдствія. Это распоряженіе оправдывается полнымъ успѣхомъ, имъ достигнутымъ.

«Изучая исторію войнъ, офицеръ оградитъ себя отъ преувеличеннаго вліянія гуманитарныхъ идей

и пойметъ, что война естественно вызываетъ извѣстную жестокость и болѣе, что единственная настоящая гуманность состоитъ часто въ проявленiи строгости, исключающей всякую снисходительность».

Всякiй способъ веденiя войны можетъ быть дозволенъ, если цѣль войны не можетъ быть достигнута инымъ путемъ.

Генералъ-фонъ-Блюме съ своей стороны находитъ, что договоры, заключенные воюющими сторонами, теряютъ со дня объявленiя войны свою юридическую силу...

По отношенiю къ выбору способовъ веденiя войны нѣтъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя указаны соображенiями о полезности ихъ и международнымъ правомъ, т. е. соображенiями, общепризнанными со стороны нравственности и человѣколюбiя.

Воспроизводя это положенiе генерала фонъ-Блюме, нельзя не обратить вниманiя на совершенно iезуитскую постановку вопроса. Устанавляя критерiумъ полезности мѣропрiятiй, странно думать о соблюденiи международнаго права, когда, по мнѣнiю того же автора, объявленiе войны

влечетъ за собою прекращеніе дѣйствія международныхъ договоровъ.

Весьма своеобразны воззрѣнія генерала фонъ-Гартмана. Онъ приходитъ къ тому заключенію, что военныя потребности не вызываютъ необходимости установлять различія между собственностью публичной и собственностью частной. Что въ силу этой потребности слѣдуетъ брать все, что необходимо, и всякимъ къ тому подходящимъ способомъ.

Особенно знаменательны слѣдующія слова, вполнѣ объясняющія звѣрства тевтонскихъ полчищъ: «опустошеніе, полный разгромъ—таковъ удѣлъ непріятельской страны. Необходимо, чтобы бремя войны было и осталось подавляющимъ. Необходимость эта вытекаетъ изъ самой идеи національной войны»...

Если частныя лица жестоко пострадаютъ, когда они служатъ примѣромъ къ предупрежденію извѣстныхъ поступковъ, то это, конечно, по отношенію къ нимъ весьма прискорбно, но для всего населенія эта строгость, примѣненная къ отдѣльнымъ лицамъ, является спасительнымъ благодѣяніемъ. Съ началомъ національной войны терроръ является, съ военной точки зрѣнія, необходимымъ... Сражающемуся необходима отвага... Онъ долженъ быть освобожденъ отъ требованій закон-

ности, всегда стѣсняющей и угнетающей. Насиліе и безусловная отвага, вотъ два главные двигателя всякаго военнаго дѣйствія... Безусловная свобода этихъ дѣйствій во время войны есть необходимое условіе успѣха; эти основныя правила должны быть рѣшительно противопоставлены всякой попыткѣ ограничить эти дѣйствія международнымъ правомъ войны... Военный интересъ безусловно требуетъ, чтобы ему подчинялись всѣ требованія международнаго права... Это право не должно мѣшать военнымъ дѣйствіямъ, создавая для нихъ какія либо препятствія... Бѣдствія и разореніе врага представляются условіями, необходимыми для того, чтобы сломить его волю. Въ дѣйствительности этихъ средствъ заключается ихъ безспорная допустимость, когда, при ихъ помощи, можно достигнуть цѣли извѣстнаго военнаго дѣйствія... Представляется необходимость уравновѣсить требованіе военныя и гуманныя. То одни превозмогутъ, то другіе. При ихъ столкновеніи слѣдуетъ всегда отдать предпочтеніе осуществленію военныхъ цѣлей. Было бы смѣшно отрицать, что современная война будетъ ведена съ суровостью болѣе безпощадною и при томъ съ жестокостью болѣе общею, чѣмъ когда либо прежде. Для современной войны потребны такія огромныя средства, какъ въ мате-

ріалѣ, такъ и въ людяхъ, она подвергаетъ такому тяжкому испытанію все народное благосостояніе и налагаетъ такую тяготу на весь экономическій строй государствъ, что нельзя не требовать самымъ рѣшительнымъ образомъ использованія всей наличности военныхъ силъ.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся послѣдователей Нитше, генералъ Бернгарди говоритъ, что война есть орудіе прогресса, регуляторъ въ жизнь человѣчества, условіе, необходимое для цивилизаціи. По его мнѣнію, характеръ войны будетъ обыкновенно зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ она возникла. Когда рѣчь идетъ о жизни или смерти народа, весьма естественно, чтобы этотъ народъ проявилъ крайнее усиліе и велъ военныя дѣйствія со всею жестокостью, допустимою человѣческими законами. Разсуждая такимъ образомъ, генералъ Бернгарди не указываетъ, какіе онъ имѣлъ въ виду законы. Грозная дѣйствительность свидѣтельствуетъ, что для сверхъ-арміи не существуетъ никакихъ законовъ, что вожди ея руководствуются только требованіями военной необходимости.

Маршалъ фонъ-деръ-Гольтцъ совершенно вѣрно признаетъ, что для достиженія цѣли войны необходимо прежде всего отнять у врага надежду на побѣду... Далѣе онъ полагаетъ, что тотъ, кто можетъ долго выдержать тяготу войны, обладаетъ дѣйствительною гарантіею окончательнаго успѣха. Конечно, обладаніе деньгами не является единственнымъ къ тому условіемъ, но существенна также и наибольшая возможность пользоваться денежными средствами. Государства, сохраняющія во время войны свободу морскихъ сообщеній, обладаютъ, конечно, лучшими средствами, чѣмъ тѣ, гавани которыхъ будутъ немедленно блокированы. Эти государства получатъ, кромѣ того, возможность обращаться къ иностранной промышленности для вооруженія и снабженія новыхъ армій... Обладаніе морями, такимъ образомъ, способствуетъ укрѣпленію силъ государства, даже если его флотъ не можетъ непосредственно поддержать сухопутныхъ силъ.

Въ виду тяжкихъ обвиненій нѣмецкихъ войскъ въ разрушеніи Реймскаго собора представляетъ имѣющимъ особый интересъ сообщеніе генерала фонъ Дитфурта, помѣщенное въ Берлинской газетѣ «День» (Der Tag). «Я нахожу мало необходи-

мости въ защитѣ нашихъ войскъ противъ обвиненій, идущихъ какъ извнутри, такъ и извнѣ. Ни они, ни мы не обязаны давать міру какого либо отчета. Намъ ничего не нужно доказывать, нечего защищать и не въ чемъ оправдываться. Все, что наши войска дѣлаютъ для одолѣнія врага, для побѣды надъ нимъ, все это оправдано и въ оправданіи не нуждается. Намъ нечего заботиться о томъ, какія сужденія раздаются заграницей, въ странахъ нейтральныхъ и иныхъ. И если бы даже всѣ памятники въ мѣстахъ, находящихся между нашей арміей и врагомъ, были обращены въ прахъ, то мы имѣли бы возможность оплакивать ихъ гибель по заключеніи мира. Нынѣ безполезно расходовать слова по этому поводу. Нынѣ Марсъ владыка нашей судьбы, а не Аполлонъ Музагетъ. Малый покровъ, лежащій на бездыханномъ тѣлѣ одного изъ нашихъ героевъ, намъ дороже всѣхъ соборовъ, всѣхъ художественныхъ сокровищъ всего міра. И если насъ называютъ варварами, тѣмъ хуже, мы на это обращаемъ мало вниманія и даже смѣемся. Во всякомъ случаѣ мы должны спросить, не слѣдовало-ли бы намъ указать на тѣхъ, кто заслужилъ это названіе. Отчего-бы намъ съ лихвою не возмѣстить врагу то зло, которое онъ намъ причинилъ? Вспомнимъ о засадахъ, предательски устро-

енныхъ нашимъ войскамъ фанатизированнымъ населеніемъ въ Восточной Пруссіи, разоренной русскими; вспомнимъ о нашихъ раненыхъ, жестоко обезображенныхъ! Отчего не заплатить врагу его же монетою... Мы пока еще не нарушили постановленій международнаго права, не взирая на вызывающія дѣйствія нашихъ враговъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда того требовала законная защита. Наши солдаты не поступали, какъ варвары, эта роль не соотвѣтствуетъ образу нашей жизни и нашей высокой культурѣ. Но никакая культура не можетъ насъ заставить забыть, что жизнь нашихъ отцовъ и братьевъ, воюющихъ нынѣ, намъ дорога и превыше судьбы всякихъ старыхъ ненужныхъ зданій. Пусть насъ избавятъ отъ праздныхъ рѣчей о Реймскомъ соборѣ и о всѣхъ церквахъ и дворцахъ, которымъ уготована та-же участь. Мы ничего не хотимъ о нихъ слышать. Пусть намъ снова заговорятъ о Реймсѣ, когда наши побѣдоносныя войска туда вступятъ, а надъ всѣмъ остальнымъ мы смѣемся».

Приведенныя выше изреченія военныхъ писателей знакомятъ съ воззрѣніями на войну руководителей военнаго дѣла въ Германіи. Краткія извлеченія изъ приказовъ германскихъ генераловъ

даютъ весьма цѣнныя данныя для уясненія одной изъ причинъ, объясняющихъ весь ужасъ кровавой бойни нашихъ дней.

Командующій второю арміею фонъ-Бюловъ въ прокламаціи, изданной въ Ліежѣ 22 Августа 1914 г., объявляетъ: Командующій генералъ съ моего разрѣшенія приказалъ сжечь городъ и около 100 человѣкъ было разстрѣляно.

Тотъ-же генералъ въ прокламаціи, изданной въ Намюрѣ 25 Августа 1914 г., предписываетъ: Бельгійскіе и французскіе солдаты должны быть
выданы какъ военноплѣнные до 4-хъ часовъ. Гра-
ждане, ослушавшіеся сего приказанія, будутъ
присуждены къ безсрочнымъ каторжнымъ рабо-
тамъ въ Германіи. Строгій осмотръ домовъ на-
чнется въ 4 часа. Всякій найденный солдатъ бу-
детъ немедленно разстрѣлянъ. Оружіе, порохъ,
динамитъ должны быть выданы къ 4 часамъ. На-
казаніе:—разстрѣлъ. Всѣ улицы будутъ заняты
нѣмецкой гвардіею, которая возьметъ по 10 за-
ложниковъ съ каждой улицы. Если какое либо
покушеніе произойдетъ на одной изъ улицъ, 10 за-
ложниковъ будутъ разстрѣляны.

Генералъ фонъ-Виберъ, письмомъ отъ 27 Августа 1914 г. увѣдомилъ бургомистра г. Вавра, что городъ Вавръ будетъ подожженъ и уничтоженъ, если къ указанному сроку не будетъ уплочена контрибуція въ 3.000.000 франковъ; невинные при этомъ пострадаютъ вмѣстѣ съ виновными.

---

17 Августа 1914 г. въ г. Гассельтѣ былъ расклеенъ приказъ, объявляющій, что треть всего мужского населенія города будетъ разстрѣляна, если жители будутъ стрѣлять въ нѣмецкихъ солдатъ.

Въ прокламаціи генерала фонъ-Герингера отъ 26 Августа 1914 г. къ населенію города Люневиля, между прочимъ значится, что будутъ подвергнуты смертной казни всѣ лица: во 1-хъ, которыя прибѣгнутъ къ оружію противъ лицъ, принадлежащихъ къ нѣмецкимъ войскамъ, или лицъ, ихъ сопровождающихъ; 2, которыя уничтожатъ мосты, повредятъ телефонныя или телеграфныя линіи, желѣзныя дороги, снаряды или квартиры войскъ, сдѣлаютъ дороги непроѣздными; 3, которыя сорвутъ афиши и, 4, которыя войдутъ въ сношенія съ французскими войсками.

Извлеченія изъ приказа того-же генерала: будетъ разстрѣлянъ всякій, желающій по какимъ бы то ни было причинамъ днемъ и ночью покинуть городъ. Копать картофель можно не иначе, какъ съ разрѣшенія коменданта и подъ военнымъ надзоромъ. Германскія войска получили приказаніе точно исполнять эти распоряженія; часовымъ и патрулямъ предоставлено стрѣлять во всякаго ослушника.

Извлеченія изъ приказа командующаго маіора Дикмана, расклееннаго въ Гривеньѣ, въ Бельгіи, 8 Сентября 1914 г.: Кто немедленно не исполнитъ приказанія: «руки кверху»,—будетъ повиненъ смертной казни.

Прокламація фельдмаршала, губернатора Бельгіи, фонъ-деръ-Гольтца, отъ 5 Октября 1914 г., расклеенная во всей завоеванной части Бельгіи.

Вечеромъ 25 Сентября желѣзная дорога и телеграфъ на линіи Ловенжуль-Вертрикъ были попорчены. Вслѣдствіе сего, оба названныя поселенія были 30 Сентября привлечены къ отвѣту и должны были выставить заложниковъ. Впредь, всѣ поселенія, наиболѣе близкія къ мѣсту, гдѣ по-

добные случаи повторятся, будутъ наказаны безъ милосердія, не взирая на то, виновны они или нѣтъ.

Приказъ генерала Штенгера, командира 58 бригады: начиная съ нынѣшняго дня, плѣнныхъ впредь не брать. Всѣ плѣнные будутъ убиваемы. Раненые съ оружіемъ или безъ онаго будутъ убиваемы. Плѣнные, хотя бы и въ составѣ большихъ частей войска, будутъ убиваемы. Никакой живой человѣкъ не долженъ оставаться позади насъ.

Приказъ, найденный на Марнскомъ полѣ битвы:

Сообщеніе командиромъ 8 корпуса приказа Главнаго Штаба, помѣченное въ Люксембургѣ 15 Сентября: Во 1-хъ) по инспекціи тыла принять мѣры, чтобы никакой разрывной патронъ не былъ посланъ въ дѣйствующую армію; 2) 6 и 8-му корпусамъ арміи и 8 и 18 корпусамъ резервовъ слѣдуетъ уничтожить сколь можно болѣе разрывныхъ патроновъ, находящихся у войска. Приказъ подписанъ фонъ-Люттвицемъ.

Сообщеніе генерала Гинденбурга: Страна страдаетъ, въ Лодзи голодъ,—это прискорбно, но

вмѣстѣ съ тѣмъ это хорошо. Нельзя воевать и быть сантиментальнымъ. Чѣмъ война безпощаднѣй, тѣмъ скорѣе она кончится. Чѣмъ скорѣе способы веденія войны приводятъ къ миру, тѣмъ они человѣчнѣе.

Писатели и публицисты, вдохновленные пангерманскою идеею, въ полномъ единомысліи съ военными авторитетами, высказывали весьма опредѣленно полное сочувствіе самымъ суровымъ пріемамъ войны. Для образца можно привести статью Блёма, отъ 10 Февраля 1915 г. [1]). Этотъ воинственный писатель сообщаетъ, между прочимъ: «Мы всѣ признали за основное правило, что за вину одного должно отвѣчать все общество, къ которому онъ принадлежитъ. Деревня, жители которой стрѣляли въ наши войска, будетъ сожжена. Если виновный не найденъ, изъ среды населенія будутъ выбраны нѣсколько лицъ и будутъ разстрѣляны . . . Невинные должны страдать вмѣстѣ съ виновными, а если послѣдніе не могутъ быть указаны, то невинные должны ихъ замѣнить и не потому, что преступленіе было содѣяно, но чтобы впредь оно не было совершаемо. Всякій

[1]) Paroles Allemandes, стр. 69.

разъ, когда деревня будетъ подожжена, когда заложники будутъ разстрѣляны, когда жители какой либо общины будутъ выгнаны, или когда они будутъ дѣйствовать противъ нашихъ войскъ, всѣ эти случаи будутъ предостереженіями для странъ еще не завоеванныхъ. Не слѣдуетъ подвергать какому либо сомнѣнію, что для предостереженія были учинены поджоги въ Баттисѣ, въ Гервэ, въ Лувенѣ и Динанѣ. Поджоги, кровопролитія первыхъ дней войны устранили въ большихъ Бельгійскихъ городахъ покушенія противъ слабыхъ контингентовъ, которыми они были заняты. Война не шутка, война есть дьявольскій огонь. Если непризванный прикоснется къ нему пальцемъ, онъ обожжетъ себѣ руку, душу, жизнь. Такова судьба, ниспосланная бѣдному, ослѣпленному и обманутому народу бельгійскому.

Для того, чтобы имѣть понятіе о кровожадныхъ инстинктахъ, присущихъ нѣкоторымъ писателямъ, нельзя не обратить вниманія на мнѣніе депутата Эрцбергера, одного изъ вождей партіи центра Въ газетѣ «День» (Tag) онъ пишетъ, между прочимъ: «Война должна быть орудіемъ безпощаднымъ и жестокимъ. Она должна быть возможно безжалостна, таково впрочемъ требованіе

самой высокой гуманности. Если бы можно было найти средство для уничтоженія всего Лондона, то это было-бы болѣе гуманно, чѣмъ оставлять одного германца истекать кровью на полѣ битвы, такъ какъ такой радикальный способъ привелъ бы къ скорому миру . . . Поэтому Германія уполномочена пользоваться всѣми средствами войны для того, чтобы сокрушить своего врага. Пусть двинуть въ бой нѣмецкія подводныя лодки. Пусть эти чудовища, господствуя подъ водою днемъ и ночью, тревожатъ торговлю и британскую навигацію. Когда Германія объявитъ рѣшительную блокаду Англіи, тогда каждое англійское торговое судно должно быть безпощадно потопляемо. Такъ какъ мы господа подъ водою, то проявимъ громко наше превосходство, и пусть наши дирижабли и наши аэропланы, дѣйствуя совмѣстно съ нашими подводными лодками, наносятъ безпощадные удары нашему коварному врагу! Англія взяла у насъ 400 торговыхъ судовъ. Нашъ отвѣтъ таковъ:—за каждое похищенное судно городъ или деревня англійскіе должны быть уничтожены. Будемъ сѣять при помощи нашихъ дирижаблей ужасъ и смерть среди британскаго населенія. Всѣ средства должны быть хороши для насъ, и если бы мы обладали секретомъ низвести огненный дождь на англійскую землю, то отчего-бы намъ не

воспользоваться имъ. Пусть лучше Англія и ея достойные союзники называютъ насъ варварами, это лучше, чѣмъ состраданіе, которое наши враги могли-бы почувствовать по отношенію къ намъ, если-бы мы были разбиты».

Съ крайнимъ озлобленіемъ противъ всѣхъ союзниковъ и особенно англичанъ выступилъ профессоръ фонъ-Зейденъ [2]). Во Франкфуртской газетѣ онъ съ особымъ раздраженіемъ пишетъ слѣдующее: «Было бы немыслимо даже на одну минуту возстановить дружескія отношенія съ англичанами, этими злѣйшими врагами Германіи. Англичане поставили себя внѣ человѣчества. Они развернули знамя жестокости и преступленій. Это варвары въ полномъ смыслѣ этого слова, они не могутъ быть вслѣдствіе этого допущены въ общество цивилизованныхъ германцевъ. Послѣ заключенія мира никакой уважающій себя нѣмецъ не долженъ позволить себѣ оставаться въ одной комнатѣ съ англичаниномъ. Въ этотъ отношеніи не должно быть допущено никакихъ компромиссовъ. Мы должны поклясться національной местью противъ англичанъ и безъ отдыха постоянно про-

---

[1]) Paroles Allemandes, стр. 73.

должать наши приготовленія къ новой войнѣ и не пренебрегать никакими мѣрами пока мы не истребимъ послѣдній слѣдъ англійскаго могущества. Русскіе должны быть бойкотированы почти въ такой же степени. Они раздѣляютъ съ ненавистными англичанами отвѣтственность за эту войну. Они участвуютъ въ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью поколебать германское могущество и уничтожить германскую культуру. Они варвары востока, точно также какъ англичане варвары запада. Необходимо, чтобы всякій русскій былъ изгнанъ изъ образованнаго общества. По отношенію къ французамъ мы не чувствуемъ, быть можетъ, столь сильной ненависти, но и по отношенію къ нимъ слѣдуетъ проявить часть того презрѣнія, котораго оказались достойными ихъ союзники,— англичане и русскіе. Всякій французъ долженъ быть исключенъ изъ среды, въ которой вращаются порядочные мужчины и женщины. Наконецъ существуютъ нейтральныя націи. Большинство ихъ выражаетъ сочувствіе англичанамъ, русскимъ и французамъ и питаютъ чувство враждебное по отношенію къ нѣмцамъ. Мы не встрѣчаемъ въ нихъ надобности, ни для нашего нравственнаго благополучія, ни для преуспѣянія матеріальнаго. Да будутъ граждане этихъ народовъ изгнаны также изъ нашихъ очаговъ. Пусть они

 *

знаютъ, что мы ихъ презираемъ. Германія должна и желаетъ остаться одинокой. Германцы избранный народъ на землѣ, они исполняютъ свое призваніе, будутъ управлять міромъ и руководить другими народами на счастье человѣчества».

Ознакомившись съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ публицистовъ, нельзя не обратить вниманія и на мысли, выраженныя представителями духовенства протестантскаго и католическаго исповѣданія о великой міровой войнѣ. Почти пророческое значеніе получаютъ слова Лютера, извлеченныя изъ его дневника въ переводѣ на французскій языкъ Мишле: «Вы сражаетесь за неправое дѣло! Германія будетъ опустошена послѣ того, какъ началась эта бойня; и она не окончится прежде, чѣмъ все будетъ уничтожено. Война начинается легко, но не въ нашей власти ее остановить. Безумцы! что-же сдѣлали вамъ эти женщины, эти дѣти, эти старики, которыхъ вы губите, дабы наполнить страну кровью, разбоемъ, чтобы пустить по міру такъ много вдовъ и сиротъ? Германія погибла! Я боюсь! И пусть она погибнетъ, потому что князья ея хотятъ пользоваться только мечомъ».

Бюро вспоможенія евангелическимъ миссіямъ, обращаясь къ протестантамъ, живущимъ заграницею, съ воззваніемъ о помощи, между прочимъ, указывало на то, что «если христіанское братство распалось, если народы, у которыхъ христіанскія отношенія упрочивались извнѣ, будетъ, вслѣдствіе убійственной войны, пребывать въ злобѣ и ожесточеніи, то вина падетъ на тѣхъ, которые давно таинственно и хитро замышляли заговоръ противъ Германіи, для того, чтобы ее уничтожить». Слово истины очевидно далеко отъ ея проповѣдниковъ. Германія, готовившаяся около 40 лѣтъ къ войнѣ, коварно всѣхъ увѣрявшая о своемъ миролюбіи, тайно, чрезъ своихъ агентовъ, искусно все для войны подготовлявшая, оказывается, по словамъ этихъ странныхъ миссіонеровъ, жертвой коварнаго заговора своихъ хитрыхъ враговъ.

Съ большей откровенностью выступаетъ одинъ католическій священникъ, депутатъ Рейхстага. Онъ пишетъ въ Фоссовой газетѣ: «Правда, что наши солдаты разстрѣливали во Франціи и Бельгіи всѣхъ разбойниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей и что они разрушали ихъ жилища. Но видѣть въ этомъ противорѣчіе съ христіанскимъ ученіемъ

значитъ лишь не имѣть ни малѣйшаго пониманія истиннаго разума Христа».

Католическій священникъ пошелъ видимо далѣе своихъ протестантскихъ коллегъ въ явномъ издѣвательствѣ надъ истиною. Храмы, сожженные германцами, видимо забыты имъ, равно какъ забыты и ни въ чемъ неповинные собратья его, убитые и разстрѣлянные тевтонами въ завоеванныхъ ими католическихъ странахъ.

Совершенно неожиданное впечатлѣніе производитъ манифестъ нѣмецкихъ іезуитовъ, напечатанный въ газетѣ Рейхспостъ. Ученики Игнатія Лойола дѣлаютъ Вильгельму II совершенно неожиданное предложеніе. Они вѣщаютъ между прочимъ: «и Германія и Австрія соединились для войны, войны болѣе справедливой доселѣ исторія не видала; но для мобилизаціи недостаетъ одного баталіона. Мы хотѣли-бы образовать его; мы чада Германіи, изгнанныя ею». Какая жалкая фраза, лишенная дѣйствительнаго смысла! Какой некрасивый жестъ, продиктованный ложью. Было бы, однако, любопытно посмотрѣть, каковъ вышелъ бы іезуитскій баталіонъ, если бы Вильгельмъ II-й вздумалъ предложить отцамъ Игнаціанамъ отъ словъ перейти къ дѣлу.

Насколько вообще не везетъ проповѣдникамъ въ Германіи при обращеніи ихъ къ войскамъ, видно изъ проповѣди, напечатанной по французски и нѣмецки и розданной германскимъ войскамъ: «Настоящая война—война священная. Мы ея не желали; самъ Господь вложилъ намъ въ руку мечъ. Мы должны сражаться, хотимъ мы или нѣтъ... Мы сражаемся за нашего Императора, который въ продолженіе 25-ти лѣтъ былъ княземъ мира и который съумѣлъ поддержать порядокъ рукою крѣпкою... Наша борьба есть борьба за правду и законность противъ коварства и лукавства русскихъ, борьба правды съ ложью, борьба германской совѣсти, признающей свою отвѣтственность предъ Богомъ противъ торгашескаго духа англичанъ, которые изъ за жадности и скупости играютъ кровью милліоновъ людей».

Несравненно содержательнѣе краткое извлеченіе изъ проповѣди пастора Франка. Горькую истину сказалъ онъ, говоря: «Кровь неповинныхъ женщинъ и дѣтей прилѣпилась къ германскимъ мечамъ». Насколько подобная истины высказывать въ Германіи опасно, видно изъ того, что пасторъ Франкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности Штетинскимъ военнымъ судомъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе производитъ пространное заявленіе пасторовъ Дріандера, Лагузена и Аксенфельда. Въ противность дѣйствительности, въ явномъ противорѣчіи съ обстоятельствами, удостовѣренными приказами германскихъ генераловъ, письмами германскихъ офицеровъ и солдатъ и многочисленными показаніями потерпѣвшихъ воиновъ, три пастора имѣютъ смѣлость утверждать, что германская армія ведетъ борьбу, согласно съ христіанскими началами и съ требованіями милосердія и гуманности и ведетъ эту борьбу съ такимъ самообладаніемъ, «съ совѣстью и мягкостью, безпримѣрными доселѣ во всемірной исторіи». О разстрѣлѣ женщинъ и дѣтей пасторы умалчиваютъ, упоминая только о французскихъ стрѣлкахъ, разстрѣлъ коихъ признается пасторами правильнымъ.

Болѣе содержательнымъ оказывается пасторское посланіе Кельнскаго кардинала - архіепископа. Онъ пишетъ: «Господь былъ и есть съ нашими героями солдатами, и на востокѣ и на западѣ, и въ морѣ и на воздухѣ. Онъ былъ и онъ есть съ нашимъ германскимъ народомъ, твердо намѣреннымъ стоять до конца и вѣрующимъ въ полную побѣду. Эта война есть весьма тяжкое

для всѣхъ испытаніе. Каждый приноситъ по-требныя жертвы. Всѣ германцы проявляютъ не-сокрушимую вѣру въ Бога... Мы должны взирать на войну при свѣтѣ нашей вѣры». Письмо карди-нала богато общими мѣстами и только упомина-ніе о воздушномъ флотѣ является нѣкоторымъ новшествомъ.

Несравненно съ большимъ интересомъ читается манифестъ 93 выдающихся профессоровъ и уче-ныхъ, обратившихся ко всему цивилизованному міру съ протестомъ противъ обвиненій, возве-денныхъ на германскую армію въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны. Въ книжкѣ «Нѣмец-кія рѣчи» (Paroles Allemandes), откуда заимство-ванъ этотъ манифестъ, напечатанъ весьма злой эпиграфъ: «Въ предвидѣніи моей смерти я испо-вѣдую, что презираю нѣмецкую націю за ея без-конечную глупость и я краснѣю, что принадлежу къ ней. Шопенгауэръ!»

МАНИФЕСТЪ 93-хъ.

«Въ качествѣ представителей науки и искус-ства германскихъ, мы, нижеподписавшіеся, тор-жественно протестуемъ передъ цивилизованнымъ міромъ противъ лжи и клеветы, которыми наши

враги стараются опорочить справедливое и правое дѣло Германіи въ страшной борьбѣ, намъ навязанной, и угрожающей ни болѣе, ни менѣе, какъ нашему существованію. Ходъ событій опровергастъ эту ложную пропаганду, сообщавшую только о германскихъ пораженіяхъ. Но враги продолжаютъ трудиться еще съ большимъ усердіемъ для того, чтобы исказить истину и сдѣлать насъ ненавистными. Противъ этихъ махинацій мы громко протестуемъ.

«Неправда, что Германія вызвала эту войну [1]. Ни народъ, ни государство, ни Германскій Императоръ не хотѣли ея. До послѣдней минуты, до предѣловъ возможнаго, Германія боролась за сохраненіе мира. Весь свѣтъ можетъ судить объ этомъ по даннымъ, сообщаемымъ подлинными документами. Много разъ, въ продолженіе своего 25-лѣтняго царствованія, Вильгельмъ II ограждалъ миръ, обстоятельство, признаваемое много разъ нашими врагами. Они забываютъ, что этотъ Императоръ, котораго они смѣютъ сравнивать съ Аттилой, былъ въ теченіе многихъ лѣтъ предметомъ насмѣшекъ, вызванныхъ его непреложною любовью къ миру и только,—когда онъ сначала

---

[1]) E. Durkheim et E. Denis—Etudes et documents sur la guerre. Qui a voulu la guerre Paris. 1915.

былъ угрожаемъ, а потомъ подвергся неожиданному нападенію трехъ великихъ державъ, тогда народъ нашъ поднялся какъ одинъ человѣкъ.

«Неправда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. У насъ есть неопровержимое доказательство, что Франція и Англія, увѣренныя въ соучастіи Бельгіи, были сами намѣрены нарушить этотъ нейтралитетъ. Со стороны нашей родины было бы самоубійствомъ не выступать впередъ.

«Неправда, что наши солдаты посягали на жизнь и достояніе хотя бы одного Бельгійскаго гражданина, не будучи вынуждены къ тому жестокой необходимостью обороны. Ибо, не взирая на наши предостереженія, населеніе не переставало предательски стрѣлять въ наши войска, калѣчить раненыхъ и душить докторовъ при исполненіи ихъ гуманнаго служенія. Было бы невозможно совершить большей гнусности и умолчать о мерзостяхъ этихъ убійцъ и вмѣнить германцамъ въ преступленіе справедливое наказаніе, которое они были вынуждены примѣнить къ этимъ бандитамъ.

«Неправда, что наши войска окончательно разрушили Лувенъ. Подвергшись предательскому нападенію озлобленнаго населенія, они должны были, очень того не желая, прибѣгнуть

къ возмездіямъ и обстрѣлу части города. Большая часть Лувена осталась нетронутой. Извѣстная Ратуша вполнѣ уцѣлѣла. Съ опасностью для жизни, наши солдаты защищали ее отъ пламени. Если во время этой ужасной войны были уничтожены сокровища искусства, то это всякій германецъ будетъ искренно оплакивать. Не признавая себя менѣе любящими искусство, чѣмъ всякая иная нація, мы рѣшительно отказываемся сохранить сокровища искусства цѣною пораженія нашихъ армій. Неправда, что мы ведемъ войну, пренебрегая постановленіями международнаго права. Наши солдаты неповинны въ нарушеніи дисциплины и жестокости. Напротивъ, на востокѣ нашей родины земля пьетъ кровь женъ и дѣтей, избиваемыхъ русскими ордами, а на поляхъ битвы, на западѣ, пули думъ-думъ нашихъ противниковъ разрываютъ грудь нашихъ бравыхъ солдатъ. Посягать на роль защитниковъ Европейской цивилизаціи не могутъ конечно тѣ, которые въ союзѣ съ русскими и сербами не страшатся возбуждать монголовъ и негровъ противъ бѣлой расы, являя, такимъ образомъ цивилизованному міру самое позорное изъ всѣхъ зрѣлищъ.

«Неправда, что борьба, направленная противъ нашего, такъ называемаго, милитаризма, не есть

борьба противъ нашей культуры, какъ утверждаютъ наши лицемѣрные враги. Безъ нашего милитаризма наша цивилизація была бы давно уничтожена. Для того, чтобы ей покровительствовать, милитаризмъ и возникъ въ нашей странѣ, открытой болѣе всякой другой для нашествій, отъ вѣка въ вѣкъ повторявшихся. Германская армія и германскій народъ составляетъ одно неразрывное цѣлое. Въ этомъ чувствѣ единенія нынѣ связаны братскими узами 70.000.000 германцевъ, безъ различія культуры, класса и партіи.

«Ложь есть отравленное оружіе, которое мы не можемъ вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ. Мы только можемъ громко объявить всему міру, что они ложно свидѣтельствуютъ противъ насъ. А къ вамъ, насъ знающихъ и бывшихъ вмѣстѣ съ нами на стражѣ самыхъ драгоцѣнныхъ благъ человѣчества, мы взываемъ: Вѣрьте намъ, вѣрьте, что въ этой борьбѣ мы пойдемъ до конца, какъ народъ цивилизованный, для котораго наслѣдіе Гёте, Бетховена и Канта столь-же священно, какъ его почва и очагъ. Мы вамъ завѣряемъ это нашимъ именемъ и нашей честью».

Этотъ документъ подписанъ 93 лицами:

Адольфъ фонъ-Байеръ, Превосходительство, профессоръ химіи въ Мюнхенѣ.

Профессоръ Петръ Беренсъ въ Берлинѣ.

Эмиль фонъ Берингъ, Превосходительство, профессоръ медицины въ Марбургѣ.

Вильгельмъ фонъ Боде, Превосходительство, генеральный директоръ королевскихъ музеевъ въ Берлинѣ.

Алоизъ Брандль, профессоръ, предсѣдатель общества въ память Шекспира въ Берлинѣ.

Лууо Брентано, профессоръ національной экономіи въ Мюнхенѣ.

Профессоръ Юстусъ Бринкманъ, директоръ музея въ Гамбургѣ.

Іоганнесъ-Эрнстъ Конрадъ, профессоръ національной академіи въ Галле.

Францъ фонъ Дефрегеръ въ Мюнхенѣ.

Рихардъ Демель въ Гамбургѣ.

Адольфъ Дейсманъ, профессоръ протестантскаго богословія въ Берлинѣ.

Профессоръ Фридрихъ-Вильгельмъ Дёрпфельдъ въ Берлинѣ.

Фридрихъ фонъ Дунъ, профессоръ археологіи въ Гейдельбергѣ.

Профессоръ Павелъ Эрлихъ, Превосходительство, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Альбертъ Эргардъ, профессоръ католическаго богословія въ Страсбургѣ.

Карлъ Энглеръ, Превосходительство, профессоръ химіи въ Карлсруэ.

Гергартъ Эссеръ, профессоръ католическаго богословія въ Боннѣ.

Рудольфъ Эйкенъ, профессоръ философіи въ Іенѣ.

Гербертъ Эйленбергъ въ Кайзервертѣ.

Генрихъ Финке, профессоръ исторіи въ Фрейбургѣ.

Эмиль Фишеръ, Превосходительство, профессоръ химіи въ Берлинѣ.

Вильгельмъ Ферстеръ, профессоръ астрономіи въ Берлинѣ.

Людвигъ Фульдъ въ Берлинѣ.

Эдуардъ фонъ Гебгардтъ въ Дюссельдорфѣ.

І.-І. де Гроотъ, профессоръ этнографіи въ Берлинѣ.

Фрицъ Габеръ, профессоръ химіи въ Берлинѣ.

Максъ Гальбе въ Мюнхенѣ.

Профессоръ Густавъ-Адольфъ фонъ Гарнакъ, генеральный директоръ королевской библіотеки въ Берлинѣ.

Густавъ Гельманъ, профессоръ метеорологіи въ Берлинѣ.

Вильгельмъ Германъ, профессоръ протестантскаго богословія въ Марбургѣ.

Андреасъ Гейслеръ, профессоръ норвежской филологіи въ Берлинѣ.

Адольфъ фонъ Гильдебрандъ въ Мюнхенѣ.

Людвигъ Гофманъ, муниципальный архитекторъ въ Берлинѣ.

Энгельбертъ Гумпердингъ въ Берлинѣ.

Леопольдъ графъ Калкрейтъ, президентъ германской лиги артистовъ въ Эдделсенѣ.

Артуръ Кампфъ въ Берлинѣ.

Фрицъ-Августъ фонъ Каульбахъ въ Мюнхенѣ.

Теодоръ Кипъ, профессоръ юриспруденціи въ Берлинѣ.

Феликсъ Клейнъ, профессоръ математики въ Геттингенѣ.

Максъ Клингеръ въ Лейпцигѣ.

Алоизъ Кнёпфлеръ, профессоръ церковной исторіи въ Мюнхенѣ.

Антонъ Кохъ, профессоръ католическаго богословія въ Тюбингенѣ.

Павелъ Лабандъ, Превосходительство, профессоръ юриспруденціи въ Страсбургѣ.

Карлъ Ламптрехтъ, профессоръ исторіи въ Лейпцигѣ.

Филиппъ Ленаръ, профессоръ физики въ Гейдельбергѣ.

Максимиліанцъ Ленцъ, профессоръ исторіи въ Гамбургѣ.

Максъ Либерманъ въ Берлинѣ.

Францъ фонъ Листъ, профессоръ юриспруденціи въ Берлинѣ.

Людвигъ Манзель, предсѣдатель академіи художествъ въ Берлинѣ.

Іосифъ Маусбахъ, профессоръ католическаго богословія въ Мюнстерѣ.

Георгъ фонъ Майръ, профессоръ политическихъ наукъ въ Мюнхенѣ.

Севастіанъ Меркле, профессоръ католическаго богословія въ Вюрцбургѣ.

Эдуардъ Мейеръ, профессоръ исторіи въ Берлинѣ.

Генрихъ Морфъ, профессоръ римской филологіи въ Берлинѣ.

Фридрихъ Науманъ въ Берлинѣ.

Альбертъ Нейссеръ, профессоръ медицины въ Бреславлѣ.

Вальтеръ Нернстъ, профессоръ физики въ Берлинѣ.

Вильгельмъ Оствальдъ, профессоръ химіи въ Лейпцигѣ.

Бруно Пауль, директоръ художественно-промышленной школы въ Берлинѣ.

Максъ Планкъ, профессоръ физики въ Берлинѣ.

Альбертъ Плонъ, профессоръ медицины въ Берлинѣ.

Георгъ Рейке въ Берлинѣ.

Профессоръ Максъ Рейнгардтъ, директоръ театра въ Берлинѣ.

Алоизъ Риль, профессоръ философіи въ Берлинѣ.

Карлъ Робертъ, профессоръ археологіи въ Галле.

Вильгельмъ Рёнтгенъ, Превосходительство, профессоръ физики въ Мюнхенѣ.

Максъ Рубнеръ, профессоръ физики въ Берлинѣ.

Фрицъ Шнаперъ въ Берлинѣ.

Адольфъ фонъ Шлаттеръ, профессоръ протестантскаго богословія въ Тюбингенѣ.

Августъ Шмидлинъ, профессоръ исторіи церкви въ Мюнстерѣ.

Куставъ фонъ Шмоллеръ, Превосходительство, профессоръ національной экономіи въ Берлинѣ.

Рейнгардъ Зеебергъ, профессоръ протестантскаго богословія въ Берлинѣ.

Мартинъ Шпанъ, профессоръ исторіи въ Страсбургѣ.

Францъ фонъ Стукъ въ Мюнхенѣ.

Германъ Зудерманъ въ Берлинѣ.

Гансъ Тома въ Карлсруэ.

Вильгельмъ Трубнеръ въ Карлсруэ.

Карлъ Фоллмёллеръ въ Штутгартѣ.

Рихардъ Фоосъ въ Берхтесгаденѣ.

Карлъ Фосслеръ, профессоръ романской филологіи въ Мюнхенѣ.

Зигфридъ Вагнеръ въ Байрейтѣ.

Вильгельмъ Валдейеръ, профессоръ анатоміи въ Берлинѣ.

Августъ фонъ Вассерманъ, профессоръ медицины въ Берлинѣ.

Феликсъ фонъ Вейнгартнеръ.

Теодоръ Вигандъ, директоръ музея въ Берлинѣ.

Вильгельмъ Винъ, профессоръ химіи въ Вюрцбургѣ.

Ульрихъ фонъ Виламовичъ-Меллендорфъ, Превосходительство, профессоръ филологіи въ Берлинѣ.

Рихардъ Вилльштеттеръ, профессоръ химіи въ Берлинѣ.

Вильгельмъ Виндельбандъ, профессоръ философіи въ Гейдельбергѣ.

Вильгельмъ Вундтъ, Превосходительство, профессоръ философіи въ Лейпцигѣ.

*

При чтеніи манифеста 93 невольно приходитъ на память давнее изреченіе «Солга себѣ неправда». Первоклассные ученые, профессора, выдающіеся художники рѣшились передъ лицомъ всего міра торжественно засвидѣтельствовать о своемъ полномъ единомысліи съ политикой желѣза и крови Вильгельма II и его сподвижниковъ. Эти лучшіе люди Германіи имѣютъ смѣлость отрицать безспорно установленную истину, что война была вызвана Германіею. Все предыдущее изложеніе настоящаго изслѣдованія было направлено къ тому, чтобы доказать, что народъ, государство, и германскій Императоръ хотѣли войны. И Максъ Гарденъ въ своей «Будущности» весьма рѣшительно обличаетъ составителей манифеста. Онъ пишетъ: «Откажемся отъ нашихъ презрѣнныхъ усилій оправдать выступленіе Германіи, перестанемъ обсыпать врага возмутительными оскорбленіями. Мы не противъ своей воли приняли участіе въ этой чудовищной свалкѣ. Она не была неожиданно навязана намъ. Мы ее желали; мы должны были ее желать». Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что войны желали всѣ увлеченные пангерманскими идеями. Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ къ войнѣ съ особымъ напряженіемъ готовилась вся Германія. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, съ какою чисто германскою предусмотри-

тельностью производились эти приготовленія къ войнѣ. Не только у себя дома, но и въ странахъ своихъ добрыхъ сосѣдей германцы, пользуясь довѣрчивостью или, скажемъ просто, глупостью сосѣдей, устраивали бетонныя платформы, тщательно подготовляли развѣдочную часть, сооружали зданія, пригодныя для военныхъ цѣлей. Мастерски усыпляя бдительность наивныхъ сосѣдей, германцы систематично, въ теченіе многихъ лѣтъ, всю свою дѣятельность направляли къ осуществленію своихъ пангерманскихъ широко завоевательныхъ цѣлей. 93 лица, подписавшія манифестъ, быть можетъ припоминали другое старое реченіе: «Ложь — конь во спасеніе». Плохого только коня выбрали они. Старая хромая кляча притащила изолгавшихся германцевъ въ невылазное болото. Грозная неподкупная истина обличитъ ихъ неправду. Грустно помыслить, что лучшіе люди, когда-то культурнаго германскаго народа, стали словно жертвой какого-то коллективнаго помѣшательства. Они съ цинизмомъ, всегда присущимъ людямъ, потерявшимъ стыдъ и совѣсть, отрицаютъ истину, очевидную для всѣхъ, не утратившихъ способности распознавать добро отъ зла. Итакъ, Германія хотѣла войны, Вильгельмъ II-й хотѣлъ войны и вмѣстѣ съ своимъ народомъ готовился къ ней.

Обращаясь ко второму тезису манифеста 93-хъ, нельзя не дивиться развязности людей, рѣшающихся отрицать нарушеніе Германіею нейтралитета Бельгіи. Вильгельму II и германцамъ слѣдуетъ припомнить, что ст. 7 Лондонскаго трактата 15 Ноября 1831 г. постановлено, что Бельгія въ границахъ, указанныхъ ст.ст. 1, 2—§ 4, составитъ государство независимое и навсегда нейтральное; она должна будетъ соблюдать этотъ нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ государствамъ. А на основаніи ст. 25 правительства Австріи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи гарантируютъ Его Величеству королю Бельгійцевъ исполненіе всѣхъ предшествующихъ статей договора. Подлинный подписали, между прочимъ, уполномоченный Австріи фонъ-Гентцъ и—баронъ фонъ Бюловъ за Короля Пруссіи.

Обязательства, опредѣленныя этимъ договоромъ, подтверждены договоромъ 1839 г., окончательно установившимъ положеніе Бельгіи и опредѣлившимъ, что всѣ постановленія трактата 1831 г. находятся подъ гарантіею пяти державъ. Казалось бы, что смыслъ международнаго договора 1831 г. вполнѣ ясенъ, что постановленія его безусловно обязательны для всѣхъ державъ, его подписавшихъ, въ томъ числѣ и для Пруссіи, но быть можетъ Вильгельму II и руководителямъ герман-

ской политики пришли на память весьма своеобразныя изреченія двухъ Прусскихъ Королей: Фридриха II-го (изъ письма къ министру Подзвиллу) «Если выгодно быть честнымъ человѣкомъ, мы имъ будемъ, если-же выгодно надувать, будемъ обманщиками», и Фридриха-Вильгельма IV (изъ тронной рѣчи, произнесенной 11 Апрѣля 1847 г.) «Всѣ хартіи не что иное какъ клочки бумаги». И дѣйствительно, рѣчь Канцлера Бетмана-Гольвега, произнесенная въ Рейхстагѣ 4 Августа 1914 г., показываетъ, какъ мало руководитель германской политики стѣснялся международными трактатами и какъ мало былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ, необходимыхъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей. Въ своей рѣчи онъ упомянулъ, между прочимъ: «День, когда мы должны обнажить мечъ, наступилъ противъ нашей воли, не взирая на наши искреннія старанія. Россія зажгла пожарный факелъ. Насъ заставили воевать съ Россіей и Франціею... Такова истина. Мы находимся въ состояніи необходимой обороны и это состояніе не знаетъ закона. Наши войска заняли Люксембургъ и быть можетъ уже попираютъ Бельгійскую территорію. Это нарушаетъ постановленіе международнаго права. Французское правительство, правда, объявило въ Брюсселѣ, что оно будетъ уважать Бельгій-

скій нейтралитетъ, по скольку его будетъ уважать противникъ. Мы однако-же знали, что Франція готова къ нападенію. Франція могла ждать; мы же—нѣтъ. Французское нападеніе на нашъ флангъ въ нижнемъ Рейнѣ могло бы быть для насъ роковымъ. Такимъ образомъ мы были вынуждены пренебречь основательными возраженіями Люксембурга и Бельгійскаго правительства. Мы ихъ вознаградимъ за причиненный нами вредъ, какъ только достигнемъ цѣли нашихъ военныхъ дѣйствій. Когда находятся въ такомъ угрожаемомъ положеніи, какъ мы, и когда борются за все, что наиболѣе священно, тогда слѣдуетъ думать только объ одномъ,—какъ бы, во что бы то ни стало, выйти изъ такого положенія. Я повторяю слова Императора: «Германія идетъ на бой съ чистою совѣстью»... Трагическій часъ испытанія пробилъ для нашего народа, мы встрѣчаемъ его съ твердостью. Наша армія двинулась, нашъ флотъ готовъ къ бою, за ними весь германскій народъ».

Вѣрную оцѣнку возмутительнаго неуваженія Германіи къ обязательности международныхъ договоровъ можно найти въ телеграммѣ, посланной 8 Августа 1914 г. Великобританскимъ посломъ въ Берлинѣ Гёшеномъ Эдуарду Грэю. Гёшенъ, между прочимъ, пишетъ: «Я нашелъ канцлера весьма возбужденнымъ... Онъ полагалъ, что мѣры,

принятыя Британскимъ правительствомъ, въ высшей степени ужасны. «Изъ одного слова «нейтралитетъ», изъ за слова, на которое часто во время войны не обращали вниманія, исключительно изъ за клочка бумаги Великобританія желаетъ начать войну съ націей, ей родственной, только желающей быть съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ. Всѣ его усил я въ этомъ смыслѣ, продолжалъ онъ, оказались безполезными послѣ этого ужаснаго мѣропріятія. Политика, которой, какъ я знаю, онъ себя посвятилъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ облеченъ властью, разсыпалась, какъ замокъ, сооруженный изъ картъ. Онъ возбужденно сказалъ, что сдѣланное нами непонятно,—это равносильно нанесенію удара человѣку въ спину, когда онъ защищаетъ жизнь отъ двухъ нападающихъ. Онъ признаетъ Великобританію отвѣтственною за всѣ ужасныя послѣдствія, отсюда вытекающія. Я рѣшительно возражалъ противъ этого сообщенія и сказалъ ему, что какъ онъ самъ и г. фонъ Яговъ хотѣли разъяснить мнѣ, что по соображеніямъ стратегическимъ для Германіи было вопросомъ жизни или смерти двигаться черезъ Бельгію и нарушить ея нейтралитетъ, то точно также я желалъ бы, чтобы и онъ понялъ, что для чести Великобританіи было, такъ сказать, дѣломъ жизни или смерти исполнить обязатель-

ство, торжественно принятое ею дѣлать все для нея возможное для охраненія нейтралитета Бельгіи. Необходимо, продолжалъ я, исполнять этотъ торжественный договоръ, ибо какое довѣріе можно было бы впослѣдствіи имѣть къ обязательствамъ, принятымъ на себя Великобританіею. Канцлеръ возразилъ: «Но какою же цѣною будетъ куплено исполненіе этого договора?—Подумало ли объ этомъ Британское правительство?». Я старался со всею доступною для меня ясностью убѣдить Его Превосходительство, что опасеніе послѣдствій не можетъ быть разсматриваемо какъ основаніе нарушенія торжественныхъ обязательствъ. Но Его Превосходительство былъ настолько возбужденъ и настолько смущенъ извѣстіемъ о нашемъ рѣшеніи и такъ мало расположенъ слушать мои доводы, что я воздержался подливать масла въ огонь дальнѣйшимъ разговоромъ».

Изъ вышеизложеннаго несомнѣнно явствуетъ несостоятельность второго тезиса манифеста 93-хъ. Нельзя противъ очевидности утверждать: Неправда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Да, Германія именно преступно нарушила этотъ нейтралитетъ. И какъ не стыдно лучшимъ людямъ Германіи оправдывать это преступленіе тѣмъ доводомъ, что у германцевъ имѣется неопровержимое доказательство, что Франція и

Англія были сами намѣрены сдѣлать то-же самое. Оправдывать свое преступленіе тѣмъ, что другіе хотѣли сдѣлать то-же самое,—пріемъ недостойный людей себя уважающихъ, пріемъ, который былъ бы страненъ даже въ устахъ самаго жалкаго продажнаго адвоката. Въ самомъ дѣлѣ, какой защитникъ рѣшился бы, оправдывая своего довѣрителя, сказать.—«Онъ не виноватъ, если бы не онъ стащилъ вещь, все равно другіе украли бы ее». Зная пангерманское ученіе и припоминая очень опредѣленныя воззрѣнія корифеевъ этой чудовищной доктрины о допустимости для сверхгосударства всего, что оно признаетъ для себя необходимымъ, можно легко объяснить себѣ логику авторовъ манифеста. Они, эти ницшеанскіе сверхлюди стоятъ выше устарѣлой грани между добромъ и зломъ. Послушные словамъ Заратустры, они разбили «старыя доски», на которыхъ были начертаны обязательныя для всѣхъ культурныхъ государствъ нормы права и порядка. Германія стремится подчинить себѣ весь міръ и ей ли считаться съ жалкими кусками писанной бумаги.

Переходя къ разсмотрѣнію 3, 4 и 5 тезисовъ манифеста, имѣющихъ цѣлью устранить обвиненія германскихъ войскъ въ варварскихъ пріемахъ веденія войны, слѣдуетъ указать на то, что полная несостоятельность попытокъ составите-

лей манифеста обѣлить извергов доказывается, прежде всего, собственноручными писаніями этихъ злодѣевъ, сдѣлавшимися достояніемъ исторіи, изслѣдованіями, произведенными особенными слѣдственными Комиссіями въ Бельгіи и Франціи, и многочисленными свидѣтельскими показаніями лицъ, бывшихъ свидѣтелями кровавыхъ подвиговъ дисциплинированныхъ гунновъ XX вѣка.

Злополучная Бельгія первая приняла на себя тевтонскіе удары [1]). Черезъ ея цвѣтущіе города, по ея воздѣланнымъ полямъ шла прямая дорога въ Парижъ; ее нужно было на первыхъ же порахъ привести въ трепетъ и ужасъ. Послѣ перваго столкновенія, германцы, вступая въ мѣстечко Визе, разстрѣливали жителей и заставили перепуганное населеніе смотрѣть на трупы двухъ убитыхъ, лежавшихъ близъ дороги. Германскій офицеръ при этомъ кричалъ: «Эта судьба всѣхъ васъ ожидаетъ, если вы будете враждебными намъ». Такимъ образомъ началась эта страшная кровавая традиція. Убійства, пожары, грабежи, насилія и развалины безъ конца. Но лучше пусть объ

---

[1]) Etudes et documents sur la guerre—E. Lavisse et Ch. Andler—Pratique et doctrine allemandes de la guerre. Paris. 1915.

ужасахъ тевтонскаго нашествія повѣствуютъ сами нѣмцы. Рядовой Павелъ Глёдё 9-го піонернаго баталіона (IX корпуса) въ письмѣ отъ 12 Августа изъ Бельгіи сообщаетъ: «Для того, чтобы понять ожесточеніе нашихъ солдатъ, нужно видѣть разрушенную деревню. Нѣтъ ни одного цѣлаго дома. Все съѣдобное отнято солдатами. Можно было видѣть нѣсколько грудъ безъ суда убитыхъ мужчинъ и женщинъ; маленькіе поросята бѣгали кругомъ въ поискахъ своихъ матерей. Собаки на цѣпи безъ корма и воды, а надъ ними дома, объятые пламенемъ. Но вмѣстѣ съ справедливымъ гнѣвомъ въ нашихъ солдатахъ развивается настоящій вандализмъ. Въ деревняхъ, уже совершенно пустыхъ, они тѣшатся краснымъ пѣтухомъ, поджигая дома. Мнѣ становится жаль жителей. Если они неправильно пользуются оружіемъ, то вѣдь они въ концѣ концовъ только защищаютъ свою родину. Во всякомъ случаѣ ужасы, содѣянные этими гражданами, получили хорошее отмщеніе. Избіенія раненыхъ происходятъ ежедневно».

Какъ это письмо, такъ и слѣдующее показываютъ, насколько далекъ отъ истины третій тезисъ манифеста, съ германской безцеремонностью отрицающій: «что наши солдаты по-

сягали на жизнь и достояніе хотя бы одного бельгійскаго гражданина, не будучи вынуждены къ тому жестокой необходимостью обороны».

Офицеръ 178 пѣхотнаго полка XII-го корпуса Саксонской арміи отъ 17 Августа 1914 г. пишетъ: «Посѣтилъ небольшой замокъ, принадлежащій секретарю Бельгійскаго короля. Наши солдаты вели себя какъ вандалы. Прежде всего они разграбили погребъ, потомъ набросились на комнаты и тамъ все разгромили. Были даже попытки взломать денежный ящикъ. Все перевернуто вверхъ дномъ. Роскошная мебель, шелковыя ткани, разбитый фарфоръ. Наши солдаты утащили ради мародерства много совершенно ненужныхъ вещей».

Бригада, къ которой принадлежалъ 178 полкъ, направляется къ Франціи, 21 Августа авторъ письма находится въ Совё. «Ночью переполохъ; разстрѣлянъ бельгіецъ, обвиненный въ шпіонажѣ. 23 Августа рота, направляясь въ Лизонь, сбивается съ пути. Она подвергается обстрѣлу и отступаетъ».

Офицеръ далѣе пишетъ:

«Наши солдаты говорятъ, что они не могутъ далѣе двигаться, такъ какъ вольные стрѣлки

стрѣляютъ на нихъ изъ домовъ. Стрѣлковъ ставятъ по три въ рядъ съ тѣмъ, чтобы однимъ выстрѣломъ изъ ружья можно было сразить трехъ людей. Мы занимаемъ позицію на рѣкѣ Мёзё. Моя рота входитъ въ деревню Бувинъ; наши солдаты безчинствовали какъ вандалы; все было разгромлено ими, видъ труповъ перебитыхъ жителей не поддается описанію; нѣтъ ни одного уцѣлѣвшаго дома. Мы выгоняемъ изъ всѣхъ угловъ уцѣлѣвшихъ отъ избіенія. Цѣлую толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей подвергаютъ разстрѣлу; ихъ нашли въ монастырѣ, который сожгли».

26 Августа отрядъ проходитъ Виллье—енъ-Фань: «Населеніе дало знать французамъ о проходѣ нашихъ войскъ, разстрѣливаемъ священника и нѣсколькихъ жителей»...

«Мы переходимъ французскую границу. Привалъ въ Гье-де-Гассю; деревня горитъ. Эта живописная небольшая деревня была подожжена, хотя и ни въ чемъ неповинная. Одинъ циклистъ, падая, произвелъ выстрѣлъ изъ своего ружья. Онъ сейчасъ же увѣрялъ, что въ него стрѣляли. Затѣмъ всѣхъ жителей побросали въ огонь. Надѣюсь, что такіе ужасы впредь не будутъ повторяться».

«Въ деревнѣ Леппъ убито 200 жителей, между которыми должны быть невинные. Впредь нужно

будетъ производить разслѣдованіе и прежде разстрѣла установлять виновность людей»...

Въ началѣ Сентября 178 полкъ находится въ Ретелѣ: Саксонскій офицеръ пишетъ:

«Внутреннее убранство домовъ изящно. Во Франціи въ домахъ людей средняго класса встрѣчается прекрасная мебель;—повсюду стильная мебель; красивыя шелковыя ткани, но въ какомъ положеніи, Боже Великій! все въ лохмотьяхъ! Вандалы не сумѣли бы причинить болѣе вреда. Начальники частей должны бы отвѣчать за это; они могли бы помѣшать грабежу и разрушенію. Убытки считаются милліонами; денежные ящики были взломаны... Въ домѣ одного адвоката, отдѣланномъ съ большимъ вкусомъ, разбили на тысячу кусковъ коллекцію стараго фаянса и предметовъ восточнаго искусства.

Я самъ не могъ воздержаться отъ желанія взять нѣкоторыя вещи на память; я нашелъ прекрасный непромокаемый плащъ и фотографическій аппаратъ, который предназначаю Феликсу».

Лейтенантъ Кицманъ (2 роты 1-го батальона 4-го пѣхотнаго полка) пишетъ 18 Августа 1914 года:

«Недалеко отъ Диста находится деревня Шаффенъ. Около 50 гражданъ спрятались на коло-

кольнѣ и оттуда стрѣляли въ наши войска изъ митральезы. Всѣ лица гражданскаго состоянія были разстрѣляны».

Солдатъ Прусской гвардіи Павелъ Шпильманъ (1-ая рота, 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка) пишетъ 1 Сентября 1914 г. изъ одной деревни близъ Бламона:

«Жители бѣжали по деревнѣ; это было ужасно. Всѣ дома обрызганы кровью, что касается до лицъ мертвецовъ, то они были страшны. Ихъ немедленно похоронили; ихъ было 60. Между ними много старухъ, стариковъ и одна беременная женщина. Страшно было смотрѣть на нихъ. Трое дѣтей прижались другъ къ другу и были тоже убиты. Алтарь и своды церкви пробиты. Тамъ былъ устроенъ телефонъ для переговоровъ съ непріятелемъ. Нынѣ, 2 Сентября, всѣ жители были изгнаны, и я видѣлъ, какъ 4 маленькихъ мальчика несли на двухъ палкахъ люльку, въ которой находился ребенокъ 5 или 6 мѣсяцевъ. Страшно глядѣть на все это; ударъ за ударомъ! громъ противъ грома! Все отдано на разграбленіе. Я видѣлъ одну мать съ двумя дѣтьми; у одного изъ нихъ была большая рана на головѣ и выколотый глазъ».

Изъ письма (неподписаннаго) солдата 32 пѣхотнаго полка (4-го резервнаго корпуса):

«3 Сентября, Крейль: взорвали желѣзный мостъ. По этой причинѣ улицы подожжены нами и граждане разстрѣляны».

Солдатъ Гассемеръ VIII корпуса пишетъ:

«3 Сентября въ Соммери (Марнъ),—ужасное побоище, деревня сожжена до тла; французы брошены въ пылающіе дома; граждане и все имущество преданы огню».

Солдатъ Филиппъ (изъ Каменца въ Саксоніи) 1 роты, 1 батальона 178 полка пишетъ:

«Въ 10 час. вечера 1-й батальонъ вошелъ въ горѣвшую деревню Динана; зрѣлище грустное и красивое; глядя на него приходилось дрожать. При входѣ въ деревню лежало около 50-ти убитыхъ жителей, разстрѣленныхъ за то, что они изъ за засады стрѣляли въ наши войска. Въ теченіе ночи было еще много разстрѣленныхъ, такъ что мы насчитали ихъ болѣе 200. Женщинъ и дѣтей съ лампами въ рукахъ заставили присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Затѣмъ мы поужинали среди этихъ труповъ, такъ какъ съ утра мы ничего не ѣли».

Изъ письма не подписаннаго:

«Ланге-Виллеръ (22 Августа). Деревня, разрушена 11-мъ батальономъ піонеровъ. Три женщины повѣшены на деревьяхъ; первые покойники, которыхъ я видѣлъ». А на 10-й страницѣ того же дневника читаемъ:

«Такимъ образомъ мы разрушили 8 домовъ съ ихъ жителями. Въ одномъ изъ нихъ штыками были заколоты: 2 мужчинъ съ ихъ женами и 18-лѣтняя молодая дѣвушка. Красотка меня почти растрогала. Взглядъ ея былъ такой невинный! Но нельзя было удержать возбужденныхъ солдатъ. Подобныя минуты они перестаютъ быть людьми, а становятся звѣрями».

Авторъ не подписаннаго дневника сообщаетъ, что «въ Орши (Сѣверный Департаментъ) одна женщина была разстрѣлена за то, что ослушалась команды—«стой!» а затѣмъ, продолжаетъ онъ, послѣдовалъ поджогъ всего селенія».

Резервистъ Шлантеръ (3 батарея 4-го гвардейскаго артиллерійскаго полка).

«Бельгія, 25 Августа. 300 жителей города были разстрѣлены. Уцѣлѣвшихъ заставили копать мо-

гилы. Нужно было посмотрѣть на женщинъ въ это время. Но иначе поступать не приходится. Въ Вилло дѣла пошли лучше. Было разрѣшено жителямъ идти, куда они хотятъ. Но кто стрѣлялъ, тотъ подвергался разстрѣлу. При нашемъ уходѣ изъ Овелэ раздались выстрѣлы; но затѣмъ пожаръ, женщины и все остальное».

Солдатъ Севастьянъ Райсгауптъ (1-го баварскаго пѣхотнаго полка) пишетъ:

«Парю (Мёртъ-е-Мозель). Первая деревня, которую мы сожгли, потомъ началась пляска: деревни одна за другою; по доламъ и полямъ мы неслись на бициклеткахъ до рвовъ близъ дороги, а тамъ мы поѣли вишенъ».

Солдатъ Морицъ Грассе, 177 пѣхотнаго полка, разсказавъ о разгромѣ Динана, кончаетъ свою повѣсть слѣдующими словами: «Бросаніе зажигательныхъ гранатъ въ дома вечеромъ—военный хоралъ. Нынѣ всѣ возблагодарите Господа».

Изъ дневника Іосифа Отто (33 дивизіи 16-го корпуса):

«23 Августа. Трупы убитыхъ французовъ еще ждутъ погребенія. Всѣ они получили удары въ

голову или грудь. Мы получили разрѣшеніе грабить; такое разрѣшеніе не требуетъ повторенія. Кипы бѣлья, вино въ бутылкахъ и бочкахъ; цыплята и свиньи,—все было взято; мы завтракали въ часъ, при томъ въ обществѣ убитыхъ французовъ,—теперь ко всему привыкаешь».

Изъ дневника солдата Альберса (78 резервнаго пѣхотнаго полка 10 резервнаго корпуса):

«25 Августа. Въ Берзѣ (къ югу отъ Шарлеруа). Извѣстіе о паденіи Бельфора. Большая радость въ войскахъ; они поютъ «Германія превыше всего» (Deutschland über Alles). Болѣе вина, чѣмъ воды. Германскіе солдаты военнаго поѣзда тащатъ, что могутъ. Они роются въ шкапахъ, комодахъ и т. д. и бросаютъ все на полъ. Ужасное варварство. Я никогда не принималъ участіе въ подобныхъ поступкахъ».

Изъ дневника унтеръ-офицера Бургардта (100-го полка резервныхъ гренадеръ, 12-го резервнаго корпуса):

«30 Августа. Близъ Рьюменье (Арденны). Изъ поѣзднаго склада, охраняемаго офицерами и двумя солдатами, мы беремъ консервы. Лейтенантъ

Отто оставляетъ еще нѣсколько людей для нашего прикрытія. Мы подвергаемъ погребъ осмотру и находимъ тамъ много хорошихъ вещей. Прекрасныя комнаты замка представляютъ ужасное зрѣлище. Въ поискахъ золота и серебра, тамъ все перерыли. Весьма трудно двигаться въ походъ послѣ перегрузки алкоголемъ. А у меня къ тому-же въ мѣшкѣ лежитъ кувшинъ Шартреза».

Изъ дневника солдата Ротте (13 пѣхотнаго полка 7-го армейскаго корпуса):

«23 Августа. 4 часа утра; встаемъ. Идемъ въ Перрону (Бельгія). Хорошая пища. Грабили въ домахъ. Въ полдень выступленіе».

Изъ дневника, написаннаго стенограммой, солдата Миссбаха [1]) (13 резервнаго баталліона, 12 резервнаго корпуса):

«Въ Соринне (Бельгія) 23 Августа, мы имѣли остановку на 4 часа. Замокъ былъ сожженъ и мы пришли еще во время для того, чтобы присутствовать при разстрѣлѣ 8-ми вольныхъ стрѣлковъ,

[1]) Etudes et documents sur la guerre. Joseph Bédier— Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes. стр. 15.

взятыхъ въ плѣнъ 106 резервнымъ полкомъ. Ужасное зрѣлище. Одинъ ветхій старикъ, 5 людей средняго возраста и двое молодыхъ людей. У одного изъ людей ноги были обернуты платками, чтобы его не было слышно. Наканунѣ уже были разстрѣлены въ той деревнѣ 9 человѣкъ и въ томъ числѣ владѣлецъ замка. Вечеромъ бивакъ вмѣстѣ съ дивизіею, близъ Мёзе. Передъ нами и около насъ пожары безъ конца и одна объятая пламенемъ деревня».

Изъ дневника лейтенанта фонъ Жонкьера, (3-го полка гвардейскихъ гренадеръ):

«Фоссе (къ юго-западу отъ Намюра) 23-го Августа. Продвинулся съ моимъ взводомъ въ деревню, на правомъ флангѣ. Выстрѣлы съ одной фермы. Затѣмъ подожгли вмѣстѣ съ Мейемъ. Когда батальонъ вошелъ въ деревню, дождь пуль на него; вся деревня сожжена. 7-я рота беретъ добычи на 2000 франковъ».

Изъ дневника солдата Фишера (8 Баварскаго пѣхотнаго полка 33 резервной дивизіи):

«Граната разорвалась близъ 11 роты и ранила 7 солдатъ, изъ коихъ троихъ тяжко. Въ 5 часовъ намъ былъ сообщенъ приказъ офицера, командую-

щаго полкомъ, разстрѣлять всѣхъ жителей Номени и сравнять съ землею весь городъ, такъ какъ жители безумно пробовали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ шествію германскихъ войскъ. Мы обыскали дома и схватили всѣхъ тѣхъ, которые сопротивлялись, чтобы съ ними покончить на основаніи военныхъ законовъ. Дома, которые еще не были подожжены французскими или нашими выстрѣлами, были подожжены нами и, такимъ образомъ, почти весь городъ былъ испепеленъ. Ужасно видѣть беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, отнынѣ лишенныхъ всего и гонимыхъ, словно стадо какое, во Францію».

Изъ письма солдата Z (78 пѣхотнаго полка 10 корпуса):

«Курси (къ сѣверу отъ Реймса), 22 Октября. Мы здѣсь лежимъ на газонѣ сада, хозяина стеклянной фабрики. Въ подвалѣ его дома нынѣ пріютился штабъ нашего полка. Здѣсь деревня и дома рабочихъ въ конецъ разграблены. Ужасно! Есть, однако, нѣкоторая правда въ томъ, что говорятъ о германскихъ варварахъ».

Сказанное подтверждается дневникомъ Лейтенанта Y (13-го артиллерійскаго полка). Онъ

пишетъ: «24 Августа, Бламонъ. Деревня была въ конецъ разграблена. Стоявшіе тамъ, кажется баварцы, вели себя, какъ вандалы».

Въ газетѣ «Мюнхенскія Новѣйшія Извѣстія» лейтенантъ Оберлейнъ разсказываетъ, что онъ вошелъ въ Сенъ-Діё во главѣ отряда и долженъ былъ, поджидая подкрѣпленія, забарикадироваться въ одномъ домѣ. Ему пришла слѣдующая счастливая мысль: «Мы задержали трехъ жителей. И вотъ я придумалъ посадить ихъ на стулья и объяснить, что они должны сѣсть на эти стулья посереди улицы. Просьба съ одной стороны; нѣсколько ударовъ съ другой. Мало по малу ожесточаешься. Наконецъ они посажены среди улицы. Сколько просьбъ и моленій они произнесли, не знаю. Но все время они сидѣли съ судорожно сжатыми руками. Мнѣ ихъ жаль; но средство оказалось «рѣдкой дѣйствительности». Стрѣльба изъ домовъ немедленно прекратилась. Лейтенантъ могъ занять домъ противъ того, въ которомъ онъ былъ осажденъ; наконецъ подкрѣпленіе приходитъ и нѣмцы становятся хозяевами въ Сенъ-Діё. Эти три лица отдѣлались благополучно; другимъ менѣе посчастливилось. Резервный полкъ входитъ въ Сенъ-Діё съ другого конца и тамъ тоже

приходитъ счастливая мысль, осѣнившая лейтенанта Эберлейна; четырехъ мирныхъ гражданъ также сожаютъ на стулья среди улицы; они падаютъ сраженными французскими пулями. Я ихъ самъ видѣлъ, говоритъ лейтенантъ, лежащими на улицѣ, близъ госпиталя».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о грабежѣ и пожарѣ: Автомобиль подъѣзжаетъ къ госпиталю и привозитъ военную добычу: фортепіано и двѣ швейныя машины, много альбомовъ и разныхъ другихъ вещей, замѣчаетъ солдатъ Тоде.

Унтеръ офицеръ Клемптъ (1-ой роты, 154 пѣхотнаго полка) разсказываетъ, что во время одного сраженія его полкъ очень пострадалъ отъ огня французскихъ солдатъ, которыхъ очень трудно было разыскать. Такъ какъ эти солдаты стрѣляли съ деревьевъ, то онъ ихъ называетъ подлыми разбойниками. Послѣ того, какъ французскихъ солдатъ заставили ружейнымъ огнемъ, какъ бѣлокъ, спуститься съ деревьевъ, ихъ встрѣтили прикладами и штыковыми ударами. «Имъ болѣе не понадобится докторовъ», поясняетъ Клемптъ и продолжаетъ: «другіе солдаты спрятались въ кустахъ, ихъ разыскиваютъ. И имъ нѣтъ пощады. Мы приходимъ къ ложбинѣ. Красные панталоны лежатъ

тамъ кучею, мертвые и раненые. Мы добиваемъ или прикалываемъ этихъ раненыхъ, такъ какъ мы знаемъ, что эти канальи послѣ нашего прохода будутъ стрѣлять намъ въ спину. Вотъ тамъ растянулся во всю свою длину одинъ французъ. Онъ лежитъ лицомъ къ землѣ и притворяется мертвымъ. Ударъ ноги здоровеннаго стрѣлка разъясняетъ ему, что мы здѣсь. Оборачиваясь, онъ проситъ пощады . . . Его пригвождаютъ къ землѣ. Недалеко отъ меня раздается странный трескъ. Это солдатъ 154 полка прикладомъ разбиваетъ голову плѣшиваго француза; весьма благоразумно онъ воспользовался для этой работы французскимъ ружьемъ, опасаясь испортить свое. Люди особенно чувствительные снисходительно пристрѣливаютъ французскихъ раненыхъ; другіе-же расточаютъ, сколько могутъ, смертельные удары. Наши противники сражались храбро. Мы имѣли дѣло съ отборными войсками».

Унтеръ-офицеръ заключаетъ свой разсказъ: «Храбрые германскіе стрѣлки, убивая этихъ французовъ, тяжело или легко раненыхъ, сберегали для родины расходы, сопряженные съ леченіемъ этихъ многочисленныхъ враговъ».

Весьма поучительно, что унтеръ-офицеръ Клемптъ представилъ свой чудовищный разсказъ на просмотръ своему ротному командиру, начер-

тавшему на этомъ документѣ, писанномъ человѣческой кровью, слѣдующее: удостовѣряю, точно. Фонъ Нимъ. Лейтенантъ и Ротный командиръ. А Клемптъ посылаетъ свой разсказъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ стиховъ, редакціи газеты, издаваемой въ городѣ, откуда онъ родомъ. Газета помѣщаетъ разсказъ подъ заглавіемъ: «Славный день нашего полка».

До сихъ поръ, доказывая лживость манифеста 93-хъ, утверждавшаго, что германскіе солдаты неповинны въ жестокости, мы имѣли въ виду исключительно одни только показаніе самихъ нѣмцевъ, раскрывавшихъ всю мерзость разстрѣла беззащитныхъ и въ большинствѣ случаевъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Правда, нѣмецкія газеты старались опорочить эти свѣдѣнія, придираясь къ неточностямъ, допущеннымъ будто бы переводчикомъ, но профессоръ Бедіе, въ своей брошюркѣ Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes (Paris 1915), строго научнымъ образомъ доказалъ полную несостоятельность придирчивой критики германскихъ публистовъ. Факсимиле ихъ писемъ и дневниковъ документально свидѣтельствуетъ о правильности сужденія профессора Бедіе. Такимъ образомъ германскій манифестъ 93-хъ прежде всего въ этой своей части опровергается подлинными

разсказами нѣмецкихъ же солдатъ о звѣрствахъ, чинимыхъ германскими войсками. А потому слѣдуетъ сказать, что германскіе солдаты, въ противность увѣреніямъ манифеста, посягали на жизнь и достояніе Бельгійскихъ гражданъ, не будучи вынуждены къ тому жестокой необходимостью обороны. Равно правда и то, что германцы ведутъ войну, пренебрегая постановленіями международнаго права, и что германскіе солдаты повинны въ жестокости.

На сколько хищническіе пріемы вандаловъ XX вѣка противорѣчатъ самымъ основнымъ началомъ международнаго права, можно усмотрѣть изъ того, что на основаніи п. д ст. 23 Гаагской конвенціи, подписанной, между прочимъ, и представителемъ Вильгельма II барономъ Маршаломъ фонъ Биберштейномъ, воюющимъ сторонамъ воспрещается уничтожать и отнимать собственность непріятелей, а ст. 47 формально воспрещается грабежъ; германскіе же войска систематически съ вѣдома, и часто по распоряженію военнаго начальства, отнимаютъ и грабятъ имущество частныхъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ не принимавшихъ никакого участія въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ германцевъ. И эти преступныя дѣйствія удостовѣряются также самими нѣмцами. Франкфуртская газета сообщаетъ, между прочимъ,

что количество разныхъ товаровъ, отобранныхъ во враждебныхъ государствахъ, такъ велико, что съ каждымъ днемъ возникаетъ затрудненіе при размѣщеніи ихъ. Прусскій военный министръ обратился ко всѣмъ коммерческимъ камерамъ съ просьбою сообщить ему потребныя свѣдѣнія относительно магазиновъ, сараевъ и т. д., куда бы могли быть временно помѣщены всѣ отобранные предметы, или-же предлагаетъ распредѣлить ихъ во всѣхъ частяхъ Имперіи, за исключеніемъ провинціи восточной и западной Пруссіи и Познани, а именно въ тѣхъ округахъ, имѣющихъ главными городами Бреславль, Оппель, Дюссельдорфъ, Кёльнъ, Тревъ и Эксъ-ла-Шапель, въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Эти тяжкія обвиненія съ особою силою подтверждаются оффиціальными отчетами французской и бельгійской Комиссій, учрежденныхъ для обслѣдованія нарушеній германскими войсками постановленій международнаго права. Официальный отчетъ французской Комиссіи изданъ недавно въ переводѣ на русскій языкъ. Этотъ отчетъ богатъ множествомъ данныхъ, изобличающихъ германскія войска въ цѣломъ рядѣ возмутительныхъ преступленій, учиненныхъ ими надъ беззащитными плѣнными и ранеными. Члены слѣдственной Комиссіи производили допросъ сви-

дѣтелей по всѣмъ правиламъ уголовнаго судопроизводства. Свидѣтели допрашивались подъ присягою. Имъ предлагали показывать истину и одну только истину. Ихъ показанія тщательно провѣрялись и доказанными признавались только факты, неоспоримо установленные. Члены слѣдственной Комиссіи удостовѣряютъ, что они не признавали «фактовъ», доказательства коихъ представлялись недостаточными, или такихъ, которые хотя и причиняли вредъ и отличались жестокостью, но могли быть вызваны военными дѣйствіями скорѣе, чѣмъ произвольными поступками непріятельскихъ войскъ. Извѣстно, что германцы утверждаютъ, что въ Бельгіи и во Франціи ихъ насильственныя дѣйствія были вызваны частными лицами, стрѣлявшими въ войска. Возможно, что подобные случаи иногда и происходили, но всего чаще, какъ это усматривается даже изъ нѣмецкихъ показаній, насильственныя дѣйствія происходили безъ всякаго вызова. Но засимъ ничто не можетъ оправдать избіеніе во Франціи и Бельгіи стариковъ, женщинъ и дѣтей.

Французская слѣдственная Комиссія издала доселѣ три отчета, изъ коихъ только послѣдній переведенъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: Германскія звѣрства, Петроградъ. 1915.

Заимствуемъ изъ брошюрки Лависса и Андлера слѣдующія свѣдѣнія:

Въ Жербевиллерѣ 24 Августа, послѣ отступленія небольшого отряда французскихъ стрѣлковъ, германцы вошли въ городъ. Они грабили, поджигали дома и убивали. Болѣе сотни людей исчезло за этотъ день; не менѣе 50 было убито; 15 труповъ, найденныхъ съ руками, связанными за спиной, были похоронены ихъ согражданами въ мѣстности, именуемой Ла-Прель; другія жертвы пали въ домахъ и на улицахъ.

Солдаты входятъ въ домъ, обитаемый семьею Лингенгельда. Они уводятъ сына 36 лѣтъ и разстрѣливаютъ его. Приходятъ затѣмъ за отцомъ 70 лѣтъ, ведутъ его въ Ла-Прель и тамъ разстрѣливаютъ его. Мать, сначала убѣжавшая, останавливается передъ сыномъ, который еще подаетъ признаки жизни; солдаты обливаютъ умирающаго керосиномъ и зажигаютъ его. Другіе нѣмцы стучатся въ помѣщеніе Дегана. Его теща, старушка 78 лѣтъ, открываетъ дверь. Сраженная нѣсколькими выстрѣлами, она падаетъ съ крикомъ: «Они меня убили, отнесите меня въ садъ». Бѣдную страдалицу положили на скамью. Черезъ часъ она скончалась. Солдаты проникаютъ въ садъ, берутъ Дегана и разстрѣливаютъ его. Жену его уводятъ и она вмѣстѣ съ другими аресто-

ванными проводитъ сутки въ томительномъ ожиданіи разстрѣла. На слѣдующій день ее отпускаютъ, она возвращается домой, ея мать покойница лежитъ въ саду. Злодѣи приподняли юбки почившей; на животѣ ея зіяла огнестрѣльная рана.

Избіенія въ Жербевиллерѣ продолжались цѣлый день. Изъ 475 домовъ 450 были сожжены.

Если въ Жербевиллерѣ избіеніямъ предшествовало сраженіе, то ничего подобнаго не произошло въ Тріокурѣ. Солдаты поджигаютъ домъ Ганда и убиваютъ его, когда онъ желалъ спастись. Они разбѣгаются по деревнѣ; стрѣляютъ налѣво, направо, поджигаютъ. Три беззащитныхъ старухи разстрѣляны ими. Мѣстный кюрэ пришелъ отпѣть ихъ и велѣлъ перенести въ ихъ домъ. Ночью солдаты, помѣщенные въ этомъ домѣ, играли на фортепіано.

Въ Люневилѣ 25 Августа мэръ Келлеръ, проходя по улицѣ, видѣлъ, какъ солдаты поджигаютъ чердакъ одного дома. Германцы ему сказали, что противъ нихъ стрѣляли. Онъ предлагаетъ обойти съ ними городъ, чтобы убѣдить ихъ, что они ошиблись. Онъ выходитъ въ сопровожденіи отряда солдатъ подъ начальствомъ офицера. На улицѣ лежитъ трупъ. «Это, говоритъ офицеръ, трупъ убитаго стрѣлявшимъ въ насъ изъ дома близъ Синагоги; и мы, по нашему закону, сожгли домъ

и убили жившихъ въ немъ». И дѣйствительно раввинъ Вейль и его 16-лѣтняя дочь были разстрѣляны. Во время обхода мэромъ города, пожаръ вспыхиваетъ въ различныхъ частяхъ его. Онъ истребляетъ ратушу, синагогу и много домовъ. Двое рабочихъ убиты въ мастерской. Солдаты входятъ въ домъ Штейнера и вызываютъ его изъ подвала, куда онъ спрятался. Жена Штейнера старается удержать своего мужа, она обнимаетъ его. Она падаетъ отъ выстрѣла, направленнаго въ шею. Штейнера ведутъ въ садъ и убиваютъ; домъ сожженъ. 90-лѣтняя старушка Канъ найдена обугленной въ сосѣднемъ домѣ. Солдаты проникаютъ, разбивая стекла, въ помѣщеніе г-жи Дюжонъ, гдѣ находятъ ее и ея 3-лѣтнюю дочь и двухъ сыновей. Дѣвочка ранена въ лицо; мать, видя младшаго 14-лѣтняго сына лежащимъ на полу, кричитъ ему, чтобы онъ скорѣе бѣжалъ; несчастный лежалъ безъ движенія; пуля разворотила ему животъ, онъ руками придерживалъ вывалившіяся внутренности. Впослѣдствіи его обуглившееся тѣло было найдено въ развалинахъ.

Въ предмѣстьѣ Люневиля Вингерсманъ и его внукъ копали картофель. Ихъ поставили къ стѣнѣ и разстрѣляли.

На слѣдующій день германцы продолжали убивать.

По прошествіи нѣсколькихъ дней 5 Сентября командующій войсками фонъ-Фосбендеръ отдаетъ приказъ: Обвиняя жителей въ враждебныхъ дѣйствіяхъ, каковыхъ въ дѣйствительности не было, онъ налагаетъ на городъ контрибуцію въ 650.000 франковъ. Деньги должны быть уплачены 6 Сентября. Никакая отсрочка не будетъ разрѣшена. При неуплатѣ контрибуціи, все имущество жителей будетъ отобрано, а сами они разстрѣляны. Всякій, сознательно скрывшій деньги, или мѣшающій военной власти произвести захватъ имущества, или желающій убѣжать изъ города, будетъ разстрѣлянъ. Мэръ и заложники имѣютъ отвѣчать за точное исполненіе этого приказа.

Германскія войска опозорили себя избіеніемъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Такъ, близъ Эмбремениля нѣмецкій патруль спросилъ одну изъ мѣстныхъ жительницъ Массонъ, есть-ли французскіе солдаты въ Эмберменилѣ. Она отвѣтила незнаніемъ. Нѣмцы входятъ въ деревню; ихъ встрѣчаютъ выстрѣлами французскія войска. Черезъ нѣсколько дней деревню занимаютъ баварцы. Офицеръ, командующій отрядомъ, отдаетъ приказаніе всѣмъ жителямъ собраться близъ церкви и обращается затѣмъ съ вопросомъ: «Кто на-дняхъ сообщилъ невѣрныя свѣдѣнія и кто предалъ?». Г-жа Массонъ выступаетъ и говоритъ, что

она не солгала, такъ какъ не знала о приходѣ французскихъ войскъ. Офицеръ сажаетъ ее на скамью и рядомъ съ нею помѣщаютъ одного молодого человѣка, случайно взятаго изъ толпы. Противъ нихъ становятся 8 человѣкъ въ два ряда. Испуганная толпа проситъ пощады. Ей отвѣчаютъ: «Одинъ мужчина и одна женщина должны быть разстрѣляны, таковъ приказъ полковника. Что тутъ дѣлать, такова война». Три залпа и два трупа. Г-жа Массонъ была беременна.

Французскія войска бомбардировали 26 Августа Гермениль, занятый нѣмцами. Жителямъ приказано собраться близъ церкви. Г-жа Вингеръ направляется туда въ сопровожденіи трехъ прислугъ, одной женщины и двухъ мальчиковъ. Капитанъ находитъ, что она идетъ недостаточно скоро; онъ отдаетъ приказаніе; четыре тѣла падаютъ и остаются на улицѣ въ теченіе двухъ дней. Нѣмецкій отрядъ входитъ въ Монши 31 Августа. Жители глядятъ на проходящихъ солдатъ. Офицеру послышалось слово «Пруссакъ»; онъ вызываетъ изъ рядовъ трехъ драгунъ и велитъ имъ стрѣлять въ толпу. Ранеными оказались: четырехлѣтняя дѣвочка, а у крестьянина Гранвале пуля пронизала правое плечо; молодой Гастонъ Дюпюи убитъ. Въ Санси-ле-Провинъ германцы усмотрѣли, что нѣкто Руссо достигъ военнаго воз-

раста, они его раздѣваютъ, находятъ, что онъ пригоденъ для службы, и убиваютъ. Въ Крезанси, 3 Сентября, солдаты выгоняютъ изъ дому Лесена 18 лѣтъ и ставятъ его передъ офицеромъ, который убиваетъ его изъ револьвера. Другой офицеръ осуждаетъ этотъ поступокъ, но оправдываетъ его, говоря: что «хотя Лесенъ и не солдатъ, но изъ него могъ бы выйти таковой». Двое молодыхъ людей Шарле и Габе направлялись въ Сенъ-Кентенъ для отбыванія воинской повинности. Они встрѣчаютъ двухъ бельгійцевъ, въ экипажѣ, и по приглашенію ихъ ѣдутъ съ ними вмѣстѣ. Навстрѣчу имъ попадается нѣмецкій отрядъ. Офицеръ спрашиваетъ ихъ и говоритъ «Бельгійцы грязный народъ». Беретъ револьверъ и стрѣляетъ въ четырехъ плѣнныхъ. Два бельгійца и Габе убиты наповалъ. Шарле умираетъ на слѣдующій день.

Ферма Ремонвиль была подожжена. Четыре работника пропали безъ вѣсти. Тѣла двухъ изъ нихъ были найдены обезглавленными; голова одного изъ нихъ раздавлена. Въ Регавилерѣ солдаты задержали кюрэ Барбо и крестьянина Нуаркле; ихъ тѣла были найдены въ полѣ. Голова Нуаркле была положена рядомъ съ бедромъ. Въ Сомелѣ г-жа X. во время пожара спаслась въ погребѣ съ 4-мя дѣтьми. Солдаты спустились въ погребъ и всѣхъ перебили. Ихъ нашли въ лужѣ

крови. У г-жи Х. была отрѣзана грудь и правая рука; у 11-лѣтней дѣвочки отрѣзана нога; у 5-лѣтняго мальчика перерѣзано горло.

Германцы проявили особую любовь къ грабежу и пожарамъ. Грабежи всюду и вездѣ, и въ одиночку и отрядами по командѣ.

Въ Баронѣ одинъ офицеръ заставилъ взломать денежный ящикъ у нотаріуса Робера и похитилъ изъ него 8300 франковъ. У одного офицера видѣли 9 колецъ на одномъ пальцѣ и 6 браслетовъ на рукѣ. Офицеры платятъ по 4 марки солдатамъ за драгоцѣнные предметы. Въ Конгизѣ солдаты задержали старика и отняли у него портмоне. Но портмоне оказалось пустымъ. Старикъ былъ убитъ.

Люневиль и Бакара подверглись грабежу. Въ Люневилѣ два денежныхъ ящика уцѣлѣли въ развалинахъ. Унтеръ-офицеръ Вейсъ узналъ объ этомъ; онъ отлично зналъ городъ, часто бывая въ немъ, какъ купецъ, торгующій хмѣлемъ. Начальство весьма цѣнило знакомство съ городомъ и поручило ему производство реквизицій. Вейсъ распорядился взорвать стѣну зданія, досталъ денежные ящики и отправилъ ихъ на желѣзнодорожную станцію. Въ Бакара населенію было предписано собраться на желѣзнодорожную станцію; солдаты бѣгутъ по домамъ, вытаскиваютъ мебель, часы, цѣнныя вещи! Жителямъ разрѣ-

шено вернуться въ ихъ опустошенныя жилища; но вскорѣ имъ снова приказано оставить ихъ. Дома должны быть сожжены. Вскорѣ 112 домовъ пылаютъ, но второпяхъ забыли о подвалахъ. Къ немалому удивленію генерала Фабриціуса, начальника артиллеріи Баденскаго корпуса, въ подвалахъ было найдено свыше 100.000 бутылокъ вина.

Жестоко пострадали замки отъ грабителей солдатъ. Въ Компьенѣ историческій дворецъ почти не пострадалъ, но зато замокъ графа Орсетти былъ на славу разгромленъ. Похищенныя вещи были тщательно переписаны, уложены и доставлены на станцію упакованными въ простыняхъ со знакомъ Краснаго Креста. Въ Бомонѣ у графа Рошефуко Дудовиля были взломаны столы, бюро, денежные ящики, и шкатулки для драгоцѣнныхъ камней опустошены. Имена непрошенныхъ гостей графа были отмѣчены мѣломъ на стѣнѣ. Между ними значились: Маіоръ фонъ-Ледебургъ и графъ Вальдерзе. Въ замокъ Боземонъ, въ Сентябрѣ, пріѣхали въ автомобилѣ жены офицеровъ; эти воровки увезли съ собою много шляпъ, платьевъ и серебра.

На способы производства поджога было обращено особое вниманіе [1]). Въ составъ обмундиро-

---

[1]) E. Lavisse et Ch. Andler—Pratique, стр. 12.

ванія солдатъ входили всевозможныя приспособленія для поджога зданій: ручные насосы для поливанія керосиномъ, гранаты, мѣшечки съ сжатымъ порохомъ, осмоленныя палки, палочки изъ воспламеняющагося вещества. Съ какою то нечеловѣческою радостью принимались германскіе воины за любезные ихъ сердцу поджоги. Въ Клермонѣ неожиданно вспыхиваетъ пожаръ. Одинъ изъ жителей бѣжитъ къ пожарному сараю и проситъ офицера дать солдатъ, чтобы привести въ дѣйствіе муниципальную пожарную трубу; офицеръ отказываетъ и показываетъ на свой револьверъ; у другихъ офицеровъ тотъ же отвѣтъ; пожаръ разгорается. Церковь стоитъ на пригоркѣ, она можетъ уцѣлѣть. Солдаты бѣгутъ къ ней; протанцовавъ подъ звуки органа вальсъ, бросаютъ ручныя гранаты; церковь объята пламенемъ.

Безотрадную картину страшнаго разрушенія рисуетъ офиціальный французскій отчетъ. Города, когда то полные жизни, обращены въ пустыню, покрытую развалинами. При посѣщеніи мѣстъ, опустошенныхъ огнемъ, кажется, что двигаешься между развалинами какого либо древняго города, разрушеннаго грознымъ явленіемъ природы.

Излюбленный германцами способъ пользоваться для разныхъ преступныхъ цѣлей залож-

никами причинялъ неисчислимыя страданія беззащитному населенію. Какъ на образецъ этого германскаго способа веденія войны можно указать на то, что происходило въ деревнѣ Комбръ. 22 Сентября, въ 6 час. утра, населеніе этой деревни было выставлено на склонѣ холма, обстрѣливаемаго французской артиллеріею и пѣхотою. Несчастные люди замахали платками и шляпами. Огонь французовъ затихъ. Въ 7 час. вечера заложниковъ возвращаютъ домой; имъ даютъ одинъ часъ для того, чтобы забрать вещи, для нихъ необходимыя; дома, во время ихъ отсутствія, были разграблены. Подъ страхомъ смерти они должны снова собраться. Ихъ запираютъ въ церковь. Въ 4 часа утра снова выгоняютъ на мѣсто, на которомъ стояли наканунѣ, и держатъ тамъ цѣлый день; къ счастью, въ этой толпѣ оказалась только одна раненая женщина. Вечеромъ ихъ снова запираютъ въ церковь и держатъ тамъ 5 дней. На 6-й день мужчинъ сажаютъ въ вагоны для перевозки скота и отправляютъ въ Германію. Женщинъ же и дѣтей заключаютъ въ церковь на одинъ мѣсяцъ. Между ними свирѣпствовали дизентерія и крупъ.

Нерѣдко германцы пользуются заложниками, прячась за ними, какъ за щитами. Близъ Мэри между германцами и англичанами завязался

бой. Германцы входятъ на сахарный заводъ, берутъ директора, его семью, нѣсколькихъ работниковъ и работницъ, всего 25 человѣкъ. Въ продолженіе 3 час. германцы заставляютъ ихъ идти передъ собою. Мастеръ Куртуа раненъ въ лѣвую руку пулей на вылетъ; г-жа Янсонъ убита.

Во многихъ мѣстахъ германцы позволяли себѣ прибѣгать къ одному изъ самыхъ чудовищныхъ нарушеній международнаго права — къ высылкѣ изъ страны мирнаго населенія. Въ концѣ Февраля 10.000 гражданскихъ плѣнныхъ были высланы. Члены слѣдственной Комиссіи видѣли ихъ: Это были женщины, дѣти, молодые люди, не достигшіе 17-лѣтняго возраста, и старики, свыше 60 лѣтъ. Остальные, т. е. тѣ, которымъ болѣе 17 и менѣе 60 лѣтъ, тѣ остались въ Германіи. Ужасенъ былъ разсказъ первыхъ о путешествіи ихъ. Утомительные переходы пѣшкомъ, ночи, проведенныя подъ открытымъ небомъ, на станціяхъ, въ церквахъ, цѣлые дни безъ пищи, скученность въ вагонахъ для перевозки скота. Въ Франкенталѣ сторожа открываютъ двери вагоновъ, чтобы показать несчастныхъ школьнымъ дѣтямъ. А какая ужасная сцена въ Любекѣ. Мужчинамъ приказали выйти изъ поѣзда, ихъ послали по одному направленію, а женщинъ по другому. «Всего возмутительнѣе, по мнѣнію до-

кладчика слѣдственной Комиссіи, то, что нѣмецкія военныя власти, случайно забирая людей, безъ всякаго смущенія разлучали членовъ одной семьи. Малыя дѣти попадали не въ тѣ поѣзда, въ которыхъ находились ихъ матери, женамъ-же неизвѣстно было, куда дѣвались ихъ мужья. Внѣшній видъ этихъ страдальцевъ былъ ужасенъ. Доктора подробно изслѣдовали состояніе здоровья этихъ несчастныхъ. И въ лѣтописяхъ исторіи будутъ записаны подробныя свѣдѣнія о безпримѣрномъ въ культурныхъ народахъ истязаніи варварами XX вѣка многихъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ частныхъ людей.

И послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, лица, подписавшія манифестъ 93-хъ, имѣли рѣшимость передъ лицомъ всего міра утверждать: «Неправда, что мы ведемъ войну, пренебрегая постановленіями международнаго права. Наши солдаты неповинны въ нарушеніи дисциплины и жестокости». Говорить, что германцы не пренебрегаютъ постановленіемъ международнаго права, могутъ только сверхлюди, разбившіе «старыя доски», разграничивающія понятія о злѣ и добрѣ. Особенно это становится понятнымъ, если мы, хотя очень осторожно, подойдемъ къ свѣдѣніямъ офиціаль-

ныхъ отчетовъ о покушеніяхъ на женскую честь [1]. Здѣсь раскрывается самое дикое звѣрство: «жертвы отъ 8 лѣтъ и жертвы 80 лѣтъ; цѣлая озвѣрѣлая шайка противъ одной несчастной; родители обязаны присутствовать; монахини оскверненны; преступленіе, совершенное въ комнатѣ человѣка, убитаго потому, что хотѣлъ воспрепятствовать; отецъ, желавшій защитить свою дочь, выброшенъ на улицу, убитъ; его внучка, стоявшая у окна, убита; преступленіе совершено; пятнадцать солдатъ».

ГЛАВА III.

И мыслимо-ли послѣ всего этого обѣлять, вмѣстѣ съ составителями манифеста, гнусныя злодѣянія германскихъ полчищъ.

Съ чувствомъ глубокаго возмущенія приходится говорить и о 4-мъ тезисѣ манифеста, отрицающемъ жестокую расправу нѣмецкихъ войскъ съ Лувеномъ [2]. Оправдываясь нападеніемъ на-

---

[1]) E. Savisse et Ch. Andler. Pratique, стр. 17.

[2]) Marius-Vachon—Les Villes martyres de France et de Belgique. Paris, 1915. Les Allemands destructeurs de cathédrales et de trésors du passé. Paris 1915—Hachette 8 C-ie.

селенія на войска, въ дѣйствительности не бывшемъ, они говорятъ, что «должны были, очень того не желая, прибѣгнуть къ возмездіямъ и обстрѣлу части города». И далѣе, съ лицемѣріемъ, недостойнымъ уважающихъ себя людей науки, утверждаютъ: «что если во время этой ужасной войны были уничтожены сокровища искусства, то это всякій германецъ будетъ искренно оплакивать». Едва ли кого либо утѣшатъ эти крокодильи слезы, особенно, если разгромъ одного изъ самыхъ удивительныхъ по своеобразной красотѣ городовъ будетъ освѣщенъ правдивымъ разсказомъ, основаннымъ на документальномъ изслѣдованіи, произведенномъ членами бельгійской слѣдственной Комиссіи. Въ Лувенѣ, какъ и вездѣ, грабежъ и пожаръ, долженствующій уничтожить слѣды дикаго насилія, были строго предумышленны, научно организованы и съ прусской дисциплиной исполнены.

«Во вторникъ, 25 Августа, утромъ, нѣмецкіе офицеры предварили г-жу R., что «она поступитъ благоразумно, если уѣдетъ, такъ какъ Лувенъ долженъ быть сожженъ». Одинъ солдатъ посовѣтовалъ свидѣтелю Р. ф. К. уѣхать, такъ какъ городъ будетъ сожженъ и уничтоженъ».

«Въ четвергъ 28 Августа въ 8 час., т. е. наканунѣ того дня, когда должны были произойти

нападенія гражданскаго населенія на нѣмецкія войска, согласно съ версіею нѣмецкихъ властей, всѣмъ жителямъ было приказано оставить Лувенъ, такъ какъ городъ долженъ быть подвергнутъ бомбардировкѣ».

«Изгнаніе жителей, вѣроятно, должно было облегчить грабежъ. Солдаты настолько торопились, что нѣкоторые свидѣтели показываютъ, что разграбленіе ихъ домовъ началось еще прежде, чѣмъ они успѣли ихъ оставить».

«Грабежъ, начавшійся 27 Августа, продолжался 8 дней.

Шайками отъ 6 до 8 человѣкъ, солдаты взламывали двери, разбивали окна, проникали въ подвалы, напивались, разбивали мебель, вскрывали денежные ящики, воровали деньги, картины, предметы искусства, платье, бѣлье, вино, провизію. Памятныя книжки, найденныя у нѣмецкихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Аэршотѣ, содержатъ неопровержимыя признанія».

Пожаръ города начался 28 Августа въ мѣстахъ, которыя уже предварительно подверглись ограбленію. По приказанію начальства германскіе солдаты взламывали двери домовъ и поджигали дома. Они стрѣляли въ жителей, пытавшихся выходить изъ своихъ домовъ. Многіе спрятавшіеся въ погребахъ заживо сгорѣли. Въ дру-

гихъ случаяхъ дома обливались керосиномъ и нефтью изъ насосовъ; а иногда, для того, чтобы ускорить дѣйствіе огня, германскіе солдаты пользовались лепешками, составленными изъ сильно воспламеняющихся веществъ; образцы этихъ лепешекъ имѣются при дѣлѣ (Бельгійская офиціальная Комиссія). Для устраненія всякихъ попытокъ прекратить или ограничить пожаръ, начиная съ вечера 25 Августа, германскія военныя власти приказали уничтожить всѣ средства для тушенія пожара. Во всѣ дни, когда происходили пожары, солдатамъ было приказано:—стрѣлять во всѣхъ лицъ, которыя покажутся на крышахъ домовъ, для того, чтобы тушить огонь. Между городскими зданіями были подожжены: соборъ Св. Петра, рынокъ, всѣ научныя учрежденія Университета, находящіяся внѣ стараго зданія, Дворецъ Правосудія, школа искусствъ и мануфактуръ, земледѣльческая школа и коммунальный театръ. Лувенскій Университетъ, основанный въ 1425 году, пользовался широкой извѣстностью и привлекалъ многочисленныхъ слушателей разныхъ національностей, число ихъ доходило до 6000. Съ 1679 г. Университетъ находился въ сторонѣ зданій рынка въ одномъ изъ наиболѣе красивыхъ зданій готической архитектуры начала XIV вѣка. Старинныя залы верхняго этажа пред-

ставляли собою единственный въ своемъ родѣ музей, богатый воспоминаніями славнаго прошлаго; эта часть зданія была чуднымъ произведеніемъ искусства XVIII вѣка. Особое вниманіе обращала на себя галлерея съ портретами прежнихъ профессоровъ и рѣдкой красоты рѣзныя по дереву украшенія, составляющія рядъ портиковъ съ колоннами, украшенными статуями въ натуральную величину писателей и философовъ древности. Въ библіотекѣ насчитывалось 150.000 томовъ и между ними 350 рѣдчайшихъ изданій и множество весьма древнихъ рукописей; между ними особенно дорожили извѣстнымъ трактатомъ объ анатоміи Везеля, даромъ Карла V-го, и Буллою—объ учрежденіи университета. Соборъ Св. Петра—дивное сооруженіе XV вѣка, такъ красиво сочетавшее величавость постройки съ воздушной тканью тонкаго каменнаго кружева чистаго готическаго стиля. Всѣ эти сокровища искусства обратили на себя разрушительный гнѣвъ тевтонской злобы. Камни этихъ чудныхъ зданій какъ бы говорили всему просвѣщенному міру, что они въ теченіе многихъ вѣковъ служили великому дѣлу просвѣщенія; эти святыни вѣры и науки нужно было разрушить, и испепелить единственную въ мірѣ библіотеку и для чего? Для того, чтобы наказать нѣсколькихъ

жителей города, будто-бы стрѣлявшихъ въ германскія войска.

1400 домовъ были въ конецъ разрушены и, при томъ, въ самыхъ старыхъ и богатыхъ частяхъ города. Предмѣстья города жестоко пострадали отъ германцевъ, за исключеніемъ предмѣстья Геверле, пощаженнаго, какъ предполагаютъ, потому, что германскому подданному Герцогу Аренбергу принадлежитъ тамъ цѣнное имущество.

Германское правительство въ половинѣ Сентября велѣло составить офиціальный отчетъ о состояніи монументальныхъ построекъ Лувена. Этотъ отчетъ былъ написанъ генеральнымъ инспекторомъ фонъ-Фальке, состоящимъ коммисаромъ по грабежамъ, поджогамъ и бомбардировкамъ, сопровождающимъ Главный Штабъ арміи въ качествѣ руководителя и совѣтника. «Всеобщая Сѣверо-Германская газета» сообщаетъ слѣдующее извлеченіе изъ этого документа: «Старинный суконный рынокъ, вмѣщавшій въ себѣ библіотеку и Университетъ, совершенно сожженъ, за исключеніемъ двухъ фасадовъ, которые не были уничтожены. Библіотека со своимъ сокровищемъ весьма цѣнныхъ манускриптовъ также, къ несчастью, погибла. За исключеніемъ этой весьма тяжкой утраты въ Лувенѣ не приходится оплакивать уничтоженія художественныхъ памятниковъ осо-

баго значенія. Ратуша уцѣлѣла, благодаря распоряженію маіора фонъ-Мантейфеля; и для того, чтобы по возможности ограничить распространеніе огня, было признано необходимымъ разрушить сосѣдніе дома, объятые пламенемъ. Что же касается до собора Св. Петра, кровля котораго загорѣлась отъ лежащихъ головней, то онъ значительно пострадалъ, но во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть возстановленъ въ прежнемъ видѣ».

Этотъ докладъ отличается и неточностью и неполнотою. Это не строго научное изложеніе, а адвокатская попытка обѣлить провинившагося кліента. Такъ, изъ выводовъ г-на фонъ-Фальке можно придти къ заключенію, что пожары этихъ зданій были вызваны исключительно бомбардировкой. Въ дѣйствительности-же эти зданіи были подожжены умышленно и систематично германскими солдатами при помощи различныхъ горючихъ веществъ, а отнюдь не снарядами. Точно также и соборъ Св. Петра не загорѣлся отъ головней, вслѣдствіе пожара сосѣднихъ зданій; онъ былъ непосредственно подожженъ. Нынѣ неоспоримо установлено, что когда онъ былъ объятъ пламенемъ, сосѣдніе дома еще не горѣли. Рынокъ,—главное Университетское зданіе окончательно разрушенъ.

Ученый Университетскій библіотекарь Павелъ Делануа, въ письмѣ, напечатанномъ въ Парижѣ, въ газетѣ «Temps», сообщаетъ, что отъ Университетскихъ зданій и огромной библіотеки осталось только нѣсколько обломковъ колоннъ и высокія груды кирпичей, камня, сгорѣвшихъ балокъ, а около нихъ высокіе остатки стѣнъ, грозящихъ паденіемъ».

Разрушеніе Лувенскаго Университета было такъ послѣдовательно и тщательно подготовлено, что и различныя его части, находящіяся въ разныхъ концахъ города, подверглись той-же участи, какъ и центральное зданіе, помѣщенное въ Рынкѣ.

Въ противность увѣреніямъ фонъ-Фальке, соборъ Св. Петра стоитъ въ развалинахъ. Крыша и своды завалились и при ихъ паденіи были разбиты или же сильно повреждены колонны, алтари и различныя части зданія, а именно амвонъ въ готическомъ стилѣ, сооруженный въ 1490 г., и каѳедра, относящаяся къ XVI вѣку, два чудныхъ произведенія скульптуры изъ камня и дерева. Германцы пощадили Ратушу, потому что они воспользовались этимъ зданіемъ съ первыхъ дней вступленія въ городъ, для помѣщенія въ немъ Штаба и, кромѣ того, они хотѣли устранить обвиненіе ихъ въ намѣреніи устроить всеобщее

разрушеніе Лувена и придать этому обстоятельству значеніе случайнаго несчастія, вызваннаго бомбардировкой. Капитанъ, посѣтившій Лувенъ, сообщилъ одному Лейпцигскому журналу свои соображенія по поводу Собора Св. Петра. «Этотъ храмъ, имѣющій нѣсколько разрушенный видъ, рѣшительно нуждается въ ремонтѣ, одна лишь крыша сгорѣла и часть свода надъ хорами завалилась. Ничего такого не пострадало, чего не слѣдовало бы современемъ возобновить. Этотъ городъ съ его грязными улицами и смрадными кофейнями, окружавшими Муниципальный Дворецъ и Соборъ, какъ онъ чудно воскреснетъ изъ пепла по указанію и искусству германскому». Какое невѣжественное отношеніе къ чуднымъ памятникамъ готическаго зодчества XVI и XV вѣковъ и какая дерзкая угроза возстановить ихъ въ грубомъ германскомъ стилѣ нашихъ дней. По отношенію къ Лувену, такъ равно и къ другимъ бельгійскимъ городамъ, германскія военныя власти старались объяснить избіеніе, грабежи, бомбардировку и пожары тѣмъ, что гражданское населеніе стрѣляло въ войска и убивало офицеровъ и солдатъ. Генералъ фонъ Бёмъ, комендантъ Антверпена, весьма цинично объяснялъ Американскому журналисту Повелю въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ пожара въ Лувенѣ: «Потому

что тамъ тоже граждане стрѣляли въ нашихъ солдатъ. Мы находили митральезы у жителей. Каждый разъ, когда будутъ стрѣлять въ наши войска, мы дадимъ виновнымъ урокъ, который они никогда не забудутъ. Если жены и дѣти пострадаютъ, тѣмъ хуже для нихъ». Доклады офиціальной Бельгійской Комиссіи содержатъ самыя рѣшительныя опроверженія этихъ ложныхъ обвиненій.

«Прежде вступленія германскихъ войскъ, бургомистръ Коленсъ, велѣлъ расклеить на стѣнахъ Лувена объявленія, для того чтобы расположить населеніе къ спокойствію. Населеніе было терроризовано, многіе жители оставили городъ. Имѣвшіе мужество остаться рѣшились послѣдовать совѣтамъ Городского Головы и встрѣтить непріятельскую армію спокойно и съ достоинствомъ».

Германскія войска со стороны Антверпена были 28 Августа оттѣснены Бельгійской арміею до Лувена. Можно признать совершенно установленнымъ, что обмѣнъ выстрѣловъ произошелъ въ различныхъ частяхъ города между германскими войсками, отступавшими въ безпорядкѣ отъ Малина, небольшимъ германскимъ гарнизономъ, оставшимся въ Лувенѣ, и германскими войсками, пришедшими послѣ полудня изъ Ліежа.

Одинъ монахъ разсказываетъ, что онъ присутствовалъ при стычкѣ, происшедшей между германскими войсками, и насчиталъ, когда окончился огонь, около 60 труповъ германскихъ солдатъ. На улицѣ не было видно ни одного убитаго мирнаго жителя. Въ это время началась пальба изъ ружей въ разныхъ частяхъ города. Германскіе солдаты стрѣляли во всѣхъ направленіяхъ среди совершенно пустыхъ улицъ. Въ этой общей паникѣ офицеры совершенно потеряли всякій контроль надъ солдатами. Лувенъ былъ ограбленъ, разрушенъ и сожженъ;—часть его населенія была уничтожена или отправлена въ ссылку, предварительно испытавъ самыя ужасныя нравственныя и физическія страданія. Населеніе это претерпѣло тяжкія мученія отъ утонченной жестокости солдатъ, возбужденныхъ пьянствомъ и отуманенныхъ озлобленіемъ противъ населенія, давшаго врагу такой героическій отпоръ. Число мертвыхъ не было установлено. Военныя власти постарались немедленно похоронить трупы, съ тѣмъ чтобы устранить доказательства, проливающія свѣтъ на убійства, совершенныя во всѣхъ частяхъ города.

Германское нашествіе, какъ смерчъ, пронеслось надъ цвѣтущею Бельгіею. Къ сѣверу отъ Лувена находится небольшой городокъ Аэршотъ.

Утопая въ садахъ и зелени, онъ красиво раскинулся на берегахъ рѣки Демера. Въ этомъ древнемъ городѣ, съ 3000 жителей, посреди площади стояла красивая готическая церковь. Каменный амвонъ XV вѣка, чудной работы, украшалъ храмъ. Старые дома, уцѣлѣвшіе отъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія, придавали городку весьма живописный видъ. И все это обращено въ пепелъ и развалины. Съ 19 Августа по 6 Сентября городъ былъ преданъ грабежу, убійствамъ и поджогамъ; болѣе 200 жителей было разстрѣляно, болѣе 300 отправлено плѣнниками въ Германію, остальные съ трудомъ спаслись во Франціи и Голландіи.

Трогательный разсказъ агоніи и смерти Аэршота содержится въ докладахъ офиціальной Бельгійской Комиссіи [1]).

«Германцы вошли въ Аэршотъ послѣ того, какъ въ городѣ не оставалось ни одного бельгійскаго солдата. Съ первыхъ шаговъ они себя проявили. Начался обстрѣлъ домовъ; нѣсколько домовъ было подожжено и, въ видѣ пролога къ подготовленной кровавой драмѣ, германцы заставили нѣсколькихъ жителей улицы Марто выйти изъ домовъ; ихъ немедленно разстрѣляли. За-

[1]) Marius Vachon—Les villes martyres—стр. 124.

тѣмъ всѣ мужчины, жившіе въ городѣ, были арестованы; 50, взятые наугадъ, выведены за городъ; ихъ раздѣлили по 4 въ рядъ, заставили бѣжать по дорогѣ и начали стрѣлять въ нихъ. 10 человѣкъ спаслись, 4 упали ранеными и были прикончены холоднымъ оружіемъ. Другихъ горожанъ поставили рядами вдоль откоса; солдаты прицѣлились въ нихъ и методично убивали одного изъ троихъ».

Изъ докладовъ Комиссіи усматривается, что въ окрестностяхъ Лувена многія селенія пострадали не менѣе Аэршота. Цѣлыя деревни были уничтожены и значительная часть жителей истреблена. Германскія войска разорили всю эту область и обратили ее въ пустыню.

Особенно пострадалъ небольшой живописный городокъ Ліэръ, онъ насчитывалъ 2600 жителей. 695 домовъ въ конецъ разрушены, 712 сильно пострадали отъ пожара и бомбардировки, грозя паденіемъ. Прекрасная готическая церковь XV вѣка значительно пострадала; нѣкоторыя цвѣтныя стекла, замѣчательной красоты, пожертвованныя Императоромъ Максимиліаномъ, разбиты въ дребезги. Подборъ колоколовъ, далеко извѣстный красивымъ звономъ, уничтоженъ снарядами. «Домъ пивоваровъ», красивѣйшее зданіе эпохи возрожденія, крайне поврежденъ. Часть площади покрыта развалинами.

Весь путь отъ Лувена до Малина еще недавно проходилъ по богатой цвѣтущей странѣ, въ конецъ германцами разоренной. Не пощадили они древняго Малина, прекраснаго города, въ которомъ каждая площадь, каждая улица украшены историческими зданіями, оживляющими воспоминанія о счастіи былыхъ дней. Малинъ подвергся четыремъ бомбардировкамъ и нѣсколькимъ отчаяннымъ атакамъ германскихъ войскъ. А между тѣмъ Малинъ былъ городомъ совершенно открытымъ; бельгійскія войска его не защищали именно изъ опасенія лишить его старинныхъ зданій, его лучшей красоты и славы, и какъ бы его живой исторіи. Генералъ Фойгтъ приказалъ бомбардировать его подъ тѣмъ предлогомъ, «что граждане напали на патруль и изъ 13-ти солдатъ, его составлявшихъ, убили 12». Но генералъ зналъ прекрасно и всѣмъ было извѣстно, что этотъ патруль былъ атакованъ близъ городскихъ воротъ отрядомъ бельгійскихъ карабинеровъ. Малинъ жестоко пострадалъ. Гранаты разрушили старинную Ратушу, постройку, относящуюся къ XIV вѣку, значительно украшенную въ XVI столѣтіи. Жители Малина гордились своей Ратушей, какъ живымъ свидѣтелемъ давняго прошлаго. Дворецъ Правосудія, прекрасный памятникъ эпохи возрожденія, значительно пострадалъ. Знаме-

нитый соборъ, зданіе величественное и строгое по своимъ очертаніямъ, весьма поврежденъ бомбардировкой. Снаряды въ пяти мѣстахъ пробили высокую колокольню, царящую надъ всею мѣстностью; они пробили во многихъ мѣстахъ средніе и боковые своды. Дивный карильонъ, разносившій, въ дни праздниковъ, любимый жителями торжественный трезвонъ, въ конецъ разрушенъ. Судьба каѳедры, рѣдкаго произведенія скульптуры XVII вѣка, неизвѣстна. Церковь Богоматери также значительно пострадала; нѣсколько гранатъ проникли въ храмъ и причинили много вреда; въ одномъ изъ придѣловъ все разрушено.

Не пощадили германцы и восточной Фландріи. Жестокая участь выпала на долю Термонда [1]. Въ послѣдовательности организаціи его разрушенія германцы проявили даже еще болѣе системы и предусмотрительности, чѣмъ въ другихъ городахъ. Термондъ нынѣ представляетъ собою огромныя груды развалинъ. Мѣстами торчатъ, точно скелеты, обугленныя стѣны домовъ и зданій. Площади, улицы, перекрестки загромождены камнями, разрушенными стѣнами и чудовищными кучами мусора. Фотографическіе снимки несчастнаго города краснорѣчиво даютъ поня-

[1]) Marius Vachon—Les villes martyres, стр. 120.

тіе о страшной бурѣ разрушенія, безпощадно пронесшейся надъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ, живописныхъ городовъ въ Фландріи. Термондъ—городъ древній; онъ существовалъ въ Римскія времена. Термондъ—городъ историческій, по значенію его въ исторіи Фландріи; Термондъ—городъ, извѣстный своимъ соборомъ Богоматери, Ратушей, знаменитой башней и своею площадью, Термондъ—городъ легендарный, воспѣтый рыцарями. Онъ связанъ съ именемъ Баярда, и старая народная пѣсня о немъ вѣщаетъ. По свидѣтельству одного писателя съ высоты муниципальной башни съ стараго beffroi открывался волшебный видъ. Красивый городъ пестрѣлъ своими изящными постройками; улицы и площади рѣзко выдѣлялись на красномъ фонѣ черепичныхъ крышъ. Среди всѣхъ этихъ причудливыхъ старыхъ построекъ тихо извивалась рѣка Дендеръ, какъ бы неохотно разставаясь со старымъ городомъ. А въ розоватомъ туманѣ дали виднѣлись башни Малина, Гента, Антверпена и даже Брюсселя. Соборъ Богоматери, одинъ древній храмъ, музей, госпитали, сиротскіе дома и школы, все до тла уничтожено, не уцѣлѣлъ даже ни одинъ изъ частныхъ домовъ. Термонда больше нѣтъ.

Агентство Гаваса сообщило всѣмъ газетамъ о разрушеніи Термонда слѣдующей депешей: «Въ

четвергъ, 4 Сентября пополудни, германскій генералъ, вступившій наканунѣ вечеромъ съ значительными силами въ Термондъ, предписалъ жителямъ черезъ два часа оставить городъ. Поджигатели, даже до истеченія этого срока, приступили къ своей работѣ. Они поѣхали по главнымъ улицамъ въ автомобиляхъ съ резервуарами, наполненными легко воспламеняющеюся жидкостью; изъ насоса они обдавали ею дома и поджигали деревянныя части зданій. Въ окна первыхъ этажей они бросали ручныя гранаты, а такимъ образомъ распространяли огонь одновременно повсемѣстно. Въ то-же время солдаты обходили улицы, имѣя въ рукахъ небольшіе сосуды изъ бѣлой жести, прикрѣпленные къ груди ремнями; въ этихъ сосудахъ былъ особый составъ изъ бензина; они этой жидкостью обдавали зданія и поджигали все. Наконецъ ходили по улицамъ солдаты съ особенными зажигательными палками, весьма быстро распространявшими пожаръ между деревянными постройками. Менѣе чѣмъ черезъ 2 часа весь городъ былъ объятъ пламенемъ, за исключеніемъ фабрикъ на лѣвомъ берегу рѣки. Поджигали все, что было на пути: школы, пріюты, монастыри, церкви, часовни, богадѣльни, банки, арсеналъ, почту, частные дома и дома рабочихъ. Нѣкоторые солдаты до пожара входили въ дома и подкладывали дина-

митъ подъ несгораемые шкапы. Богадѣльня, дававшая пріютъ безпомощнымъ старикамъ, была сожжена и одинъ старикъ сгорѣлъ въ своей постели; я видѣлъ остатки его обугленныхъ костей; другихъ несчастныхъ вывели въ поле близъ Гентскихъ воротъ, гдѣ германцы бросили ихъ на произволъ судьбы. Городъ былъ подожженъ разомъ съ трехъ сторонъ. Пока дома горѣли, германцы грабили магазины. 80 лицъ были задержаны ими и отправлены въ Мюнстръ въ Вестфаліи; изъ этихъ людей пока еще никто не вернулся».

Нотомбъ въ своей книгѣ «Варвары въ Бельгіи», сообщаетъ свѣдѣнія, дополняющія предществующій разсказъ, и съ полной ясностью изобличаетъ систематическую предумышленность и военную организацію разрушенія, грабежа и жестокостей, предписанныхъ и совершенныхъ подъ наблюденіемъ командовавшаго германскими войсками маіора фонъ-Зомерфельда. Сидя на стулѣ среди Термондской площади, маіоръ отвѣчалъ городскому головѣ, просившему о пощадѣ: «Нѣтъ, уничтожить!» (Nein! Razieren) и послѣ этого онъ далъ знакъ піонерамъ приступить къ ихъ ужасной работѣ. [1]) Въ составѣ германской арміи существуетъ особая часть войска: «піонеры»; имъ по-

---

[1]) Mariks Vachon—Les villes martyres стр. 135.

ручается разрушать и поджигать. Одной женщинѣ, молившей офицера спасти ея домъ, офицеръ отвѣчалъ: «очень жалѣю, но поджогами не завѣдую; это возложено на тѣхъ, которые теперь наступаютъ, до нихъ я долженъ уйти». И дѣйствительно, 9-й полкъ піонеровъ вступилъ въ Термондъ и подъ руководствомъ маіоровъ фонъ Замерфельда и фонъ Фостнера приступилъ къ своей работѣ, продолжавшейся два дня.

Западная Фландрія въ окрестностяхъ Ипра, Диксмюда, Ньюпорта и Рулерса пострадала болѣе, чѣмъ Фландрія восточная. Корреспондентъ англійской газеты «Morning Post» сообщаетъ слѣдующее: «Вдоль долины Изера, на разстояніи 15 километровъ, можно предположить, что человѣкъ дѣйствовалъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ истребить всякій слѣдъ цивилизаціи. Дороги изрыты во всѣхъ направленіяхъ огромными снарядами. Цѣлые кратеры вырыты ими. Ужасное зрѣлище представляютъ кладбища; они были какъ бы вынуждены отдать своихъ мертвецовъ. Кости покойниковъ въ безпорядкѣ разбросаны на землѣ: тамъ лежитъ черепъ, тамъ лежитъ скелетъ, а въ другомъ мѣстѣ отдѣльныя кости.

Ньюпортъ, городъ наиболѣе значительный въ этой мѣстности, разоренъ. Въ немъ нѣтъ ни одного уцѣлѣвшаго дома; нѣтъ ни одной улицы, которая

не была бы покрыта грудой развалинъ. Между церквами главная, прекраснаго готическаго стиля, почти столь же обширная, какъ Вестминстерское аббатство, сохранила еще наружныя стѣны, но внутри она загромождена камнями, кирпичами, стекломъ, досками, человѣческими костями и обгорѣлымъ деревомъ. Подвалы были разрыты германскими снарядами и останки мертвецовъ обнаружены. Холмъ развалинъ среди улицы 6 метровъ вышины, а рядомъ кратеръ, вырытый снарядомъ въ 4 метра глубины».

Съ разрушеніемъ Ньюпорта исчезъ городъ, имѣвшій въ свое время большое значеніе въ Бельгіи. Его старинный Суконный рынокъ съ высокой каменной башней свидѣтельствовалъ о широкомъ развитіи торговли богатаго цвѣтущаго города. Много было въ Ньюпортѣ красивыхъ средневѣковыхъ зданій, часовенъ, домовъ, а сколько съ этими зданіями было соединено воспоминаній о давнемъ прошломъ! Крупповскія орудія навсегда разрушили своеобразную красоту стариннаго города.

Тяжкая участь постигла и другой старинный Фламандскій городъ Диксмюде [1]), Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль городъ этотъ подвергался

---

[1]) Charles le Goffic—Dixmude. Paris. 1915.

бомбардировкѣ; нѣсколько разъ переходилъ отъ германцевъ къ противникамъ. Довольно сказать, что арміи четырехъ государствъ сражались около Диксмюде. Судя по фотографіямъ, Диксмюде обратился въ городъ развалинъ, въ которомъ трудно розыскать, гдѣ были площади, улицы, перекрестки. Общественныя зданія города свидѣтельствовали о славномъ прошломъ. За долгіе годы своего существованія Диксмюде пережилъ много бѣдствій; много разъ его осаждали, сжигали, но онъ всегда возрождался благодаря энергіи и дѣятельности своихъ жителей [1]). Военный корреспондентъ Лондонской газеты «Daily Chronicle», присутствовавшій при бомбардировкѣ города, разсказываетъ: «Мы поѣхали съ членами частнаго лазарета и съ сыномъ Бельгійскаго военнаго министра, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ неслись снаряды, и мы были на волоскѣ отъ смерти. Какъ только можно было двинуться далѣе между развалинами, мы продолжали нашъ путь по направленію къ городу, при чемъ намъ казалось, что мы несемся въ горящую печь. Корпусъ нѣмецкой арміи направилъ огонь всей своей артиллеріи на Диксмюде. Не было ни одного метра

---

[1]) Marius Vachon—Les villes martyres de France et de Belgique, стр. 139.

земли, пощаженнаго снарядами, и ни одинъ домъ не уцѣлѣлъ отъ разрушенія. Тамъ есть раненые, говорятъ намъ, но мы не успѣли проѣхать и 100 метровъ, какъ передъ нами свалилась фабричная труба и преградила намъ путь. Намъ, все таки, удалось доставить раненыхъ на перевязочный пунктъ. Французскій офицеръ сообщилъ намъ, что нѣсколько раненыхъ находятся въ муниципальномъ домѣ; мы направились туда, хотя разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ зданія, было недалекое, но двигаться было опасно. Мы словно попали въ адъ; со всѣхъ сторонъ летѣли снаряды. Можно было думать, что на муниципальный дворецъ направлены всѣ выстрѣлы германцевъ изъ сосѣдней траншеи. Зданіе производило потрясающее впечатлѣніе. Весь верхній этажъ пылалъ. За дворцомъ находилась старинная церковь, на которой грозно отражалось пламя пожара; а сверху, на крышѣ дворца, виднѣлся трупъ моряка, сраженнаго, вѣроятно, пулею, когда онъ спасался отъ огня. Внутренняя часть зданія имѣла ужасный видъ; на полу были свалены въ безпорядкѣ провизія, бициклетки и трупы солдатъ. Мы спустились въ подвалы и могли перенести раненыхъ къ нашимъ повозкамъ».

Военный корреспондентъ газеты «Temps» Жанъ Лефранъ такъ описываетъ гибель Диксмюде: «Это

ужасно. Завалившіяся крыши, снесенныя стѣны обнаруживаютъ слѣды мирной когда-то жизни, царившей здѣсь. Церковь носитъ отпечатокъ какого-то трагическаго монумента. Колокольни нѣтъ; крыши нѣтъ, середина храма разрушена; уцѣлѣли только части арокъ и куски колоннъ; сводъ одной изъ часовенъ отчасти уцѣлѣлъ и словно виситъ надъ бездною. Наши ноги вязнутъ до самыхъ колѣнъ въ обломкахъ, подсвѣчникахъ, обрывкахъ кованаго желѣза; священныя одежды, покрытыя пылью, лежатъ здѣсь-же среди этихъ развалинъ. Барельефъ, изображающій Голгоѳу, почти уцѣлѣлъ, а напротивъ скульптурный медальонъ весьма пострадалъ . . . На площади только у нѣсколькихъ домовъ уцѣлѣли фасады. Одинъ домъ, довольно большой, совершенно новый, какъ будто уцѣлѣлъ, а около него полное разрушеніе. Старинная часовня стоитъ безъ крыши; стѣны ея выдержали и похожи на огромный ящикъ, который наполненъ всякими обломками. Улица, шедшая отъ площади по направленію къ каналу, представляетъ рядъ развалинъ.

9-й докладъ офиціальной бельгійской Комиссіи содержитъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстностяхъ близъ Термонда, особо пострадавшихъ отъ германскаго нашествія: 4 сентября въ 4 часа утра жители Леббеке были разбужены стрѣльбой. Гер-

манская армія атаковала мѣстность, занятую бельгійскими аванпостами, отступившими затѣмъ. Въ 7 часовъ утра войска заняли село, разбивая окна, выламывая двери, выгоняя женъ и дѣтей, а мужчинъ заставляя идти передъ собою. Вскорѣ затѣмъ началась бомбардировка. Церковь обратила на себя особое вниманіе германской артиллеріи; нѣсколько снарядовъ попало въ нее; вредъ былъ причиненъ значительный; около 8-ми домовъ были весьма повреждены. Затѣмъ начались грабежъ и пожаръ; 20 домовъ и фермъ были подожжены; всѣ дома среди села разграблены. Только ходатайство бургомистра передъ генераломъ Гроненомъ спасло село отъ полнаго разрушенія, 12 жителей Леббеке спаслись на одной фермѣ. Ихъ перевязали, отвели за ферму и перебили. Троимъ другимъ размозжили головы холоднымъ оружіемъ въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей. Община Сенъ-Жилль-ле-Термондъ была отчасти уничтожена. Во время битвы германскіе солдаты подъ командою одного офицера шли по дорогѣ Сенъ-Жилль-ле-Термонда подъ прикрытіемъ 15 гражданскихъ лицъ, въ томъ числѣ трехъ дамъ и двухъ молодыхъ дѣвицъ. Въ Сенъ-Жиллѣ одинъ человѣкъ, у котораго животъ былъ нѣмцами простреленъ въ пяти мѣстахъ, былъ повѣшенъ крестомъ у двери одного дома,—его пра-

вая рука была привязана къ звонку, а лѣвая къ ручкѣ двери. 6 жителей Сенъ-Жилля были привязаны локтями другъ къ другу и отведены въ Леббеке. Германцы выкалываютъ имъ глаза и убиваютъ штыковыми ударами.

Первизъ—не что иное, какъ собраніе безобразныхъ развалинъ, надъ которыми скорбно высится колокольня стариннаго храма.

Въ Миделькеркѣ и въ Вестенде нѣтъ болѣе уцѣлѣвшихъ жилищъ. Церковь перваго изъ этихъ прекрасныхъ маленькихъ городковъ въ конецъ разрушена въ первыхъ числахъ Февраля.

На всемъ побережьѣ отъ Остенде до Голландской границы всѣ приморскія поселенія, еще вчера столь цвѣтущія и радостныя, нынѣ представляютъ собою самое жалкое зрѣлище. Остенде на половину разрушено.

Въ концѣ 1914 г. Бельгія и Франція начали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за судьбою Ипра, наиболѣе красиваго изъ Фламандскихъ городовъ. [1])

10 Октября стало извѣстно, что наканунѣ германскій отрядъ, въ составѣ около 10.000 человѣкъ, прошелъ черезъ Ипръ; начальство ограничилось реквизиціею болѣе чѣмъ на 100.000 франковъ. Затѣмъ были ограблены: станція, національный

---

[1]) Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 148.

банкъ, касса, почта и магазинъ золотыхъ дѣлъ мастера. 10, 11 и 12 въ городѣ и окрестностяхъ происходятъ постоянныя стычки между германскимъ арьергардомъ и авангардомъ союзниковъ, которые наконецъ побѣждаютъ. 13, 14 и 15 англичане и французы занимаютъ городъ. 17-го германцы, получивъ подкрѣпленіе, производятъ новое нападеніе на Ипръ. Происходитъ весьма оживленная артиллерійская дуэль. Таубе парятъ надъ городомъ и бросаютъ въ него бомбы. Нѣсколько людей ранено и причинены значительныя поврежденія зданіямъ. Однако Суконный рынокъ и соборъ пока остаются нетронутыми; думаютъ, что германцы не рѣшаются уничтожить эти величественныя историческія зданія. Въ теченіе 10 дней въ окрестностяхъ Ипра происходятъ жаркіе бои. Нѣмцы, повидимому, хотятъ непремѣнно завладѣть Ипромъ, но англичане и французы ихъ успѣшно оттѣсняютъ. Въ ночь съ 28 на 29 Октября нѣмцы начинаютъ бомбардировать городъ тяжелой осадной артиллеріей. Монастырь Кармелитовъ уничтоженъ. Вторая бомбардировка, болѣе рѣшительная, происходитъ ночью съ 1 на 2 Ноября; она разрушаетъ много домовъ. 3 Ноября происходитъ стрѣльба изъ осадныхъ орудій, черезъ каждыя 7 минутъ по выстрѣлу. Пожаръ вспыхиваетъ въ разныхъ концахъ города, но еще можно

было предполагать, что германцы не намѣрены разрушать лучшія зданія города. Но 7 Ноября съ 9-ти часовъ утра ураганъ желѣза и огня понесся по направленію къ Суконному рынку и какъ только его длинная крыша загорѣлась, бомбардировка прекратилась и огонь былъ обращенъ на древній соборъ. Желая скорѣе съ нимъ покончить, нѣмцы обстрѣливаютъ его со всѣхъ сторонъ. Къ ночи центръ Ипра обратился въ чудовищный костеръ, пожирающій два историческихъ зданія древней столицы Фландріи, ея вѣковую славу и красоту. Бельгія потеряла одно изъ самыхъ чудныхъ сооруженій, украшавшихъ старинный городъ Ипръ, а весь міръ одно изъ лучшихъ произведеній архитектуры всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Въ письмѣ отъ 24 Ноября, помѣщенномъ въ «Фигаро», читаемъ: «Стою на главной площади и весь ужасъ бѣдствія раскрывается передо мною. Внутренняя часть зданія не что иное, какъ чудовищный костеръ; держится одна лишь внѣшняя оболочка; чудный готическій орнаментъ, легкія прозрачныя окна и граціозныя башенки по бокамъ. Но долго-ли все это продержится? Вся крыша, всѣ своды уже рухнули, весь остовъ зданія въ огнѣ. Какъ въ Реймскомъ соборѣ, такъ и здѣсь, всѣ выстрѣлы направляются на остовъ зданія. Они начали нынче съ 9-ти часовъ утра. Высокая

четыреугольная башня Суконнаго рынка и соборная колокольня явились прекрасною мишенью для ихъ выстрѣловъ. Въ теченіе 2-хъ часовъ, безостановочно, они посылали свои тяжелые снаряды, пока не увидали, что пожаръ начался и что высокая струя дыма заклубилась къ небесамъ. Бомбардировка прекратилась немедленно» . . . «Теперь, въ 4 часа послѣ обѣда пожаръ все болѣе разгорается. Подъ этимъ прекраснымъ зимнимъ небомъ, черезъ готическія окна мы смотримъ на фантастическій костеръ. Огненные языки съ жадностью лижутъ камни; черезъ щели фасада они пробираются къ статуямъ, которыя какъ то странно опоясываютъ этотъ адскій костеръ. По временамъ одна изъ огромныхъ балокъ отрывается отъ остова зданія и падаетъ со страшнымъ трескомъ; цѣлое облако искръ разлетается далеко отъ пылающаго костра».

Архитекторъ Витней-Варренъ, посѣтившій Ипръ нѣсколько дней послѣ бомбардировки, въ письмѣ, посланномъ Американской Академіи Художествъ, пишетъ: «Разрушеніе Ипра было совершенно излишне. Городъ не имѣлъ никакого значенія въ военномъ отношеніи. Основанія стратегическаго никакого не было». Французскій генералъ Фошъ и англійскій генералъ Дугласъ Гайгъ совершенно не могутъ понять причины воз-

мутительной низости этого поступка. Французскій сотрудникъ «Фигаро» находитъ, что «война есть война, несомнѣнно, и конечно нужно хорошо стрѣлять въ непріятеля, но здѣсь, для того, чтобы объяснить, и еще болѣе, чтобы оправдать подобное варварство, нѣтъ никакого основанія. Въ военномъ отношеніи Ипръ не имѣетъ никакого значенія . . . Но во всякомъ случаѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины. Разрушеніе Ипра нельзя было бы просто отнести къ капризу или къ фантазіи нѣмецкихъ артиллеристовъ». Военный корреспондентъ «Фигаро» заключаетъ письмо слѣдующимъ предположеніемъ: «Нѣсколько времени тому назадъ Вильгельмъ II былъ очень близко отсюда, онъ проѣхалъ до Гелевельта въ 2-хъ миляхъ отъ Ипра. Какъ кажется, онъ поклялся торжественно вступить въ старинный городъ, бывшій столицею Фландріи. Несомнѣнно, онъ мечталъ устроить по этому случаю какую либо странную и сложную церемонію, гдѣ его безразсудная страсть къ комедіантству получила бы полный просторъ. Французскіе и англійскіе солдаты дали сильный отпоръ и кайзеръ могъ только издали любоваться колокольнею Св. Мартина и башнею Суконнаго рынка. Городъ ему не удалось взять, а потому его нужно было подвергнуть разстрѣлу». Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе

въ письмѣ Милля, одного изъ редакторовъ газеты «Temps», посѣтившаго Ипръ черезъ нѣсколько дней послѣ его бомбардированія: «Германская артиллерія пощадила Ипръ, пока германскій цезарь надѣялся устроить побѣдоносное вступленіе въ городъ, устроить торжественное служеніе въ соборѣ и, въ высокихъ сапогахъ, въ каскѣ, опираясь рукою на обагренный кровью мечъ, провозгласить въ послѣднемъ изъ городовъ Бельгіи, который онъ собирался завоевать, присоединеніе Бельгіи къ германскимъ государствамъ. Въ тотъ день, когда эта надежда испарилась, началась бомбардировка Ипра. Не прежде. И всѣ снаряды были направлены не въ жителей, но исключительно въ зданія, въ которыхъ германскій императоръ собирался выступить въ роли страннаго комедіанта. . . Ипрскій соборъ, Ипрскій рынокъ, Ипрская ратуша провинились, и если они не существуютъ, то по причинѣ, напоминающей приказъ Нерона поджечь Римъ со всѣхъ четырехъ сторонъ».

Соборъ Св. Мартина подвергся участи Суконнаго рынка. Въ письмѣ, адресованномъ «Парижскому Эхо», священникъ «Желѣзной дивизіи 20 корпуса», посѣтившій Ипръ черезъ нѣсколько дней послѣ бомбардировки, сообщаетъ: «Въ моемъ распоряженіи только одинъ часъ и я могу осмо-

трѣть только соборъ. Увы! 8 или 10 лѣтъ тому назадъ я видѣлъ соборъ во всемъ блескѣ, нынѣ это только груда развалинъ. Стѣны и своды раскрываютъ свои широкія язвы людямъ смущеннымъ, огорченнымъ и возмущеннымъ этимъ безпримѣрнымъ варварствомъ губителей соборовъ. Однѣ лишь статуи на своихъ мѣстахъ, онѣ какъ бы протестуютъ; онѣ какъ бы отказались оставить свой постъ. Правда, многія изъ нихъ поплатились за это жизнью; входя въ соборъ, я видѣлъ двѣ головы между развалинами; одна изъ нихъ принадлежала лицу, участвующему въ «Положеніи во гробъ». Я нахожу ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы. Христосъ почившій лежитъ во гробѣ. Съ этого мѣста храмъ напоминаетъ мнѣ разрушеніе храма Іерусалимскаго. Мнѣ такъ и кажется, что варвары сказали Христу и Его храму: «Отъ Тебя не останется камня на камнѣ». Въ части храма, именуемой хоромъ, есть еще нѣчто живущее,— это епископы Ипра, почивающіе на ихъ мраморныхъ гробницахъ у самыхъ почернѣвшихъ и обугленныхъ стѣнъ. Такъ и кажется, что они съ тихимъ спокойствіемъ взираютъ на дѣло разрушенія и смерти. Они тамъ ожидаютъ воскресенія храма, въ которомъ служили . . . Каѳедра почти уцѣлѣла; два ангела въ натуральную величину ее поддерживаютъ вмѣстѣ съ сонмомъ апостоловъ.

Осмотръ кончается старой колокольнею, отнынѣ нѣмою. И то, что было ея голосомъ звучнымъ, нынѣ подернулось пепломъ еще краснымъ и дымящимся; я вступаю на обломки колоколовъ, которые воспѣвали въ окрестностяхъ хвалу Господу, оплакивали прежде ихъ отошедшихъ; рожденные въ огнѣ, они, въ теченіе своей жизни, вѣщавшіе огненные глаголы, были достойны принять и муку отъ огня. Requiescant in pace до дня, когда они оживутъ, для того чтобы возвѣстить народу Божіему Te Deum побѣды».

Благодаря особому усердію французскихъ офицеровъ и солдатъ, прибѣжавшихъ по приказанію своихъ начальниковъ съ поля битвы, можно было спасти часть сокровищъ собора, дарохранительницу, массивные серебряные старинные, замѣчательной красоты, подсвѣчники главнаго алтаря, мантіи, чаши, епитрахили, сшитыя напрестольныя одежды, изъ коихъ одна, изображающая пасхальнаго агнца, оцѣнена почти въ милліонъ франковъ.

Въ XVI вѣкѣ, близъ Суконнаго рынка, была сооружена въ стилѣ фламандскаго возрожденія городская Ратуша. Зданіе это также было разрушено германцами. Французскимъ солдатамъ удалось, съ опасностью для жизни, спасти библіотеку и архивъ Ратуши. Послѣ трагическаго дня 7 Ноя-

бря городъ постоянно подвергался бомбардировкамъ, предпринятымъ для разрушенія домовъ и зданій въ различныхъ частяхъ города. Повидимому германцы рѣшили въ конецъ разрушить Ипръ и сдѣлать изъ него «колоссальную» развалину, которая никогда не могла бы быть возстановлена.

Хотя страна Валлонская и менѣе пострадала, чѣмъ Брабантъ и Фландрія, но первый статистическій отчетъ, изданный бельгійскою Комиссіею, установляетъ, что въ 32 общинахъ, близъ Шарлеруа, германцы подожгли и совершенно разрушили 779 домовъ, значительно повредили 2211 и лишили 3000 семействъ крова и состоянія. [1])

Особенно пострадалъ городъ Намюръ. 21 Августа, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія, а, слѣдовательно, въ противность законамъ войны, городъ подвергается бомбардировкѣ изъ дальнобойныхъ орудій. Два дня спустя 4 бельгійская дивизія, защищавшая Намюръ, оставляетъ его. Германцы вступаютъ въ городъ. На слѣдующій день, 24-го, въ 9 час. вечера, по сообщенію 11-го доклада бельгійской Комиссіи, стрѣльба начинается неожиданно въ разныхъ частяхъ города, и германскіе солдаты шествуютъ, стрѣляя по глав-

[1]) Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 164.

нымъ улицамъ. Почти одновременно въ центральной части города вспыхиваетъ огромный пожаръ; германцы подожгли зданія въ пяти мѣстахъ. Пожаръ на главной плошади продолжался до 26. Онъ истребилъ Ратушу съ ея башнею и сосѣдніе дома. Всѣхъ сожженныхъ домовъ было около 80. Германцы и здѣсь, какъ и повсемѣстно, утверждали, что выстрѣлы были направлены въ ихъ войска съ понедѣльника вечера. Офиціальная бельгійская Комиссія доказала, что въ Намюрѣ, какъ и во всѣхъ другихъ сожженныхъ городахъ, это обвиненіе было ложнымъ и, напротивъ, установила примѣненіе системы полнаго разграбленія всѣхъ домовъ и послѣдующаго затѣмъ ихъ разрушенія. Начальникъ пожарнаго депо прибѣжалъ въ Ратушу при первомъ извѣстіи о пожарѣ, но былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. 23, 24 и 25 Августа 75 жителей Намюра были убиты. Въ окрестностяхъ города были ограблены замки и виллы.

Въ Таминѣ, городѣ съ 6000 жителей, въ теченіе трехъ дней были подожжены 264 дома. Населеніе претерпѣло тяжкія физическія и нравственныя страданія. 650 жителей были сожжены, удушены, убиты или разстрѣляны. Вступая въ городъ, солдаты собрали на площади 500 человѣкъ. Имъ приказали выстроиться рядами для раз-

стрѣла. Такъ какъ первый залпъ лишилъ жизни только нѣкоторыхъ, то офицеръ объявилъ тѣмъ, которые были только ранены, что они могутъ подняться. Тогда онъ велѣлъ выдвинуть пулеметъ и всѣ были перебиты; одинъ солдатъ, съ перевязью краснаго креста, выстрѣлами изъ револьвера приканчивалъ тѣхъ, которые еще дышали. Тѣла убитыхъ пролежали 20 часовъ на площади. 200 гражданъ были присланы германцами для погребенія ихъ.

Въ Ліежѣ бомбардировка разрушила около 100 домовъ; церковь Св. Павла весьма пострадала. Университетская библіотека была опустошена солдатами.

Между Валлонскими городами особенно пострадалъ Динанъ. Живописный красивый городъ обращенъ въ груду развалинъ. Его населеніе въ продолженіе пяти дней подвергалось чудовищнымъ страданіямъ; людей убивали, насиловали, мучили съ утонченной и невѣроятной жестокостью. Помимо разрушенныхъ общественныхъ зданій изъ 1600 домовъ 1400 были сожжены, и 800 гражданъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей избито.

Разрушеніе города Бувина описано въ дневникѣ офицера 178 полка. «Двѣ гаубицы въ 150 двадцатью выстрѣлами разрушили Бувинъ.

Мы заняли квартиру въ домѣ надъ Шельдою. Входя въ домъ, я переступилъ черезъ трупъ хозяина. Нашъ полкъ потерялъ 8 убитыхъ и много раненыхъ. Потери были вызваны стрѣльбою гражданъ. Наши солдаты обозлились и подожгли нѣсколько домовъ. Послѣ обѣда артиллерія обсыпала дома зажигательными бомбами. Это было удивительное зрѣлище!»

Жестоко пострадалъ городъ Анденъ. Докладъ бельгійской Комиссіи установляетъ, что 20 Августа въ 6 час., когда всѣ жители еще были дома, германскіе солдаты начали стрѣлять въ двери, въ окна, въ отдушины подваловъ; затѣмъ кавалеристы пронеслись по улицамъ съ крикомъ, что всѣ должны выходить изъ домовъ. Первые, послушавшіеся этого приказанія были разстрѣляны, какъ только показались на улицу. Такъ какъ большая часть терроризованныхъ жителей оставалась въ погребахъ, то солдаты взламывали двери и ударами ружейныхъ прикладовъ выгоняли на улицу обезумѣвшихъ людей. Послѣ того все населеніе было собрано на площади. Полковникъ, командовавшій солдатами, выбралъ 3 людей изъ толпы мужчинъ и велѣлъ ихъ немедленно разстрѣлять. Немного погодя отобрали еще 40 человѣкъ, а затѣмъ еще 250 и всѣ они пали подъ выстрѣлами палачей.

Затѣмъ послѣдовала настоящая оргія среди этихъ 300 труповъ и дымящихся развалинъ 600 подожженныхъ домовъ; это ужасное побоище называется «Pardon d'Andennes».

Въ прокламаціи, адресованной коммунальнымъ властямъ города Ліежа, корпусный командиръ фонъ-Бюловъ, упоминая объ убійствѣ и пожарѣ въ Анденѣ, объявилъ: «Съ моего соизволенія командующій генералъ приказалъ сжечь весь городъ и разстрѣлять около 100 людей».

Веселый и красивый городъ Нивель, съ прекраснымъ соборомъ Св. Гудулы, былъ часто посѣщаемъ, благодаря рѣдкой красотѣ своихъ зданій, архитекторами и художниками. Нивель нынѣ мертвый городъ; населеніе его подверглось жестокимъ мученіямъ; большая часть его жителей перебита; большая часть его домовъ испепелена подъ предлогомъ воображаемыхъ нападеній на германскія войска, чего въ дѣйствительности не было. Недалеко отъ Нивеля небольшой городокъ Вавръ почти совершенно уничтоженъ. Тамъ была прекрасная церковь Св. Петра и нѣсколько старинныхъ красивыхъ домовъ. Обстоятельства, при которыхъ было совершено это разрушеніе, обращаютъ на себя особенное вниманіе. 28 Августа генералъ-лейтенантъ фонъ Ниберъ требуетъ отъ городского головы контри-

буцію въ 3.000.000 фр., наложенную на этотъ городъ генераломъ фонъ-Бюловымъ. «Городъ будетъ подожженъ и уничтоженъ, если уплата не будетъ произведена въ назначенный срокъ, безъ всякихъ изъятій. Невинные пострадаютъ вмѣстѣ съ виновными». Оффиціальный поводъ: «Германскій солдатъ былъ раненъ мѣстнымъ жителемъ». Медицинскій отчетъ удостовѣряетъ, однако, что рана была нанесена нѣмецкою пулею.

8-й Отчетъ бельгійской Комиссіи содержитъ перечень мѣстностей Бельгійскаго Люксембурга, пострадавшихъ отъ нѣмецкаго нашествія. Всѣхъ домовъ было сожжено свыше 3000. При чемъ пострадали они не отъ военныхъ операцій, а отъ систематическихъ поджоговъ. Разстрѣляно болѣе 300 человѣкъ. Близъ деревни Ла-Туръ былъ жаркій бой. Германцы хотя и одолѣли, но понесли большія потери. На слѣдующій день послѣ битвы германцы собрали около 60 крестьянъ и приказали имъ похоронить нѣмецкихъ солдатъ. Послышались протесты. Тогда офицеръ, командовавшій отрядомъ, велѣлъ раздѣлить крестьянъ на двѣ равныя группы; люди одной изъ этихъ группъ были немедленно разстрѣляны. Обращаясь къ другой группѣ, офицеръ сказалъ, посмѣиваясь: «Послушаетесь-ли вы теперь?» Они начали рыть глубокую яму, въ которую и побросали трупы.

Когда они окончили эти страшные похороны, злодѣй, за ними наблюдавшій, велѣлъ имъ выстроиться вдоль рва. «Тамъ еще есть мѣсто», сказалъ онъ, и по знаку, имъ данному, они всѣ были перебиты. Въ Ла-Турѣ осталось только 4 старика.

Офицеръ, лейтенантъ 177 пѣхотнаго полка, слѣдующимъ образомъ, въ своемъ дневникѣ, описываетъ положеніе замученной германцами несчастной Бельгіи:

«26 Августа. Мы оставляемъ Бельгію въ такомъ же положеніи, въ которомъ она была, когда мы ее проходили; оставляемъ за собою пылающія деревни. Такъ было и въ 30-лѣтней войнѣ, повсюду убійства и пожары».

Между храмами, получившими всемірную извѣстность своею красотою, Реймскій Соборъ Богоматери занимаетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ [1]). Построеніе храма относится къ XII вѣку. Онъ былъ сооруженъ на томъ мѣстѣ,

[1]) Les Allemands destructeurs de Cathédrales et de Trésors du passé. Paris. Hachette. 1915. Стр. 9.

The Book of France Edited by Winifred Stephens. London—Paris 1915. La Basilique—Fantôme par Loti, стр. 63.

Marius Vachon—Les villes martyres de France et de Belgique. Paris 1915. Payot C-ie, стр. 50.

гдѣ прежде былъ древній храмъ, въ которомъ Хлодвигъ получилъ Св. Крещеніе. Въ Римской базиликѣ, построенной въ IX вѣкѣ вмѣсто этого храма, оказавшагося слишкомъ тѣснымъ, Пепинъ Короткій, Карлъ Великій и Людвигъ Благочестивый были вѣнчаны на царство. Примѣру Карловинговъ послѣдовали Капетинги и затѣмъ всѣ французскіе короли до Карла X-го короновались въ Реймсѣ. Живое воплощеніе религіознаго чувства Франціи былыхъ временъ—Іоанна д'Аркъ привела въ Реймсъ слабосильнаго Карла VII. Въ его короновании въ Реймскомъ соборѣ она видѣла залогъ побѣды и счастья своей родины.

Реймскій соборъ одно изъ чудесъ готической архитектуры. Его украшали 2800 статуй. Внутри и извнѣ эти высокохудожественныя произведенія французской скульптуры какъ бы дышали жизнью и красотой. Какъ выразительно было, напримѣръ, изображеніе Св. Діонисія надъ сѣвернымъ входомъ; святой держитъ свою голову, а два ангела на мѣстѣ его усѣченной головы держатъ вѣнецъ. Извѣстный писатель Роденъ видитъ въ этомъ символъ: идеи, порванныя, прерванныя въ ихъ развитіи, соединятся и будутъ царствовать въ тотъ день, которому конца не будетъ. Высокопоэтической христіанской символи-

 *

кой, изсѣченной на камнѣ, былъ украшенъ соборъ Богоматери; а затѣмъ онъ былъ особенно богатъ, рѣдкими по красотѣ, цвѣтными стеклами, разливавшими по всему храму какой то небесный свѣтъ. И священныя изображенія, и картины, и служащій клиръ и молящійся народъ, все утопало въ мягкомъ таинственномъ свѣтѣ. А какъ величественъ былъ храмъ въ дни церковныхъ торжествъ въ своемъ роскошномъ праздничномъ уборѣ, когда его священныя стѣны покрывались замѣчательной по красотѣ коврами. И этотъ чудный храмъ, краса и слава Франціи, обратилъ на себя разрушительную силу дальнобойныхъ орудій. Германцы вошли въ Реймсъ 4 Сентября и, какъ люди предусмотрительные, немедленно послали къ мэру интенданта саксонской арміи съ требованіемъ представить, въ видѣ контрибуціи, 50.000 киллограммовъ мяса, 100.000 киллограммовъ хлѣба и т. д., а въ обезпеченіе исправности этой поставки потребовать 1.000.000 франковъ. Интендантъ ведетъ себя учтиво и, повидимому, весьма смущается, когда, во время разговора, вдругъ нежданно начинаютъ раздаваться выстрѣлы. Онъ совѣтуетъ немедленно вывѣсить наверху колокольни бѣлый флагъ, и такъ какъ выстрѣлы до поднятія флага не прекращались, то интендантъ даетъ знать, что слѣдуетъ прекратить

пальбу. За все время пребыванія германцевъ въ Реймсѣ, они удивлялись красотѣ собора, когда его посѣщали; а сынъ кайзера Августъ-Вильгельмъ пожелалъ, чтобы въ соборѣ были помѣщены раненые германцы. Желаніе принца было исполнено. На полу собора постелили солому и положили раненыхъ. 12 Сентября, незадолго до ухода германцевъ изъ Реймса, Мэръ Лангле, по требованію военнаго начальства, долженъ былъ расклеить на стѣнахъ города слѣдующую прокламацію [1]): «Если нынче, или вскорѣ, въ окрестностяхъ Реймса или въ самомъ городѣ начнется битва, то жители извѣщаются, что они должны оставаться совершенно покойными и никоимъ образомъ не принимать участія въ битвѣ. Они не должны нападать ни на отдѣльныхъ солдатъ, ни на отряды германской арміи. Безусловно воспрещается возводить баррикады и вырывать камни на улицахъ и тѣмъ стѣснять передвиженіе войскъ. Однимъ словомъ не предпринимать ничего, могущаго быть въ какомъ либо отношеніи вреднымъ для германской арміи».

«Для того, чтобы надлежаще обезпечить безопасность войскъ, и чтобы упрочить спокойствіе Реймскаго населенія, нижепоименованныя лица

---

[1]) Les Allemands destructeurs, стр. 13.

взяты заложниками главнокомандующимъ германскою арміею. При первой попыткѣ къ безпорядкамъ эти заложники будутъ повѣшены. И точно также, если какое либо нарушеніе установленныхъ правилъ будетъ допущено, то городъ будетъ вполнѣ или отчасти сожженъ, а жители повѣшены. И напротивъ, если городъ будетъ совершенно тихъ и покоенъ, то заложники и жители города будутъ приняты подъ защиту нѣмецкой арміи». Подлинный подписалъ по приказанію нѣмецкихъ властей мэръ Лангле.

12 Сентября вечеромъ и 13-го утромъ германцы оставляютъ Реймсъ, 14-го съ 9-ти час. утра они начинаютъ бомбардировку, чѣмъ нарушаютъ не только общепризнанное постановленіе международнаго права, воспрещающее бомбардировку открытаго незащищеннаго города, но и ст. 27 Гаагской конвенціи, постановляющую, что при осадѣ и бомбардировкѣ должны быть приняты всѣ мѣры для огражденія, по возможности, между прочимъ зданій, посвященныхъ богослуженію, историческихъ памятниковъ и мѣстъ нахожденія раненыхъ. Съ 18-го, ко всеобщему ужасу, начался обстрѣлъ дома Богоматери. Варвары словно забыли, что ихъ же принцъ просилъ помѣстить въ храмъ 4000 раненыхъ германцевъ; они знали, что раненые германскіе солдаты тамъ находятся,

но они, конечно, не были въ состоянiи предположить, что когда солома, на которой они лежали, начнетъ горѣть, то французскiя сестры милосердiя, съ опасностью для собственной жизни, начнутъ спасать раненыхъ. И пусть имъ будетъ вѣдомо, что пять монахинь общины Младенца Христа и нѣсколько французскихъ носильщиковъ погибли, спасая этихъ раненыхъ. Въ субботу съ утра, обстрѣлъ продолжался. Хотя много снарядовъ попало въ музей, въ Ратушу и во всѣ госпитали, причиняя смерть многимъ раненымъ, но наибольшее число ихъ было направлено въ соборъ. Видно было, что германцы хотѣли, во что-бы то ни стало, уничтожить его. 35 огромныхъ снарядовъ произвели страшное разрушенiе. Вслѣдъ за ударами, потрясавшими стѣны, падали колонны, разбивались въ дребезги цвѣтныя стекла, огонь съ поразительною быстротою охватывалъ различныя части зданiя. Запылала колокольня, рухнули и расплавились колокола и въ видѣ страшнаго возмездiя огненная струя расплавленнаго металла полилась на раненыхъ германцевъ, лежащихъ въ храмѣ. Этотъ пожаръ, зажженный снарядами, причинилъ храму наибольшiй вредъ; онъ уничтожилъ крышу, расплавилъ олово, желѣзо, обезобразилъ чудныя статуи, уцѣлѣвшiя въ началѣ обстрѣла, много статуй,

вслѣдствіе пожара, упало съ высоты и разбилось въ дребезги.

Въ виду всеобщаго негодованія, вызваннаго разрушеніемъ Реймскаго собора, канцлеръ германской Имперіи сообщилъ 30 Октября Прусскому министру при Ватиканѣ офиціальную ноту, обвинявшую французскій генеральный штабъ въ устройствѣ въ Реймскомъ соборѣ наблюдательнаго пункта для военныхъ цѣлей. Генералъ Жоффръ немедленно отвѣтилъ весьма рѣшительно: «что военное начальство въ Реймсѣ никогда не устраивало наблюдательнаго поста въ Соборѣ». Съ своей стороны, настоятель Собора Ландріе, отъ имени кардинала Люсона, заявилъ рѣшительный протестъ, присовокупивъ, что, какъ свидѣтель того, что происходитъ въ его храмѣ, онъ считаетъ себя обязаннымъ возстановить истину, и также весьма рѣшительно возражаетъ и противъ другого обвиненія германскихъ военныхъ властей, утверждавшихъ, что они были вынуждены обстрѣливать соборъ, такъ какъ на площади передъ нимъ была поставлена французская батарея. Онъ удостовѣряетъ: «Что никогда на площади не было устрояемо батарей, ни наблюдательнаго поста на колокольнѣ, и что также никогда не было стоянки или размѣщенія войскъ въ сосѣдствѣ съ соборомъ».

Послѣ страшныхъ Сентябрьскихъ дней (съ 17-го по 19-е) Реймскій соборъ подвергался и даже до настоящаго времени продолжаетъ подвергаться обстрѣлу германскихъ орудій.

Когда 12 Ноября была предпринята жестокая бомбардировка храма, тогда германцы придумали сослаться на слѣдующій поводъ, вызвавшій этотъ обстрѣлъ. Они обвиняли французовъ въ томъ, что они устроили въ башнѣ храма свѣтовую сигнализацію. И эта германская ложь была также обличена. Въ полуразрушенныхъ башняхъ нѣтъ никакой возможности устроить сигнализаціи, да и надобности въ ней никакой не усматривается по топографическому положенію мѣстности.

Разрушая дивный храмъ Богоматери въ Реймсѣ, германцы покрыли себя вѣчнымъ позоромъ. Не какими либо стратегическими соображеніями, а исключительно маніей истребленія храмовъ Божіихъ и памятниковъ искусства руководствовались варварскіе сверхлюди.

Маріусъ Вашонъ совершенно справедливо замѣчаетъ [1]), что если стариннымъ камнямъ Реймскаго собора суждено обратиться въ пыль, то память о соборѣ никогда не погибнетъ. Въ

[1]) Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 79.

самихъ развалинахъ таится сила будить память о прошломъ, и даже кажется, что само варварство поджигателей придастъ этимъ воспоминаніямъ еще большую силу. Мертвые иногда говорятъ съ большею силою, чѣмъ живые.

Изъ всего окружавшаго соборъ уцѣлѣлъ одинъ лишь памятникъ Іоанны д-Аркъ. Освободительница Франціи гордо сидитъ на своемъ боевомъ конѣ, твердо и крѣпко держитъ она свой мечъ. Это чудное зрѣлище является для французовъ добрымъ предзнаменованіемъ лучшихъ дней.

Цвѣтущая богатая Шампань привлекала къ себѣ съ особою силою нѣмецкія полчища. Они причинили этой области много бѣдъ. Въ Шато-Тіерри нѣмецкіе снаряды разрушили нѣсколько домовъ и въ теченіе 7 дней, съ 3 по 10 Сентября, солдаты грабили. Грабежъ этотъ происходилъ на глазахъ у начальства. Корреспондентъ газеты «Temps» пишетъ, что по дорогѣ въ Суассонъ тянется безконечная вереница повозокъ, наполненныхъ награбленнымъ добромъ. Между прочимъ по этой дорогѣ видѣли унтеръ-офицера и четырехъ солдатъ, сопровождавшихъ англійскую коляску съ прекрасною упряжкою, нагру-

женную добычею. Въ сосѣдствѣ четыре замка были подожжены и до тла разграблены.

Въ Моруптѣ-ле-Монтуа старинная церковь и всѣ дома обращены въ развалины и пепелъ.

Парге совершенно разрушенъ.

Сермезъ-ле-Бенъ, маленькій городъ съ 3000 жителей, въ развалинахъ, 700 домовъ подожжены. Помощникъ мэра подробно разсказываетъ о разрушеніи города германцами подъ командою маіора Курта фонъ-Астена. Разсказъ этотъ Вашонъ приводитъ въ своей интересной книгѣ [1]):

«Маіоръ Куртъ-фонъ-Астенъ былъ комендантомъ Сермеза; онъ всѣхъ насъ разорилъ, безъ всякой къ тому военной необходимости. Французы, желая пощадить городъ, вывели изъ него войска. Изъ ненависти къ намъ, которую онъ, впрочемъ, не скрывалъ, онъ истребилъ все наше имущество. Пустивъ въ нашъ красивый и цвѣтущій городъ около 2000 снарядовъ, онъ приказалъ поджечь всѣ уцѣлѣвшіе дома. Онъ велѣлъ арестовать 8 несчастныхъ людей, безъ всякой къ тому причины. Онъ имъ угрожалъ и оскорблялъ ихъ. Эти люди толпились въ страхѣ быть разстрѣлянными. Они хорошо знали, что происходило въ другихъ мѣстахъ. Маіоръ Куртъ фонъ-Астенъ

[1]) Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 42.

не наказалъ солдатъ, повинныхъ въ насиліи надъ женщинами. По его приказанію прекрасная церковь въ Сермезѣ, а вы знаете, что она для насъ значитъ, была сожжена. Онъ палачъ Сермеза. 9 Сентября французы начали контръ-атаку. Маіоръ только что улегся на своей кровати, какъ снарядъ (75-й), пробивъ крышу, тяжко ранилъ его. Его перенесли въ лазаретъ, гдѣ тщательно за нимъ ухаживали. Тѣмъ не менѣе онъ оставался лютымъ и бранчивымъ. Сермезскій кюре благочинный постоянно сидѣлъ у его изголовья. Отходя въ вѣчность, раненый промолвилъ: «всѣ французы трусы».

Близъ Сенъ-Гонтскаго болота, гдѣ была разбита Прусская гвардія, болѣе 20 деревень были окончательно разорены. Недалеко оттуда находится замокъ барона де-Байя. Замокъ этотъ подвергся совершенно особому разгрому. Всѣ драгоцѣнныя антикварныя коллекціи, всѣ произведенія искусства, собранныя барономъ во время его научныхъ поѣздокъ въ Россію, были похищены и увезены въ Германію. Во время этого грабежа въ замкѣ проживало одно весьма важное лицо. Члены официальной французской Комиссіи нашли на стѣнѣ надпись мѣломъ: «S. K. Hoheit». Точная личность этого лица не была установлена, но предполагаютъ, что это былъ Герцогъ Брауншвейгскій, зять Вильгельма II.

Въ дневникѣ солдата, по фамиліи Гасемера, значится: «3. 9. 1914. Соммери. (Марнъ). Ужасная рѣзня, деревня выжжена до тла, французовъ бросали въ горящіе дома, люди и все остальное сгорѣли одновременно».

По отношенію къ Шампани, докладъ офиціальной французской Комиссіи содержитъ интересныя свѣдѣнія: «Пожары во многихъ мѣстностяхъ произошли, хотя нельзя было жителей ихъ обвинить въ какомъ либо неповиновеніи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ германцы, не приступая къ поджогу, заставляли стрѣлять одного изъ своихъ солдатъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ обвинять жителей въ нападеніи на германцевъ. Это обвиненіе тѣмъ болѣе нелѣпо, что почти повсемѣстно, при появленіи непріятеля, оставались только старые и немощные люди, лишенные всякой возможности нападать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти преступленія были совершаемы по приказанію. Отряды войскъ появлялись съ факелами, разрывными гранатами и прочими пожарными приспособленіями.

Въ Марнскомъ Департаментѣ, какъ впрочемъ и повсемѣстно, германскія войска занимались всеобщимъ грабежомъ при несомнѣнномъ участіи ихъ начальства.

Офиціальная французская Комиссія обратила особое вниманіе на опустошеніе города Клер-

мона въ Аргоннахъ. 4 Сентября ночью, 121 и 122 Вюртембергскіе полки вступили въ этотъ городъ. Они вторгались въ дома и грабили въ теченіе всего слѣдующаго дня. Около полудня одинъ солдатъ, готовя въ домѣ часовщика кофе, опрокинулъ спиртовую лампу и поджегъ домъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей просилъ офицера приказать солдатамъ помочь ему тушить пожаръ. Офицеръ грубо его прогналъ и пригрозилъ револьверомъ. Пожаръ вспыхнулъ въ другихъ мѣстахъ города; за пожаромъ послѣдовалъ грабежъ.

Между городами области Иль-де-Франсъ особенно пострадалъ городъ Суассонъ. Французскія войска храбро защищали этотъ открытый городъ. Германцы не могли одолѣть ихъ и 13 Сентября начали бомбардировать Суассонъ. Снаряды повредили нѣкоторыя церкви, но затѣмъ городу дальнѣйшаго вреда не причинили. Съ 14 Января обстрѣлъ принимаетъ весьма тревожные размѣры. Сила ударовъ особенно направляется на древній соборъ. Корреспондентъ Итальянскаго журнала «Corriere della Serra» Барзини пишетъ [1]): «гранаты срываютъ крыши, разрушаютъ все. Высокія зданія разсыпаются какъ карточные замки. Въ нижней части города множество домовъ пы-

---

[1]) Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 20.

лаютъ въ огнѣ. Пожаръ разгорается, раздуваемый вѣтромъ. Высокіе столбы чернаго дыма, гонимые вѣтромъ, смѣшиваются съ бѣлыми облаками отъ разрыва снарядовъ и съ пылью, поднимаемой отъ обвала стѣнъ. Страшное зрѣлище! Замученный городъ угнетенъ страхомъ. При каждомъ раскатѣ выстрѣла стѣны его словно дрожатъ. Часть жителей осталась въ городѣ. По временамъ открываются двери и изъ нихъ показываются люди. Семьи спрятаны въ подвалахъ. Когда бомбардировка пріостанавливается, эти люди выходятъ за порогъ; между ними есть женщины, есть дѣти. Виднѣются лица блѣдныя, смущенныя, но спокойныя; этотъ безсознательный героизмъ удивительно хорошъ; люди смотрятъ на насъ съ молчаливой любознательностью. Не слышно ни одного слова».

«Надъ нашими головами съ жалобнымъ воемъ проносятся гранаты. Слушая этотъ вой, инстинктивно прислоняешься къ стѣнѣ и ждешь. Этотъ жалобный, необычный звукъ какъ бы предостереженіе. Какъ только онъ утихаетъ, громкій взрывъ потрясаетъ воздухъ и тотъ же часъ раздается трескъ падающихъ обломковъ, шумное паденіе черепицъ, напоминающее паденіе битой глиняной посуды. И вмѣстѣ съ тѣмъ, съ шумомъ падающаго града, со всѣхъ сторонъ черезъ крыши

несутся раскаленныя части разорвавшагося снаряда».

«Чудный соборъ временами окутанъ дымомъ; до сихъ поръ выстрѣлы еще не очень его тревожили; только одна граната повредила часть зданія. Древняя готическая церковь, въ продолженіи своего семивѣкового бытія, много разъ видѣла, какъ городъ около нея обновлялся, она высится надъ всѣми этими развалинами во всемъ величіи и съ отпечаткомъ внушительной торжественности. Маленькіе живописные домики, съ окнами въ цвѣтахъ, ютятся около нея, какъ бы прося у нея покровительства. У одного изъ этихъ домовъ граната сорвала крышу и разбила перегородки; остались только 4 стѣны. Хозяйка, спасенная словно чудомъ, старая дама, одѣтая въ черномъ, плачетъ, въ то время какъ сосѣдъ ея, по внѣшнему виду философъ, съ большой сѣдой бородой, старается ее утѣшить. А дождь снарядовъ продолжаетъ падать на полуразрушенную крышу. Одинъ осколокъ попалъ въ боковую дверь церкви. Она отворилась. Войдемъ. Какое неожиданное впечатлѣніе величія и тишины. Шумъ стрѣльбы смягчается толщиною массивныхъ стѣнъ. Даже кажется, что онъ удалился. Испытываешь чувство облегченія, покоя, неуязвимости... Когда осколки приближаются къ храму, его огром-

ныя окна словно дрожатъ и по временамъ раздается краткое и серебристое дребезжаніе. То падаютъ куски разбитаго стекла. Въ пестромъ сочетаніи цвѣтовъ и свѣта начинаютъ показываться небольшія трещины, въ которыя ярко проникаетъ свѣтъ извнѣ. И раны умножаются и расширяются, пока съ громкимъ шумомъ все не разрушится»...

Въ Февралѣ бомбардировка продолжалась; разрывные снаряды главнымъ образомъ направлялись въ соборъ, церкви и госпитали.

Длиненъ списокъ городовъ и деревень, сожженныхъ и разграбленныхъ германцами. Въ Шуаси-о-Бакъ почти всѣ дома сожжены и ограблены: булочникъ отказался работать для германцевъ.

Въ Крайлѣ 3 Сентября они сжигаютъ четверть города. Въ дневникѣ солдата 32 пѣхотнаго резервнаго полка читаемъ: «Желѣзный мостъ взорванъ, вслѣдствіе этого улицы подожжены и граждане разстрѣляны». Весь городъ былъ разграбленъ на глазахъ у начальства, которому солдаты показывали драгоцѣнные предметы, награбленные ими.

Не пощадили германцы одинъ изъ наиболѣе красивыхъ городовъ Сѣверной Франціи

Сенлисъ[1]), городъ богатый древними храмами. Соборъ Богоматери, одинъ изъ лучшихъ готическихъ храмовъ Франціи XII вѣка, старинный епископскій дворецъ XIII вѣка, церковь Св. Викентія съ высокой колокольней, принадлежавшая прежде аббатству того же имени, возстановленному въ 1065 году по преданію игуменіею Анною, дочерью Великаго Князя Ярослава Мудраго. Старые хроникеры называли Сенлисъ городомъ семи колоколенъ.

2-го Сентября, утромъ, германцы подошли къ Сенлису и, думая, что французскія войска еще не оставили городъ, они начинаютъ бомбардировку одной деревни, въ двухъ верстахъ отъ города. Мэръ Одэнъ совѣтуетъ населенію спрятаться въ подземельѣ церкви Св. Викентія или въ подвалахъ, или же бѣжать въ Шантильи. Въ половинѣ третьяго начинается бомбардировка. Соборъ обстрѣливается съ особымъ ожесточеніемъ. Солдаты и офицеры увѣряютъ всѣхъ, что этотъ обстрѣлъ вызванъ установкой митральезы на колокольнѣ, и чтобы подтвердить основательность этого обвиненія отрядъ войска направляется къ собору. Статуей, свалившейся съ верха зда-

---

[1]) Les Allemands destructeurs, стр. 33.
Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 31.

нія, солдаты взламываютъ дверь и ищутъ французскихъ солдатъ, будто бы находящихся въ церкви.

Въ 4 часа германскія войска входятъ въ городъ. Одинъ изъ начальниковъ отряда призываетъ мэра и отправляетъ его въ гостиницу, гдѣ помѣщается штабъ отряда. Около 5 часовъ раздается выстрѣлъ; оказывается тяжело раненымъ одинъ офицеръ. Кто онъ, осталось неизвѣстнымъ. Тогда издается приказъ: хватать всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ и арестовать ихъ какъ заложниковъ. Между ними оказываются убитые и раненые. Менѣе чѣмъ черезъ часъ послѣ этого, въ самый разгаръ боя между французскимъ аріергардомъ и прусскимъ авангардомъ, поджигатели приступаютъ къ своей работѣ въ предмѣстьѣ Св. Мартина. Поджогъ зданій въ Сенлисѣ былъ организованъ въ томъ же порядкѣ какъ и въ бельгійскихъ городахъ, сожженныхъ германцами. Не подлежитъ сомнѣнію, что военное начальство имѣло твердое намѣреніе сжечь Сенлисъ. Высокопоставленные военные съ цинизмомъ, свойственнымъ германскимъ офицерамъ, заявляли: «Мы изъ Сенлиса сдѣлаемъ новый Лувенъ». А другіе говорили, что Сенлисъ будетъ сожженъ.

Докладъ французской офиціальной Комиссіи содержитъ скорбную повѣсть о казни непо-

виннаго мэра Одэна. Въ 3 часа онъ былъ арестованъ въ Ратушѣ потому, что частныя лица стрѣляли въ германскія войска. Секретарь мэріи предлагаетъ вызвать совѣтниковъ. Одэнъ замѣчаетъ, что это безполезно, довольно и одной жертвы. Его ведутъ въ мѣстечко Шамонъ, гдѣ три офицера чинятъ ему допросъ. Его обвиняютъ, что онъ стрѣлялъ или велѣлъ стрѣлять въ германцевъ, и предваряютъ, что онъ долженъ умереть. Тогда Одэнъ подходитъ къ другимъ арестованнымъ, передаетъ имъ свои бумаги и деньги и съ достоинствомъ прощается съ ними. По приказанію офицера, два солдата отводятъ его метровъ за 10-ть и двумя пулями въ лобъ убиваютъ его, вырываютъ неглубокую могилу и бросаютъ въ нее несчастнаго мэра. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ 6 гражданъ Сенлиса были около того же мѣста разстрѣляны и зарыты.

Со 2 до 3 Марта въ Сенлисѣ убито 26 лицъ; разрушены два зданія замѣчательно красивой архитектуры въ стилѣ XVIII вѣка, 500 домовъ сожжены въ предмѣстьѣ Св. Мартина, а соборъ, лучшее украшеніе города, съ его высокой колокольней, сильно поврежденный, едва избѣгъ полнаго разрушенія.

Между городами Сѣверной Франціи, пострадавшими отъ германскаго нашествія, можно ука-

зать на Лилль. Городъ подвергся дважды обстрѣлу: въ Октябрѣ и Ноябрѣ всего въ него было пущено около 13.500 снарядовъ. Около 2.000 домовъ было разрушено или значительно повреждено, число жертвъ еще не было приведено въ извѣстность. Въ Департаментѣ Соммы городъ Альберъ совершенно разрушенъ. Лучшей красою города была церковь Богоматери, украшенная большой колокольнею, увѣнчанной высокой позлащенной статуей Богоматери. Германская артиллерія, конечно, облюбовала такую мишень. Храмъ подвергся жестокому обстрѣлу; одинъ изъ снарядовъ попалъ въ цоколь, поддерживающій статую. Статуя, прежде царившая надъ всею мѣстностью, къ радости жителей, не упала, а только склонилась. Она словно показываетъ Богомладенцу разрушительное дѣло тѣхъ, которые напрасно именуютъ себя христіанами. А кругомъ этой Приснодѣвы, висящей въ воздухѣ, полное разрушеніе: мраморныя колонны, куски золотой мозаики, органъ и все богатство базилики, все уничтожено.

Германцы, изъ глубокой ненависти къ Франціи, рѣшились, словно по уговору, разрушить всѣ лучшіе памятники въ городахъ, по пути ихъ нашествія. Съ какой то нечеловѣческой злобой обрушились они на башню Ратуши города

Арраса [1]). Бомбардировка города началась 6 Октября. Съ особою силою происходилъ обстрѣлъ зданія 21-го Октября. Цѣлый дождь снарядовъ направленъ на Ратушу. 69-й выстрѣлъ сражаетъ высокій шпиль башни. При паденіи онъ увлекаетъ за собою Фландрскаго льва и графскую корону; башня разрушается до самыхъ часовъ; стѣны зданія трещатъ и падаютъ. Разрушеніе этого чуднаго зданія большое несчастіе для гражданъ. Какъ только затихаетъ громъ орудій, они рядами, словно въ процессіи, идутъ поклониться старой башнѣ, символу ихъ независимости и дорогому достоянію минувшихъ поколѣній. Епископъ города Арраса пишетъ отъ 31 Октября: «Вчера была ужасная бомбардировка. Аррасъ—настоящее большое кладбище, церковь и соборъ разрушены; 400 домовъ тоже разрушены; жизнь ютится въ подвалахъ. Вчера въ 10-й разъ госпиталь былъ обстрѣлянъ. Несчастныхъ больныхъ перенесли въ подвалы... Вчера одинъ снарядъ упалъ въ больницу, разрушилъ часть церкви и причинилъ смерть 30 больнымъ и ранилъ 17 человѣкъ. Вчера я посѣтилъ обѣ церкви. Какое страшное зрѣлище войны, какой

---

[1]) Les Allemands destructeurs, стр. 25.
Marius Vachon. Les villes martyres, стр. 84.

ужасъ. Дарохранительница, мертвые, раненые, живые, все это въ подвалахъ. Всѣ жители бѣгутъ и ищутъ спасенія.

Кровью написана повѣсть о звѣрствѣ германскихъ войскъ въ Бельгіи и Франціи и 5 тезисъ Манифеста 93-хъ ложно свидѣтельствуетъ, что германскіе солдаты неповинны въ жестокости и что Германія ведетъ войну, не пренебрегая постановленіями международнаго права. Научные варвары XX вѣка приносятъ человѣчеству болѣе вреда чѣмъ полчища Аттилы. Они возвели свою разрушительную дѣятельность въ систему. Ихъ поджоги организованные поджоги, ихъ грабежъ организованный грабежъ. Современная техника вооружила ихъ ядовитыми газами и такимъ обиліемъ смертоносныхъ орудій и средствъ, передъ которыми блѣднѣетъ вооруженіе дикихъ кочевниковъ, а по жестокости и звѣрству они хуже потому, что, именуясь христіанами, они опозорили себя избіеніемъ беззащитныхъ людей, женщинъ и дѣтей, массовыми разстрѣлами неповинныхъ людей, планомѣрными поджогами, систематизированнымъ грабежомъ. И можно ли утверждать вмѣстѣ съ 93 лицами, подписавшими манифестъ, что германскіе солдаты неповинны въ жестокости? Да, они повинны въ дикомъ звѣрствѣ.

Въ заключеніе, обращаясь къ разсмотрѣнію 6 тезиса Манифеста 93-хъ, нельзя признать правильнымъ указаніе его на то, что предпринятая нынѣ борьба противъ прусскаго милитаризма есть борьба противъ германской культуры. Внутренній, историческій смыслъ настоящей великой мировой борьбы и заключается въ томъ, что союзныя державы единодушно пришли къ твердому рѣшенію приложить всѣ силы, чтобы разъ навсегда покончить съ прусскимъ милитаризмомъ. Милитаризмъ, являясь средствомъ осуществленія пангерманской идеи, направленной къ подчиненію сначала европейскихъ государствъ, а потомъ и всего міра германской гегемоніи, является посягательствомъ на свободу и самостоятельность государствъ и народовъ. Милитаризмъ совершенно исказилъ германскую культуру. Служа односторонне торжеству матеріальныхъ благъ германскихъ народовъ, онъ посягаетъ на устойчивость международныхъ отношеній. Договоры, утвержденные представителями Германскаго Императора, являются клочками писанной бумаги, когда содержаніе ихъ представляется для Германіи невыгоднымъ.

Прусскій милитаризмъ является вѣчною угрозою всему міру. Покойная творческая работа нарушается постоянною тревогою по поводу

возможныхъ военныхъ осложненій, вызываемыхъ руководителями прусской политики.

Прусскій милитаризмъ является общечеловѣческою бѣдою, ежегодно вовлекая всѣ страны міра въ новые, постоянно возрастающіе расходы. Расходы эти отвлекаютъ народныя сбереженія отъ удовлетворенія многоразличныхъ культурныхъ потребностей странъ и безмѣрно увеличиваютъ бремя долговъ, чѣмъ вносится крайняя неустойчивость въ финансовое положеніе и подготовляется опасность экономическихъ потрясеній и совершеннаго разстройства финансовъ.

ГЛАВА IV.

Великая міровая война нашихъ дней существенно отличается отъ всѣхъ войнъ, доселѣ бывшихъ. Еще никогда военная техника не давала воюющимъ сторонамъ такого обилія разрушительныхъ средствъ, еще никогда война не уносила столько крупныхъ человѣческихъ жертвъ, еще никогда она не поглощала такихъ чудовищныхъ средствъ. И можно сказать, еще никогда ни одна держава не обнаруживала такой предусмотрительности, какъ Германія, въ подготовленіи всего, что могло понадобиться для успѣш-

наго хода военныхъ дѣйствій. Хотя Вильгельмъ II, его канцлеръ и манифестъ 93-хъ и утверждаютъ, что Германія войны не хотѣла, но обстоятельныя изслѣдованія французскихъ писателей проливаютъ яркій свѣтъ на послѣдовательную дѣятельность германскихъ агентовъ во Франціи въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ, дѣятельность, направленную къ подготовленію условій, облегчающихъ успѣхъ германской арміи въ предѣлахъ Франціи. Весьма богатый свѣдѣніями трудъ Леона Додэ [1]) знакомитъ съ тѣмъ, какъ тщательно Германія готовилась къ войнѣ, не только у себя дома, но и въ предѣлахъ Франціи. Благодаря этой подготовкѣ, германскія войска могли послѣ битвы при Шарлеруа успѣшно продвинуться по направленію къ Парижу, а послѣ побѣды французовъ на Марнѣ могли занять весьма выгодное для нихъ расположеніе. Нѣмецкій генеральный штабъ въ продолженіе 15 лѣтъ тщательно намѣчалъ мѣстности, наиболѣе подходящія для устройства временныхъ укрѣпленій, предусмотрительно имѣя въ виду пользоваться ими для расположенія новинокъ нынѣшней войны, траншей, снабженныхъ безчисленными пулеметами и защищаемыхъ крупными дальнобойными

---

[1]) Léon Daudet—Hors du Joug Allemand. Paris. 1915.

орудіями, поставленными на прочныя бетонныя платформы. Додэ въ свой книгѣ l'Avant-Guerre указывалъ на опасность для Франціи подготовительныхъ къ войнѣ германскихъ начинаній, но на его тревожныя рѣчи не было обращено должнаго вниманія. На него смотрѣли какъ на писателя съ болѣзненнымъ воображеніемъ, измышляющаго напрасныя тревоги по поводу устройства въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи различныхъ учрежденій, благопріятствующихъ успѣшному веденію войны германцами.

Грозная дѣйствительность вполнѣ подтвердила основательность тревожныхъ опасеній Додэ. Нынѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что у германцевъ былъ, задолго до объявленія войны, подробно выработанъ планъ военныхъ дѣйствій. Этотъ планъ былъ построенъ на томъ предположеніи, что Италія будетъ дѣйствовать совмѣстно съ Германіей и Австро-Венгріей. Одновременно германскія арміи должны были занять Парижъ къ 15 Августа, а итальянская армія должна была, занявъ Ниццу, овладѣть и долиной Роны. Для этого нужно было: 1) упрочить свое положеніе на сѣверѣ и на востокѣ Франціи чрезъ устройство особо укрѣпленныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ предпріятій, могущихъ одновременно служить для продовольствія войскъ и для

стратегическихъ цѣлей, 2) заранѣе подготовить осаду укрѣпленныхъ городовъ на сѣверѣ и востокѣ возведеніемъ прочныхъ платформъ, необходимыхъ для тяжелой германской артиллеріи, 3) воспользоваться во Франціи всѣми благопріятными почвенными условіями, пригодными для облегченія передвиженія нѣмецкихъ войскъ, 4) устроить на Нормандскомъ побережьѣ, а равно въ долинѣ Роны и на побережьѣ отъ Тулона до Ниццы замаскированныя укрѣпленія въ промышленныхъ предпріятіяхъ, руководимыхъ германцами, 5) устроить въ самомъ Парижѣ и его предмѣстьяхъ такую германскую организацію, которая могла бы способствовать успѣху арміи, осаждающей Парижъ. При составленіи этого плана, имѣлось въ виду приведеніе въ извѣстность точныхъ свѣдѣній о состоятельности городского населенія и о доходности отдѣльныхъ предпріятій. Эти свѣдѣнія были необходимы для того, чтобы имѣть возможность съ наибольшей точностью опредѣлить доходность извѣстнаго предпріятія, что представлялось особенно необходимымъ при взысканіи контрибуціи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда германцы признавали для себя желательнымъ завести какое либо дѣло, могущее быть для нихъ полезнымъ, они иногда готовы были работать съ явнымъ для себя убыткомъ. Такъ одно

предпріятіе по изготовленію предметовъ продовольственныхъ давало въ продолженіе 12 лѣтъ ежегодный убытокъ въ размѣрѣ отъ 800.000 до 1.200.000 франковъ. Додэ вычисляетъ, что Германія съ 1900 по 1914 годъ ежегодно расходовала отъ 25.000.000 до 30.000.000 франковъ на подготовительныя къ войнѣ съ Франціей мѣропріятія. Для этой цѣли, конечно, были недостаточны извѣстные по войнѣ 1870 — 1871 года летучіе шпіоны. Нынѣ оказались необходимыми шпіоны постоянные, имѣющіе прочную осѣдлость въ извѣстной мѣстности. Таковыми явились спеціалисты по химіи, электричеству, по торговлѣ шелкомъ, шерстяными тканями, по бетоннымъ постройкамъ, понадобились фотографы, финансисты, люди всякихъ профессій, люди, вообще способные хорошо вести порученное имъ дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющіе усыплять бдительность довѣрчиваго врага. Французы къ такой дѣятельности оказались бы совершенно непригодными, германцы же, напротивъ, проявили усердіе, причинившее много зла Франціи. Какъ велики были силы германцевъ, усматривается изъ того, что въ 1914 г. въ одномъ Парижѣ проживало германцевъ и австрійцевъ до 150.000 чел. Благодаря излишней довѣрчивости французскаго общества и недостаточной бдительности

чиновъ полиціи, вредная для Франціи дѣятельность этихъ непрошенныхъ гостей принимала весьма тревожные размѣры.

Успѣху германцевъ очень способствовалъ законъ 22 Іюля 1913 года, извѣстный подъ наименованіемъ закона Дельбрюка [1]). Законъ этотъ былъ изданъ для того, чтобы предоставить возможность каждому нѣмецкому подданному сохранить свою національность и пользоваться всѣми благами принадлежности къ Германской Имперіи даже послѣ пріобрѣтенія имъ иностраннаго подданства.

Для полнаго разумѣнія означенія этого закона необходимо имѣть въ виду, что Германская Имперія представляетъ собою союзное государство, части котораго—отдѣльныя государства сохранили свою автономію. Такимъ образомъ въ Германіи имѣется столько-же національностей, сколько существуетъ государствъ. Въ Германіи, собственно говоря, нѣтъ германцевъ, а есть пруссаки, баварцы, саксонцы. Если спросишь нѣмца, къ какой онъ принадлежитъ націи, то онъ не отвѣтитъ, что онъ нѣмецъ, а скажетъ, что онъ баварецъ или саксонецъ. Понятіе о германцѣ охва-

[1]) Joseph Haennig—Une Fourberie Allemande. La Lai Delbrück, Paris 1915.

тываетъ собою представленіе о принадлежности къ единому цѣлому, къ Германіи, состоящей изъ отдѣльныхъ національностей. Такимъ образомъ, идея національности оказывается, такъ сказать, двухъэтажной. Съ одной стороны лицо принадлежитъ къ извѣстной части Имперіи, а съ другой стороны непосредственно къ самой Имперіи. Непосредственно принадлежащими къ одной лишь Имперіи признаются жители германскихъ колоній. Но такъ какъ ихъ нужно было пріурочить къ извѣстному отдѣльному государству, то ихъ причислили къ городу Берлину, и они, съ тѣмъ вмѣстѣ, являются прусскими гражданами. Весьма своеобразнымъ представляется право германцевъ причисляться къ подданству нѣсколькихъ національностей германскаго союза. Такъ баварецъ можетъ приписаться къ прусскому подданству, а эльзасецъ—къ баварскому, что можетъ быть для него выгоднымъ, какъ огражденіе отъ высылки изъ Баваріи.

На основаніи § 21 закона 1 Іюня 1870 г., германецъ, пробывшій внѣ предѣловъ родины въ теченіе 10 лѣтъ, терялъ германское подданство. Эта утрата происходила автоматически. Человѣкъ живетъ на чужбинѣ болѣе 10 лѣтъ, о своемъ желаніи оставаться подданнымъ германскимъ не сообщаетъ установленнымъ властямъ и по прошествіи этого

срока перестаетъ считаться германскимъ подданнымъ. Переселеніе и особенно въ Америку, какъ извѣстно, достигало въ Германіи очень крупныхъ размѣровъ. Пангерманцы съ большой тревогою отмѣчали убыль германскаго племени и насчитывали, что на чужбинѣ проживало до 40.000.000 германцевъ. Конечно, злая нужда, невозможность прокормиться дома заставляла ихъ оставлять родину. Но Великая Германія не должна была, по мнѣнію пангерманцевъ, бросать этихъ чадъ своихъ на произволъ судьбы. Напротивъ, надлежало позаботиться объ укрѣпленіи нравственныхъ узъ, соединяющихъ ихъ съ дальнимъ отечествомъ. А потому представлялось страннымъ считать утратившими подданство всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе 10 лѣтъ проживали внѣ его предѣловъ. Законъ Дельбрюка и вызванъ былъ, главнымъ образомъ, желаніемъ сохранить, для торжества германской идеи, германцевъ, разбросанныхъ по лицу всего міра.

Въ мотивахъ къ этому закону мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее соображеніе [1]). Послѣ учрежденія Германской Имперіи національное чувство постоянно развивалось и, въ виду быстраго расширенія торговыхъ сношеній Германіи, умно-

[1]) Joseph Haennig. La loi Delbrück., стр. 21 и слѣд.

женія ея торговаго флота, германцы, переселившіеся въ дальнія страны, стали входить въ болѣе частыя общенія съ родиной и болѣе чѣмъ прежде нуждаться въ мощномъ ея покровительствѣ, оказываемомъ всѣмъ ея подданнымъ, и потому прекращеніе этой нравственной связи только вслѣдствіе десятилѣтняго отсутствія стало представляться недопустимымъ. Для устраненія столь нежелательнаго для пангерманской идеи обстоятельства 2 часть § 25 новаго закона предоставляетъ лицу, желающему пріобрѣсти иностранное подданство, право сохранить и подданство германское, по предварительномъ сношеніи съ подлежащимъ вѣдомствомъ его родины и по полученіи отзыва мѣстнаго консула.

При обсужденіи законопроекта въ Рейхстагѣ, Дельбрюкъ, авторъ проекта, пояснилъ, между прочимъ, что, при начертаніи онаго, было признано необходимымъ устранить существовавшее дотолѣ положеніе, по которому утрата подданства происходила, какъ слѣдствіе десятилѣтняго пребыванія лица за границею; утратившимъ подданство было признано считать лицо, принявшее подданство другого государства. «Но», продолжаетъ Дельбрюкъ, «мы находимъ, что представляется совершенно возможнымъ, чтобы германецъ, поселившійся за границей, имѣлъ основаніе прі-

обрѣсти, кромѣ своего прежняго подданства, и новое подданство, которое нисколько не помѣшало бы ему ревностно защищать интересы его прежней родины».

«Этими соображеніями руководствовались при начертаніи закона 1870 года. Но сколько съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ, формула civis germanus sum перестала быть празднымъ звукомъ, нынѣ это великое счастіе принадлежать къ славному и могущественному государству. Оставляющій нынѣ родину не порываетъ связей съ ея экономическою и политическою жизнью и значительная часть переселенцевъ развѣ не воодушевлена неотступнымъ желаніемъ дѣятельно способствовать политическому и экономическому росту ихъ родины». Основная мысль закона заключается въ томъ что тотъ, кто однажды былъ германцемъ, никогда не перестаетъ имъ быть. Мысль эта находитъ ясное выраженіе въ слѣдующемъ положеніи semel germanus, semper germanus. Слѣдовательно кто однажды былъ германцемъ, германцемъ долженъ оставаться. Эта неизгладимость начала принадлежности къ германству нисколько однако не исключаетъ возможности принимать новое подданство, въ томъ предположеніи, по мысли Дельбрюка, что это лицо, имѣющее двойное подданство, будетъ дѣятельнымъ представителемъ своей

первой родины, т. е. Германіи. О томъ, въ какой степени этотъ двуликій германецъ будетъ ревностнымъ представителемъ второй родины, объ этомъ Дельбрюкъ не упоминаетъ, но пусть объ этомъ вопросѣ подумаютъ законодатели и правители тѣхъ странъ, въ число подданныхъ которыхъ входятъ лица, имѣющія опредѣленныя обязанности по отношеніи къ своей прежней родинѣ. Невольно возникаетъ вопросъ, что-же будетъ въ томъ случаѣ, если интересы двухъ государствъ столкнутся. Дельбрюковскій сверхгражданинъ, конечно, послушаетъ призывный голосъ своей первой германской родины. Что-же касается до второго государства, подданнымъ котораго онъ сдѣлался, то власти его не были даже спрошены о томъ, насколько, по мнѣнію ихъ, можетъ быть допустима такая двойственность обязательствъ, такое совершенно іезуитское отношеніе къ присягѣ, даваемой каждымъ гражданиномъ на вѣрность государству, членомъ коего онъ состоитъ. Такія соображенія, конечно, не были извѣстны Дельбрюку, увлеченному германскимъ имперіализмомъ.

Членъ Рейхстага, докторъ Гизе, еще съ большей ясностью развилъ эти идеи: онъ нашелъ, что законоположенія, затрудняющія утрату подданства, сохранятъ болѣе, чѣмъ прежде, идею

*

германства за границею. То же самое можно сказать и о тѣхъ постановленіяхъ, которыя способствуютъ возвращенію въ прежнее подданство. Эти постановленія будутъ содѣйствовать сохраненію и упроченію германской идеи за границею.

Гизе настаивалъ на одобреніи законопроекта, дабы его высокое назначеніе—защитить и поддержать германскую идею за границею было достигнуто «Пусть германецъ за границею», восклицалъ Гизе, «всегда имѣетъ память, что онъ германецъ, и пусть онъ говоритъ съ гордостью: civis germanus sum».

Членъ консервативной партіи фонъ-Рихтгофенъ, вполнѣ сочувствуя проекту, находилъ, что «мы особенно заинтересованы тѣмъ, чтобы германцы за границею были вѣрны своей прежней родинѣ. Германская торговля широко развилась за послѣднее десятилѣтіе и лучшими передовыми дѣятелями германизма являются безспорно германскіе купцы. Нашей родинѣ особенно выгодно, чтобы германскіе купцы сохранили германское подданство».

«Мы убѣждены, что безусловно необходимо затруднить утрату подданства, и мы одобряемъ всѣ постановленія, направленныя къ сохраненію нѣмецкаго подданства тѣми изъ нашихъ соотечественниковъ, которые должны по причинамъ эко-

номическимъ пріобрѣсти чужое подданство». Ораторъ затѣмъ, хотя и не отрицаетъ несочувствія различныхъ государствъ и прессы идеѣ двойного подданства, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что постановленія законопроекта представляются по отношенію къ другимъ государствамъ весьма выгодными для германцевъ.

«Такъ въ Англіи», продолжаетъ онъ, «иностранный купецъ можетъ быть допущенъ на биржу не иначе, какъ по принятіи имъ англійскаго подданства. И, конечно, весьма тяжело для всякаго германца, желающаго вести дѣла на англійской биржѣ, принимать англійское подданство и бросать, вслѣдствіе этого, подданство германское».

Законопроектъ, по мнѣнію фонъ Рихтгофена, содержитъ все необходимое для упроченія и сохраненія германизма за границей. Онъ упрочитъ также и солидарность германцевъ между собою и по отношенію къ родинѣ и увеличитъ значеніе нѣмецкаго вліянія за границею и вмѣстѣ съ тѣмъ то уваженіе, которымъ германская торговля пользуется за границею.

При дальнѣйшемъ обсужденіи законопроекта въ Рейхстагѣ, представители различныхъ партій отнеслись къ нему съ рѣдкимъ единодушіемъ. Даже представитель соціалистовъ Либкнехтъ заявилъ о полномъ сочувствіи его партіи основ-

ной мысли законопроекта объ устраненіи впредь потери подданства, влѣдствіе десятилѣтняго пребыванія за границею.

Націоналъ-либералъ Бекъ, вполнѣ одобряя законопроектъ, весьма рѣшительно заявилъ, что германцемъ слѣдуетъ считать всякаго бывшаго имперскаго подданнаго, хотя бы онъ сдѣлался русскимъ, австрійцемъ или швейцарцемъ.

Представитель центра Шпанъ также находилъ, что законопроектъ Дельбрюка принесетъ значительную пользу германизму. Онъ увеличитъ число германцевъ и черезъ то возрастетъ сила германизма.

Депутатъ Герцогъ выразилъ отъ имени правыхъ полное сочувствіе законопроекту, онъ находилъ, что германскія власти за границею, поддерживая всякими средствами общества, покровительствующія германскимъ школамъ и, при томъ, безразлично, какъ католическимъ, такъ и протестантскимъ, будутъ съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствовать распространенію германизма, языка и нравовъ германскихъ. Осуществленію этихъ цѣлей законопроектъ будетъ способствовать, и мировое значеніе Германской имперіи, вслѣдствіе того, возрастетъ.

Представитель центра Бельзеръ привѣтствовалъ законопроектъ, находя, что онъ будетъ спо-

собствовать упроченію германизма какъ за границей, такъ и внутри самой имперіи.

Обращаясь затѣмъ къ самому законопроекту, утвержденному 22 Іюля 1913 года, въ тѣхъ его частяхъ, которыя имѣютъ особое отношеніе къ вопросу о двойномъ подданствѣ, нужно прежде всего имѣть въ виду, что въ главѣ I содержится слѣдующее опредѣленіе понятія о подданномъ.

На основаніи §§ 1 и 2 германцемъ признается всякій состоящій подданнымъ государства, входящаго въ составъ союзнаго государства (§§ 3—22) или состоящимъ прямымъ подданнымъ имперіи (33—35). Особое значеніе имѣетъ § 25, на основаніи коего: «всякій германецъ, не имѣющій ни мѣстожительства, ни постояннаго пребыванія въ странѣ, утрачиваетъ свое государственное подданство черезъ принятіе подданства чужого государства»...

«Не утратитъ своего подданства государству всякій, получившій, до принятія подданства другого государства, письменное согласіе установленной власти государства, коему онъ принадлежалъ, на сохраненіе имъ его государственнаго подданства. Предварительно сего разрѣшенія долженъ быть спрошенъ германскій консулъ».

§ 31 содержитъ постановленіе, облегчающее германцу, утратившему подданство, возстановленіе его въ правахъ сего подданства.

Общій смыслъ закона Дельбрюка заключается въ томъ, что германская имперія желаетъ обезпечить себѣ содѣйствіе многочисленныхъ переселенцевъ германскаго происхожденія, проживающихъ за границею. Съ этой цѣлью законъ облегчаетъ имъ и ихъ потомству возстановленіе германскаго подданства. Онъ распространяетъ эту привилегію на пріемныхъ дѣтей переселенцевъ и на иностранцевъ, состоящихъ на службѣ имперіи внутри ея и за предѣлами оной. Совершенно исключительный смыслъ имѣетъ, конечно, вторая часть § 25, въ силу которой германецъ имѣетъ право принимать подданство иностраннаго государства; ему достаточно, по предварительномъ сношеніи съ консуломъ, получить на сіе согласіе подлежащихъ властей германскаго государства, подданнымъ коего онъ состоялъ, и онъ будетъ пользоваться съ нисходящимъ поколѣніемъ всею полнотою правъ германскаго гражданина и дѣйствительнымъ покровительствомъ имперскихъ властей.

Что касается § 31, облегчающаго возстановленіе правъ германскаго подданства, то полная неизвѣстность таковыхъ случаевъ властямъ госу-

дарствъ, въ которыхъ эти обновленные германскіе подданные проживаютъ, можетъ вызвать весьма нежелательныя для сихъ государствъ послѣдствія.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ закономъ Дельбрюка, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что онъ вноситъ въ дѣйствующее международное право совершенно новое начало. Разрѣшеніе германцу, не порывая связи съ германскимъ отечествомъ, пріобрѣтать права подданства другого государства, естественно приводитъ къ неизбѣжной коллизіи между обязанностями гражданина, одновременно принадлежащаго двумъ государствамъ. Понятно, что германецъ будетъ всецѣло служить пользамъ своей исконной нeродины, но, поступая такимъ образомъ, онъ неизбѣжно становится въ преступное отношеніе къ своему новому отечеству. Служа Германіи, онъ, въ случаѣ столкновенія имперіи съ государствомъ, на вѣрность которому присягалъ, является по отношенію къ нему измѣнникомъ. Если послѣ преступнаго попранія Германіею нейтралитета Бельгіи еще позволительно говорить о международномъ правѣ, то слѣдуетъ рѣшительно заявить, что законъ Дельбрюка о двойномъ подданствѣ не можетъ быть терпимъ государствами, желающими установить взаимныя

между собою отношенія на началахъ довѣрія и международной порядочности, исключающихъ германскую изворотливость и цинизмъ въ опредѣленіи отношеній къ другимъ государствамъ.

Пользованіе закономъ Дельбрюка германцами, проживающими во Франціи, имѣетъ по отношенію къ ней значеніе, прямо угрожающее ея безопасности. Особенно если принять во вниманіе постоянное увеличеніе числа лицъ, переселяющихся изъ Германіи во Францію. Такъ въ 1896 г. 38.000 лицъ приняли французское подданство, въ 1901 г. число ихъ возросло до 65.000, въ 1906 г.—до 90.000 и въ 1911 г.—до 120.000, изъ общаго числа принявшихъ подданство было германцевъ и австрійцевъ около 80%.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія, что воинская повинность, которой должны подлежать во Франціи натурализованные германцы и австрійцы, не могла особенно ихъ обременять, такъ какъ законъ призываетъ ихъ къ отбыванію этой повинности до достиженія ими 27 лѣтъ, затѣмъ имъ остается только являться на резервные сборы (на 23 дня) и на сборы территоріальные (на 9 дней). Но вообще большинство ихъ принимаетъ французское подданство по достиженіи 35-ти-лѣтняго возраста. Что же касается до отбывающихъ девятидневные сборы, то благодушію

французскихъ докторовъ слѣдуетъ приписать, что въ большинствѣ случаевъ натурализованные германцы легко получаютъ свидѣтельства, освобождающія ихъ отъ этихъ сборовъ.

Нѣкоторые германцы, проживающіе во Франціи до принятія французскаго подданства, принимали временно подданство американское, англійское, бельгійское или швейцарское. Этотъ странный маскарадъ вызывался желаніемъ ограждать себя отъ бдительности надзора французской администраціи. Додэ указываетъ [1]), между прочимъ, на нѣкоего доктора Вильгельма Гейльперна, представителя нѣмецкаго центральнаго общества химическихъ производствъ, превратившагося сначала въ бельгійскаго адвоката, а затѣмъ наименовавшаго себя англійскимъ именемъ Вилли, дабы проникнуть въ составъ совѣта, управляющаго дѣлами французскаго общества химическаго производства. Этотъ случай напоминаетъ весьма распространенный во Франціи пріемъ присвоенія нѣмецкими обществами наименованій швейцарскихъ, или американскихъ, или голландскихъ.

Подготовляясь къ нашествію, германцы устроили во Франціи различныя промышленныя

[1]) Léon Daudet—Hors du Joug Allemand, стр. 149.

предпріятія. Германскій генеральный штабъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничивался только общимъ руководствомъ этими предпріятіями, извлекая изъ нихъ возможную пользу, какъ въ мирное время, такъ и подготовляя ихъ для осуществленія различныхъ начинаній въ дни войны. Одновременно съ симъ предпріятія эти осуществляли свои промышленныя цѣли. Иногда военное начальство требовало устройства особаго отдѣленія извѣстнаго предпріятія или же расширенія его. Весьма часто оно вводило въ составъ управленія лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ, офицеровъ или унтеръ-офицеровъ дѣйствительной службы или отставныхъ. Иногда назначался директоромъ человѣкъ, пользующійся исключительнымъ довѣріемъ. Секвестръ нѣкоторыхъ германскихъ предпріятій обнаружилъ существованіе у нихъ особыхъ администраторовъ, получавшихъ въ годъ отъ 80 до 100 тысячъ франковъ. Было обнаружено, что нѣкоторые изъ подобныхъ агентовъ обладали весьма разнообразными свѣдѣніями. Управлявшій большимъ химическимъ заводомъ былъ перемѣщаемъ въ предпріятіе по снабженію питательными средствами, а оттуда попадалъ въ фотографы. Нѣмецкіе хозяева называли этихъ сотрудниковъ волонтерами.

Додэ собралъ весьма поучительныя свѣдѣнія о рѣдкой изобрѣтательности германскихъ агентовъ, часто мѣнявшихъ свои занятія при исполненіи тайно на нихъ возложенныхъ военнымъ начальствомъ обязанностей. Онъ указываетъ, между прочимъ, на одного отставного офицера германской арміи, который, постоянно ссылаясь на болѣзнь спинного мозга, открылъ прачешное заведеніе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ однимъ изъ весьма важныхъ укрѣпленій въ окрестностяхъ Парижа. Эта прачешная была восьмымъ или девятымъ предпріятіемъ устроеннымъ имъ въ Парижѣ. Къ ней примыкали пустыри, весьма искусно использованные предпріимчивымъ германцемъ.

Въ Парижѣ и вообще во Франціи широко расцвѣлъ германскій шпіонажъ. Успѣхъ его объяснялся и забвеніемъ горькихъ уроковъ 1870 г. и невниманіемъ къ огражденію интересовъ страны отъ вредныхъ вліяній хищныхъ пришельцевъ. Нѣкоторую помощь оказывали германцамъ своекорыстныя соображенія людей, болѣе пекущихся о личныхъ пользахъ, чѣмъ объ интересахъ и славѣ родины.

Весьма убѣдительнымъ примѣромъ тревожной изобрѣтательности германцевъ служитъ

[1]) Léon Daudet—Hors du Joug Allemand, стр. 154.

устройство въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Московскимъ мостомъ въ Парижѣ отдѣленія большого предпріятія Мерка изъ Дармштадта, по изготовленію химическихъ и лекарственныхъ произведеній. Этотъ Меркъ имѣетъ въ Германіи почти государственное значеніе. «Извѣстія Мерка» печатаются на четырехъ языкахъ и имѣютъ научный характеръ. Предпріятіе обслуживается множествомъ рабочихъ и произведенія его разсылаются по всей Германіи. Меркъ устроилъ свое Парижское отдѣленіе близъ моста, по которому при мобилизаціи войскъ должны слѣдовать части, посылаемыя на востокъ. На крышѣ зданія предусмотрительные директора Грушвицъ и Вейссъ возвели башню, якобы для наблюденія за ходомъ работъ. Въ дѣйствительности же она могла быть прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ за важными въ стратегическомъ отношеніи желѣзнодорожною линіею и долиною рѣки Гонны впредь до ея впаденія въ Сену. Отсюда директора могли ожидать появленія германской арміи. Любопытно, что нѣмецкій разъѣздъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Вареннѣ въ 1800 метрахъ отъ предпріятія Мерка. Въ этомъ предпріятіи находились: 1) высокая каменная труба, вполнѣ пригодная для устройства безпроволочнаго телеграфа, 2) двигатель въ 1.200 лошадиныхъ силъ, въ то время,

какъ для надобности производства достаточенъ былъ двигатель въ 100 силъ. (Эта разница въ силѣ машины—весьма любопытный примѣръ лукавой предусмотрительности германцевъ), 3) двѣ огромныхъ динамомашины, 4) приспособленіе для изготовленія льда, и 5) большія, пустыя на цементномъ основаніи построенныя залы.

Предпріятіе Мерка могло быть использовано, какъ мастерская для изготовленія артиллерійскихъ снарядовъ, какъ электрическая станція и какъ станція для безпроволочнаго телеграфа.

Незадолго до начала войны, директора настойчиво хлопотали о разрѣшеніи соединить заводъ рельсами съ желѣзнодорожнымъ путемъ. Вообще они въ обычное время, весьма сдержанные, проявили въ Іюлѣ 1914 г. необычайную энергію, увѣряли всѣхъ, что войны не будетъ, что ни народъ въ Германіи, ни императоръ ея не желаютъ. Они предлагали свои услуги для приготовленія медикаментовъ, но власти на нихъ обратили вниманіе и 2 Августа они были арестованы и отправлены въ концентраціонный лагерь.

Во многихъ большихъ городахъ, въ Парижѣ, Ліонѣ и Марселѣ былъ наложенъ секвестръ на агентство по собранію промышленныхъ и коммерческихъ свѣдѣній Шиммельпфенга. Это агентство путемъ разсылки вопросныхъ листовъ дало Гер-

маніи возможность располагать весьма подробной экономической картой Франціи и имѣть точное представленіе о финансовомъ положеніи каждаго департамента и каждаго города. Копіи со всѣхъ свѣдѣній, собираемыхъ предпріятіемъ, были посылаемы въ Берлинъ въ центральное управленіе.

Всякая отрасль торговли, промышленности, земледѣлія, равно разработка минъ, и изученіе подпочвы были предметомъ весьма тщательнаго изслѣдованія, имѣвшаго цѣлью подробно описать:

1) мѣсто, климатъ, пути сообщенія, населеніе, его денежныя средства, отношеніе туземцевъ къ иностранцамъ, положеніе депутатовъ, ихъ вліяніе,

2) количество рабочихъ и служащихъ, потребныхъ для дѣла, ихъ трудоспособность и ихъ заработокъ,

3) общую сумму издержекъ,

4) способъ производства,

5) размѣры производства—ежедневные, ежемѣсячные и годовые, высшіе и низшіе размѣры производства,

6) сырье,

7) фабричную марку,

8) стоимость производства, продажныя цѣны и т. д.

Всѣ эти свѣдѣнія были необходимы германцамъ, какъ было усмотрѣно при ихъ хищническомъ набѣгѣ на Реймсъ, по словамъ одного изъ мѣстныхъ жителей Орса, для того, чтобы нанести смертельный ударъ производству шерстяныхъ тканей, процвѣтавшему въ Реймсѣ. Германцамъ нужно было устранить невыгодную для нихъ конкуренцію и они задолго до войны собрали всѣ для нихъ необходимыя точныя свѣдѣнія. Будучи хорошо знакомы съ расположеніемъ фабрики и рабочихъ жилищъ, они сумѣли направить на нихъ мѣткій орудійный огонь. Въ мастерскихъ хищники дѣйствовали методично, рисунки, модели, книги заказовъ были уложены и отправлены въ вѣрныя мѣста. Инженеры и рисовальщики снимали копіи и дѣлали описаніе машинъ и всѣхъ матеріаловъ производствъ. Денежные ящики были взломаны, торговыя книги облиты керосиномъ и сожжены. Изъ складовъ были похищены цѣлые тюки товара и образцовъ, пригодныхъ для немедленнаго воспроизведенія въ Германіи. И болѣе сотни вагоновъ было отправлено въ фабричные центры Рейнскихъ провинцій. Истребленіе торговыхъ книгъ создастъ для Реймскихъ фабрикантовъ затрудненіе при

разсчетѣ съ кредиторами. Что же касается до жилищъ рабочихъ, то они безпощадно истреблялись. Насколько собираніе свѣдѣній было широко поставлено въ Реймсѣ, усматривается изъ словъ одного мѣстнаго жителя, удостовѣрившаго, что въ Реймсѣ было разстрѣлено болѣе 70 шпіоновъ, жившихъ въ городѣ и обнаруженныхъ во всѣхъ отрасляхъ производства, во всѣхъ классахъ общества».

Это истребленіе фабрикъ, это планомѣрное разрушеніе ихъ составляетъ одно изъ новшествъ міровой борьбы нашихъ дней. Благодаря свѣдѣніямъ, сообщаемымъ агентствомъ Шиммельпфенга, германцы, располагая, кромѣ того, широкою организаціею шпіонажа, обладали самыми точными свѣдѣніями о всѣхъ отрасляхъ производства, имѣвшихъ для нихъ какой либо интересъ. А насколько они умѣли злоупотреблять довѣріемъ своихъ сосѣдей, видно изъ того, что фабрикантъ Гейнкель воздвигъ зданіе своей фабрики въ Реймсѣ среди казармъ артиллерійскаго парка, различныхъ интендантскихъ построекъ и при томъ такъ, что изъ оконъ зданія служащіе могли наблюдать за движеніемъ военныхъ поѣздовъ въ трехъ различныхъ направленіяхъ. До войны германцы въ Реймсѣ были полными хозяевами и безпощадною бомбардировкой города они жестоко

отплатили за довѣріе наивныхъ Реймскихъ граждан.

Весьма своеобразенъ новый пріемъ германцевъ при назначеніи губернаторами городовъ нѣмцевъ, обитавшихъ до войны въ этихъ городахъ. Такъ въ Лилѣ губернаторомъ былъ назначенъ нѣмецкій офицеръ Копель, передъ тѣмъ жившій въ городѣ. Въ Рубэ—нѣкто Нюрнбергъ, хорошо извѣстный мѣстнымъ жителямъ.

Въ Витри—Ле-Франсуа получили особое значеніе братья Максимиліанъ и Альбертъ Фальки, нынѣ арестованные. Когда нѣмецкія войска вошли въ городъ, командовавшій ими арестовалъ заложниковъ и спросилъ ихъ: гдѣ Фальки? Узнавъ, что они арестованы, онъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ и хотѣлъ покончить съ заложниками, но, повидимому, только опасеніе повредить имъ смягчило гнѣвъ тевтона. Изъ сказаннаго видно, какъ хороша освѣдомленность германцевъ.

Съ какою послѣдовательностью германцы готовились къ войнѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что когда одному садовнику понадобился хорошій помощникъ, то на его приглашеніе отозвался весьма приличный молодой человѣкъ, отлично знавшій свое дѣло. По условію, онъ два раза въ мѣсяцъ на короткое время отлучался

 *

для свиданія со своимъ семействомъ. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда, при вступленіи германскихъ войскъ въ мѣстечко, оказалось, что образцовый садовникъ вышелъ изъ квартиры, ему предоставленной, въ формѣ уланскаго офицера. Смѣясь, онъ сказалъ хозяину и его сосѣдямъ: «не правда ли, вѣдь, вы ничего подобнаго не подозрѣвали?»

Эта тонкая сѣть шпіонажа, окутавшая пограничные съ Германіей французскіе департаменты, создала для германцевъ условія, весьма облегчавшія наступленіе германскихъ полчищъ на французскую територію, и дала германцамъ возможность во время войны оказывать черезъ своихъ шпіоновъ помощь германской арміи самыми разнообразными способами.

Великая міровая война была подготовлена германцами съ особымъ тщаніемъ, какъ война строго научная и техническая, къ дѣятельному участію въ которой приглашались спеціалисты различныхъ отраслей знанія. Руководствуясь этими соображеніями, къ германскимъ арміямъ главный штабъ прикомандировалъ химиковъ, физиковъ, механиковъ, дающихъ свои совѣты и указанія о томъ, въ какой степени нужно сохранить или уничтожить фабрику, заводъ, складъ, магазинъ, или какое либо предпріятіе. Германцы

съ самаго начала войны не разрушаютъ имущество бывшихъ съ ними въ общеніи въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Охраняютъ также товары, носящіе клеймо Made in Germany, а равно и всѣ отрасли производства, въ которыхъ они нуждаются въ занятой ими части Франціи. И, наоборотъ, они систематически истребляютъ все, что могло конкурировать имъ, все, что по окончаніи войны могло быть полезно французамъ; разграниченіе происходитъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Къ этому отвѣтственному труду привлеченъ извѣстный химикъ профессоръ Берлинскаго Университета Фишеръ, называемый нѣмецкимъ Бертолетомъ, онъ одинъ изъ подписавшихъ манифестъ 93-хъ. Этотъ милліонеръ сопровождаетъ главный штабъ и состоитъ экспертомъ въ вопросахъ о конфискаціи и истребленіи. Въ его распоряженіи цѣлый штатъ молодыхъ ученыхъ, помогающихъ ему въ его постыдной и нечистоплотной работѣ.

Въ продолженіе послѣдняго пятнадцатилѣтія, во всѣхъ промышленныхъ отрасляхъ особый германскій техникъ долженъ былъ слѣдить во Франціи за развитіемъ дѣла, долженъ былъ стараться ввести въ предпріятіе германскіе капиталы, стараться германизировать предпріятіе. Если какая нибудь фабрика предста-

влялась для германцевъ почему либо нежелательной, то давалось распоряженіе о непремѣнномъ устраненіи неудобнаго конкурента и о монополизаціи производства съ тѣмъ, чтобы на случай войны лишить Францію возможности пользоваться его произведеніями. Подготовляя все къ побѣдѣ надъ врагомъ, германцы стремились къ тому, чтобы не только раздавить, но и разорить его.

Германія въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, пользовалась не только услугами своихъ агентовъ, но и содѣйствіемъ французской полиціи. Германскіе консула въ Парижѣ и другихъ городахъ посылали въ полицейскую префектуру запросы о дѣятельности своихъ агентовъ. Префектура весьма любезно сообщала подробно о томъ, гдѣ агентъ служилъ, какъ онъ жилъ, какія у него были связи и т. д. Въ день объявленія войны болѣе 300 подобныхъ запросовъ было на разсмотрѣніи Парижской префектуры.

Германцы и австрійцы были весьма любезно принимаемы администраціею. Анонимное германское общество смазочныхъ маслъ Stern Sonneborn исключительно поставляло свои произведенія французскимъ автомобилямъ, поставляло ихъ также арсеналу въ Туллѣ, Сенской префектурѣ и военному флоту. Главное Управленіе этого общества, между тѣмъ, находилось въ Гамбургѣ

и въ составъ его администраціи входили главнымъ образомъ германцы. Около тридцати нѣмецкихъ предпріятій находилось въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ.

Насколько германцы умѣли обманывать близорукую и довѣрчивую администрацію, можно видѣть изъ того, что произошло въ Крейлѣ при проходѣ германскихъ войскъ; большинство офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, участвовавшихъ въ дикихъ оргіяхъ, проживало въ Крейлѣ до начала войны на службѣ Всеобщей Компаніи Электричества (Сименсъ-Шукертъ). Всѣ окрестныя селенія кишѣли нѣмецкими шпіонами, вносившими глубокое растлѣніе въ жизнь мѣстнаго населенія[1]).

Германцы обнаруживаютъ необыкновенную изобрѣтательность въ изысканіи способовъ въ осуществленіи намѣченной ими цѣли. Такъ года два тому назадъ въ окрестностяхъ Сенъ-Михэля нѣмецкое общество фабрикантовъ химическихъ продуктовъ заарендовало на 50 лѣтъ участокъ земли. Оно приступило къ постройкѣ большого зданія, полъ котораго въ 250 метровъ длины и 30 ширины былъ сдѣланъ изъ необыкновенно прочнаго цемента. Затѣмъ, ссылаясь на финансовыя затрудненія, общество прекратило свою дѣя-

---

[1]) Léon Daudet—Hors du Joug Allemand, стр. 172.

тельность, цементная же платформа осталась, и германцы ею воспользовались для установки тяжелой артиллерiи, принимавшей дѣятельное участiе въ бомбардировкѣ.

Весьма существенную помощь наступающимъ во Францiю германскимъ войскамъ оказали германскiе колонисты, жившiе недалеко отъ пограничной черты. Нынѣ установлено, что въ Беврѣ фермеры и ихъ работники проявили особую дѣятельность. Они не только прятали германцевъ, но и были ихъ проводниками въ покрытыхъ лѣсами болотахъ, мало обозначенныхъ даже на лучшихъ картахъ. Во время самыхъ столкновенiй они оказывали существенную помощь германцамъ, знакомя ихъ съ мѣстомъ нахожденiя противника. Многiе изъ нихъ, застигнутые врасплохъ, были разстрѣляны. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись. Власти были вынуждены, вслѣдствiе этого, предписать эвакуацiю всѣхъ деревень, отстоящихъ отъ границы въ 10 километрахъ.

Додэ по этому поводу припоминаетъ, что въ книгѣ своей L'Avant-Guerre онъ писалъ: «наши сосѣди придаютъ въ настоящее время особое значенiе этой мѣстности, призванной при мобилизацiи дать германцамъ возможность устроить укрѣпленiя на французской територiи, въ ко-

торыхъ въ ожиданіи этого критическаго дня будутъ подготовляться хорошіе путеводители и развѣдчики».

Когда германская армія вторглась во Францію, ознаменовавъ свое шествіе поджогами домовъ и грабежомъ, дома германскихъ шпіоновъ были пощажены войсками кайзера. На стѣнахъ этихъ домовъ были сдѣланы надписи, приглашающія не трогать этихъ зданій.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ самый разгаръ войны германцы имѣли и несомнѣнно нынѣ имѣютъ надежныхъ агентовъ, живущихъ во Франціи и тщательно ограждающихъ германскіе интересы. Такими агентами являются, какъ ихъ называютъ, Дельбрюковскіе подданные, т. е. германцы, принявшіе, на основаніи закона Дельбрюка, французское подданство, съ сохраненіемъ обязательства дѣятельно служить интересамъ Германіи. Ненатурализованные германцы, проживавшіе во Франціи, по объявленіи войны поспѣшили вернуться въ Германію. Хорошо зная топографическія условія мѣстности, они оказались особенно полезными для авангардной службы. Нѣкоторые изъ недавно принявшихъ подданство были также возвращены въ Германію. Всѣ же прежде натурализованные были оставлены во Франціи. Ихъ

подчинили надзору особаго техническаго комитета, обязаннаго наблюдать за дѣятельностью этихъ агентовъ, именуемыхъ французскими подданными, но въ дѣйствительности ревностно служащихъ Германіи. Любопытный примѣръ такого систематизированнаго предательства являетъ собою германское предпріятіе электрическихъ лампъ «Осрамъ». Фабрика, принадлежащая этому предпріятію, находится въ Парижѣ близъ арсенала Пютъ. Главные распорядители ея фонъ Оппель и Гуго-Арндъ служатъ въ Германской арміи, а третій распорядитель натурализованный австріецъ преспокойно живетъ въ Парижѣ и получилъ даже назначеніе по автомобильной службѣ.

Общественное мнѣніе во Франціи было послѣ начала войны весьма встревожено свѣдѣніями о крупныхъ захватахъ, сдѣланныхъ германцами въ области металлургіи. Извѣстный предприниматель Августъ Тиссенъ, руководствуясь внушеніями самого кайзера, широко развилъ горнозаводское дѣло въ Нормандіи. Французскіе металлы понадобились германцамъ для изготовленія орудій, направляемыхъ противъ той же Франціи. Особое вниманіе Тиссена было обращено на Діелетскіе рудники близъ Шербурга. Германцевъ неудержимо влекло къ Ламаншу, имъ хотѣлось, завладѣвъ сокрытыми во Французской землѣ

минеральными богатствами, утвердиться на морскомъ берегу и найти тамъ прочную основу для борьбы съ исконнымъ врагомъ—Англіею.

Было бы ошибочно думать, что германцы интересовались только сѣверными департаментами Франціи. Ихъ вниманіе было давно обращено и на Ліонъ и на побережье Средиземнаго моря. Въ Ліонѣ они открыли отдѣленіе всѣхъ своихъ Парижскихъ предпріятій. А въ Эксѣ германецъ Шиммель устроилъ заводъ, нынѣ секвестрованный, на мѣстѣ важномъ въ стратегическомъ отношеніи между мостомъ и желѣзнодорожной станціею. Шиммель имѣлъ дерзость украсить заводскую трубу большою прусскою каскою. Вскорѣ послѣ объявленія войны, населеніе, озлобленное противъ ненавистной прусской эмблемы, разбило каску и замѣнило ее трехцвѣтнымъ флагомъ. Шиммель въ Эксѣ оставилъ послѣ себя печальную память, онъ вырубилъ сотни кипарисовыхъ деревъ. Любопытно, что германцы, гдѣ только имъ представлялось возможнымъ, истребляли во Франціи лѣса, это естественное богатство и украшеніе страны. Такъ, въ Корсикѣ они съ особымъ рвеніемъ набросились на стародавнія каштановыя рощи.

Французская Ривьера особенно полюбилась нѣмцамъ. Они забрали въ свои цѣпкія руки

множество гостинницъ и наполнили ихъ своими служащими. Нерѣдко германцы выступали здѣсь подъ прикрытіемъ швейцарскаго флага.

Въ виду большой Тулонской гавани на возвышенности поселился нѣкто Удэ, отставной Зитенскій гусаръ. Додэ незадолго до войны обратилъ въ печати вниманіе на крайне загадочную дѣятельность этого предпріимчиваго германца, имѣвшаго возможность постоянно наблюдать изъ своего жилища за всѣмъ, что происходило въ важной въ морскомъ отношеніи военной гавани. Отставной гусаръ обидѣлся, привлекъ Додэ къ отвѣтственности, обратился къ разнымъ посламъ и высокопоставленнымъ лицамъ съ просьбою объ огражденіи его отъ нападковъ Додэ. Но всѣ хлопоты оказались напрасными, а тулонскій судъ оставилъ жалобу Удэ безъ послѣдствій и приговорилъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Но Удэ не успокоился, онъ принесъ апелляціонную жалобу въ Экскій судъ со взысканіемъ съ отвѣтчика 10000 франковъ въ возмѣщеніе убытковъ и напечатаніемъ 100 публикацій приговора на счетъ отвѣтчика. Экскій судъ, желая съ одной стороны обуздать пруссака, а съ другой опасаясь вліятельныхъ покровителей Удэ, пошелъ на компромисъ и приговорилъ его къ уплатѣ 50 франковъ въ возмѣщеніе убытковъ; въ

просьбѣ же о напечатаніи приговора отказалъ. На другой день послѣ объявленія войны Удэ былъ арестованъ, когда садился въ автомобиль, собираясь бѣжать изъ Франціи. Не взирая на его протестъ, онъ былъ сосланъ на островъ Св. Маргариты и преданъ военному суду.

Германцы, опутывая своими незримыми сѣтями многія отрасли французской промышленности, не могли, конечно, оставаться безучастными къ вопросамъ биржевымъ и финансовымъ. Наиболѣе выдающимся изъ биржевыхъ пиратовъ еврейскаго происхожденія баронъ Розенбергъ довелъ своимъ цинизмомъ незадолго до начала войны общество до такого озлобленія, что полиція была вынуждена принять особыя мѣры къ огражденію его. Этотъ Розенбергъ вмѣстѣ съ однимъ биржевикомъ учредилъ земледѣльческое общество и въ началѣ войны исчезъ съ 1.900.000 франковъ. Весьма страннымъ показался выборъ мѣста, сдѣланный этимъ обществомъ въ Тунисѣ на берегу моря близъ гавани, дававшій возможность устроить большой складъ для орудій и снарядовъ. Подобный складъ могъ бы сослужить большую службу и Гебену и Бреслау.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ извѣстные германскіе банки Deutsche Bank, Dres-

dener Bank и Disconto Bank въ Берлинѣ [1]) производили за кулисами нѣмецкихъ банковъ въ Парижѣ крупныя денежныя операціи. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ банковъ былъ банкъ Алара. Главное стремленіе этихъ банковъ заключалось въ томъ, чтобы добиться котировки на Парижской биржѣ нѣмецкихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ и т. п. По отношенію къ агентамъ финансовымъ нужно сказать, что дѣятельность ихъ далеко не увѣнчалась такимъ же успѣхомъ, какъ дѣятельность агентовъ въ сферѣ промышленной, но въ Парижѣ дѣятельность эта проявилась съ большею силою. Вообще на Парижъ было обращено германцами особое вниманіе. Въ планъ ихъ войны входило предположеніе занять Парижъ черезъ пятнадцать дней послѣ объявленія войны. Въ теченіе 15 лѣтъ они готовились къ этому захвату Парижа съ чисто германской настойчивостью. Различныя промышленныя заведенія и фабрики были устроены ими близъ желѣзнодорожныхъ станцій и въ мѣстностяхъ, особенно удобныхъ для наблюденія за военными дѣйствіями. Были подготовлены стоянки для военныхъ автомобилей, предназначенныхъ для особыхъ командъ поджигателей. Въ разныхъ мѣ-

[1]) Léon Daudet—Hors du Joug Allemand, стр. 201.

стахъ были подготовлены склады оружія и горючихъ взрывчатыхъ веществъ, склады продовольственные и для храненія германскихъ мундировъ. Были собраны при посредствѣ агентства Шиммельпфенга подробныя свѣдѣнія о состоятельности лицъ, живущихъ въ каждомъ изъ городскихъ участковъ. Были намѣчены лица, долженствующія принять участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія завоеванной столицы Франціи. Все было подготовлено для того, чтобы натурализованные германцы и австрійцы превратили въ нѣмецкій Парижъ Парижъ французскій. Марнская побѣда французовъ разстроила всѣ эти предательскіе планы германцевъ. Нынѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Вильгельмъ II имѣлъ намѣреніе возвѣстить въ Парижѣ въ 1914 г. начало новой эры міровой политики Германіи, подобно тому, какъ въ 1871 году въ Версалѣ было возвѣщено возникновеніе германской имперіи.

Секвестръ многихъ германскихъ предпріятій въ Парижѣ обнаружилъ удивительную изобрѣтательность и изворотливость германцевъ въ подготовленіи почвы для мирнаго завоеванія столицы Франціи. Однимъ изъ главныхъ центровъ военной нѣмецкой организаціи въ Парижѣ была фабрика оптическихъ инструментовъ Цейсса;

тамъ ежедневно собирались задолго до начала войны различные германскіе агенты для обсужденія текущихъ дѣлъ. Собранія эти бывали столь шумны и многолюдны, что сосѣди, потерявъ терпѣнье, обратили вниманіе полиціи на эти странныя сборища. Додэ внимательно слѣдилъ за этими собраніями и обнаружилъ весьма энергичную дѣятельность нѣкоего барона Пфлюкга, предназначеннаго на случай занятія Парижа комендантомъ фортовъ, окружающихъ Парижъ.

Между лицами, обратившими на себя особое вниманіе властей, можно указать на лейтенанта фонъ-Оппеля. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей германскихъ шпіоновъ, а для видимости состоялъ директоромъ Общества электрической лампы «Осрамъ». Управленіе этой фирмой находилось, какъ было выше сказано, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ большимъ арсеналомъ. Другой руководитель предпріятія Гуго Арндтъ бѣжалъ немедленно послѣ указа о мобилизаціи. Любопытно, что за нѣсколько дней до объявленія войны 3.985.000 франковъ были переведены фирмою «Осрамъ» въ Дрезденскій банкъ въ Берлинѣ.

Весьма значительную дѣятельность проявила въ Парижѣ Всеобщая Электрическая Компанія, пользующаяся особымъ покровительствомъ Виль-

гельма II. Во Франціи она именовалась Французскимъ Обществомъ Электричества. Его главнымъ руководителемъ состоялъ Вальтеръ Ратенау, близкій кайзеру человѣкъ, его правою рукою былъ Эрнестъ Турнауеръ, баварецъ, натурализованный американцемъ. Благодаря этимъ двумъ лицамъ, большое электрическое предпріятіе оказалось бы при занятіи Парижа германцами въ ихъ полномъ распоряженіи.

Насколько въ военномъ отношеніи Парижъ въ дни глубокаго мира былъ подготовляемъ для военныхъ цѣлей натурализованными германцами видно изъ обнаруженія въ разныхъ мѣстахъ города крѣпкихъ бетонныхъ платформъ, подготовленныхъ для установки орудій. Въ Парижѣ существовало отдѣленіе союза нѣмецкаго флота, объединявшее дѣятельность германскихъ шпіоновъ, внимательно слѣдившихъ за всѣми усовершенствованіями, вводимыми во флотѣ французскомъ.

Не забыта германцами была, конечно, и печать. Они имѣли двѣ ежедневныя газеты, объединявшія дѣятельность различныхъ агентовъ и сообщавшія весьма для германцевъ необходимыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ политической и экономической жизни страны. Додэ указываетъ на Бертольда Фришауера и Макса

Нордау германскаго еврея, какъ на главныхъ руководителей газетнаго шпіонажа. Имена французскихъ писателей, враждебно къ германцамъ относящихся, были хорошо извѣстны руководителямъ германской политики во Франціи и не сдобровать бы послѣ взятія Парижа честнымъ французскимъ публицистамъ, зорко слѣдившимъ за подпольною дѣятельностью германцевъ, безсовѣстно злоупотреблявшихъ довѣріемъ, съ которымъ къ нимъ относились во Франціи.

Озлобленіе, охватившее весь цивилизованный міръ, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе понятнымъ. Германцы съ научною последовательностью и поразительнымъ постоянствомъ проникаютъ въ различныя предпріятія и, злоупотребляя гостепріимствомъ страны, направляютъ свою негласную дѣятельность къ тому, чтобы незамѣтно осуществить излюбленную цѣль подчинить страну сначала экономическому, а затѣмъ политическому вліянію германскаго сверхгосударства. Система двойного подданства создаетъ для нихъ совершенно исключительныя условія дѣятельности. Эти Дельбрюковскіе подданные, пользуясь во Франціи всею полнотою гражданскихъ и политическихъ правъ, направляютъ всю свою дѣятельность противъ самыхъ жизненныхъ интересовъ Франціи, именуясь фран-

цузами, они губили Францію. Эта ложь, возведенная въ основное начало жизни, создаетъ невозможныя условія для соціальнаго и политическаго быта. И удивительное дѣло, церковная политика Германіи была до конца перваго десятилѣтія настоящаго вѣка явно враждебна іезуитамъ. Ихъ ученіе о томъ, что цѣль оправдываетъ средства, осуждалось. Ихъ вліяніе на нравственный уровень населенія признавалось гибельнымъ, въ Германію ихъ не допускали и въ то же время, въ Германіи додумались до нетерпимаго съ точки зрѣнія государственной добропорядочности закона о двойномъ подданствѣ, закона, имѣющаго много общаго съ системой іезуитской, допускающей принадлежность лицъ къ двумъ исповѣданіямъ. Іезуиты, зараженные душехватствомъ, разрѣшаютъ лицамъ, тайно присоединеннымъ къ церкви римской, явно числиться въ церкви, въ которой они родились. Подобные случаи бывали и въ Россіи. Нѣкоторыя высокопоставленныя лица уловлялись добрыми отцами, увѣрявшими ихъ, что они могутъ внѣшнимъ образомъ принадлежать къ церкви православной, могутъ по православному молиться и явно не отпадать; въ душѣ же тайно принадлежать къ римской церкви, исповѣдуясь и пріобщаясь у латинскихъ священниковъ. И въ томъ и другомъ слу-

чаѣ—измѣна. Такое извращеніе самыхъ основныхъ понятій о правдѣ, какъ коренномъ началѣ государственнаго и церковнаго быта, свидѣтельствуетъ о крайнемъ пониженіи нравственнаго уровня и германцевъ и іезуитовъ. Система двойного подданства вноситъ полное разложеніе въ общественный и государственный строй, злое предательство возводится въ законъ жизни. Тотъ же человѣкъ, именуясь французомъ, трудится на пользу Германіи, измѣняя Франціи, служитъ кайзеру. Такое научно построенное предательство является позоромъ для германцевъ нашихъ дней, и невольно возникаетъ грозный вопросъ для всѣхъ странъ, обладающихъ болѣе или менѣе численнымъ германскимъ населеніемъ. Какія же мѣры принимать въ дни войны съ внѣшнимъ врагомъ, когда въ предѣлахъ самой страны этотъ врагъ, набросивъ на себя личину подданнаго этой страны, втихомолку проявляетъ свою вредную дѣятельность, тѣмъ болѣе опасную, что для многихъ, если не для всѣхъ, онъ представляется своимъ, а не врагомъ? Помимо войны съ врагомъ явнымъ, приходится имѣть дѣло и съ врагомъ тайнымъ, изощрившимся въ искусствѣ скрывать свою дѣятельность. Жутко становится при мысли, что эти предатели, эти тайные враги, наполняютъ всю землю. Зная, что они существуютъ, люди ста-

новятся подозрительными, и жизнь общества отравляется постоянной тревогой. Солидарность между людьми, это важное условіе жизненнаго развитія страны, оказывается поколебленной, извѣты, доносы становятся неизбѣжнымъ удѣломъ страны, потрясенной предательствомъ. И по окончаніи войны, двойное подданство породитъ много тяжелыхъ заботъ для всѣхъ странъ, имѣющихъ въ составѣ своихъ гражданъ тайныхъ германцевъ. Дельбрюковскіе подданные должны быть безповоротно осуждены международнымъ соглашеніемъ всѣхъ культурныхъ государствъ. Двойные подданные всегда будутъ являться угрозой для безопасности страны и потому не могутъ быть терпимы въ международномъ общежитіи.

Додэ [1]) весьма вѣрно указываетъ на то, что современная война получила совершенно особый техническій, такъ сказать, научный характеръ. При германскомъ главномъ штабѣ состоитъ извѣстный профессоръ химіи, Эмиль Фишеръ. Сопровождая армію съ цѣлымъ штатомъ спеціалистовъ, сотрудниковъ, онъ тщательно обозрѣваетъ всѣ фабрики и промышленныя заведенія и рѣшаетъ, какія изъ этихъ зданій должны быть разрушены и какіе предметы должны быть напра-

[1]) Léon Daudet Hors du Joug Allemand, стр. 248.

влены въ Германію. Въ распоряженіи Его Превосходительства профессора Фишера имѣются саперы, поджигатели, вооруженные всѣми техническими приспособленіями и средствами для систематическаго и вполнѣ научнаго истребленія огнемъ вражескаго имущества. Что же касается до имущества, которое признано желательнымъ сохранить, то таковое, въ явное противорѣчіе съ Гаагской конвенціей, грабится и посылается въ Германію.

Германцы дѣлаютъ все методически, даже грабежъ принимаетъ у нихъ характеръ строгой системы. Газета «Мюнхенскія извѣстія» печатаетъ цѣлую апологію разбойническихъ пріемовъ Эмиля Фишера, она, между прочимъ, сообщаетъ, что вся суть системы заключается въ слѣдующемъ руководственномъ началѣ: «изъ Германіи получать для нуждъ арміи возможно менѣе; возможно болѣе извлекать изъ завоеванной страны, и все, что не можетъ быть использовано на мѣстѣ, отсылать въ Германію. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ четыре пятыхъ потребнаго для арміи было найдено въ завоеванныхъ департаментахъ Франціи. Даже нынѣ, хотя средства края нѣсколько истощены, но наша западная армія можетъ получать три пятыхъ части всего для нее необходимаго. Черезъ что Германія дѣлаетъ ежедневно отъ 3.500.000 до 4.000.000 марокъ сбереженій.

Эта выгода, даваемая побѣдою, увеличивается еще барышами отъ войны экономической, веденной согласно съ постановленіеми международнаго права, т. е. использованіемъ огромныхъ запасовъ, вывезенныхъ изъ Бельгіи и сѣверной Франціи въ Германію, каковы предметы вооруженія крѣпостей, зерновой хлѣбъ, шерстяныя ткани, металлы, лѣсъ. Германія этой экономической войною, благоразумно веденной, пріобрѣтаетъ ежедневно до 6.000.000 или 7.000.000 марокъ, а въ общей сложности выгоды, пріобрѣтенныя Германіей на западномъ фронтѣ съ начала войны, достигаютъ приблизительно двухъ миліардовъ». По этому поводу одинъ германскій офицеръ сказалъ слѣдующее: «удивительно, чего только не сумѣетъ изучить человѣкъ! Въ дѣйствительности я гвардейскій офицеръ изъ Потсдама, а нынче торгую лѣсомъ и шерстью и даже съ успѣхомъ». Совершенно непонятнымъ представляется указаніе на то, что грабежъ производится согласно съ постановленіями международнаго права, ст. 46 Гаагской конвенціи прямо воспрещаетъ конфискацію частной собственности.

Между германскими шпіонами особенно выдѣлились братья Германъ и Вальтеръ фонъ-Муммъ, первый изъ нихъ лейтенантъ въ отставкѣ, прикомандированный къ главному штабу,

владѣтель извѣстной фирмы шампанскаго, военный авіаторъ и хозяинъ извѣстной скаковой конюшни во Франціи. Германъ фонъ-Муммъ типичный шпіонъ, но шпіонъ баринъ, къ которому, конечно, ни одинъ полицейскій не посмѣлъ бы прикоснуться. Какъ близкій Вильгельму II человѣкъ, онъ вѣрилъ, что къ 15 Августа германскія войска торжественно вступятъ въ Парижъ и съ своей стороны, проживая до войны въ Парижѣ и преимущественно въ Реймсѣ, сдѣлалъ все, чтобы облегчить дѣйствія германской арміи въ Шампани. Муммъ сумѣлъ создать себѣ исключительное положеніе въ Реймсѣ. Располагая крупными средствами, онъ часто принималъ германскихъ офицеровъ, постоянно посѣщавшихъ его, сумѣлъ онъ также расположить въ свою пользу мѣстное французское общество; отдѣльные голоса, предостерегавшіе противъ безусловнаго довѣрія къ нему, не поколебали его положенія. Въ дѣйствительности домъ Мумма въ Реймсѣ былъ центромъ сложной организаціи цѣлой шайки шпіоновъ, сумѣвшей значительно облегчить успѣхъ нѣмецкаго вторженія. Германская армія нашла въ Шампани цѣлый рядъ условій, весьма благопріятствовавшихъ ея успѣху: бетонныя площадки, подготовленныя для тяжелой артиллеріи, даже склады оружія. Быстрый разгромъ цвѣтущей

Шампани въ значительной степени былъ подготовленъ Генрихомъ Муммомъ. Вскорѣ послѣ начала войны пронеслась вѣсть, что Муммъ, осужденный военнымъ судомъ, былъ разстрѣлянъ и его тесть, извѣстный генералъ фонъ-Мантейфель, вбѣжавъ къ одному продавцу шампанскаго, грозно съ крикомъ спрашивалъ: «что сдѣлали вы съ моимъ зятемъ Муммомъ?» Въ дѣйствительности его не разстрѣляли, а въ началѣ войны отправили въ концентраціонный лагерь въ Бретани.

Что же касается до другого брата, до Вальтера фонъ-Мумма, то германскія власти, оставивъ Генриха во Франціи, Вальтера потребовали въ Германію, куда онъ спѣшно отбылъ за нѣсколько дней до объявленія войны.

Вильгельмъ II придаетъ шпіонажу особое значеніе. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ посѣтилъ Англію, то къ немалому удивленію англичанъ онъ привезъ съ собою 30 секретарей, которые въ дѣйствительности были агентами, привлеченными къ устройству законченнаго и планомѣрнаго шпіонажа въ Англіи. Въ 1911 г. Вильгельмъ II лично представилъ королю Эдуарду Штейнгауера, получившаго извѣстность выдающагося руководителя германскихъ шпіоновъ въ Англіи.

Большую огласку получилъ трагическій конецъ прусскаго шпіона Карла-Ганса Лоди. По

приговору военнаго суда въ Ноябрѣ 1914 г. онъ былъ казненъ въ Лондонской башнѣ, послѣдняя казнь въ которой состоялась въ половинѣ XVIII вѣка. Этотъ профессіональный нѣмецкій шпіонъ провелъ въ Англіи около четырехъ мѣсяцевъ, куда онъ прибылъ съ американскимъ паспортомъ на имя Карла А. Инглиза. Ближайшее знакомство съ этимъ страннымъ дѣломъ привело къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Карлъ А. Инглизъ оказался не вымышленнымъ, а настоящимъ американцемъ, проживающимъ въ Нью-Іоркѣ. Шпіонъ Лоди предъявилъ не поддѣльный, а настоящій паспортъ этого американца. Полученъ былъ этотъ паспортъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Инглизъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, передалъ свой паспортъ, который по официіальному заявленію министерства иностранныхъ дѣлъ оказался затеряннымъ. Такимъ образомъ Лоди, получивъ паспортъ Инглиза, прибылъ съ его паспортомъ въ Англію и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, прикрываясь чужимъ именемъ, производилъ свои темныя дѣянія, пока, наконецъ, не былъ арестованъ и преданъ суду. По имѣющимся свѣдѣніямъ болѣе 200 лицъ пользуются американскими паспортами и, именуясь чужими американскими фамиліями, исполняютъ различныя порученія, на

нихъ возлагаемыя. Насколько германцы неразборчивы въ выборѣ средствъ, видно изъ того, что они привлекаютъ въ ряды шпіоновъ молодыхъ дѣвушекъ. Такъ къ одному изъ видныхъ англійскихъ государственныхъ людей поступила гувернанткою молодая образованная нѣмка. Проживъ около двухъ лѣтъ въ семьѣ, она сумѣла расположить къ себѣ всѣхъ живущихъ въ домѣ. Въ ея распоряженіе отвели уединенную бесѣдку въ саду. Однажды садовникъ, проходя мимо бесѣдки, увидалъ гувернантку, лежащую на полу безъ чувствъ. Хозяйка дома поспѣшила къ ней и къ величайшему удивленію нашла у нея на столѣ копіи, списанныя ею съ государственныхъ документовъ первостепенной важности. Былъ также найденъ дневникъ гувернантки, ясно свидѣтельствовавшій о томъ, насколько она усердно исполняла свои обязанности по шпіонажу. Широкое развитіе дѣятельности шпіоновъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества, свидѣтельствуетъ о глубокомъ паденіи нравственнаго достоинства въ современной Германіи. Въ безумномъ стремленіи къ владычеству надъ всѣмъ міромъ германцы не останавливаются въ выборѣ средствъ и утратили способность дѣйствовать лишь чистыми и честными средствами. Эти непозволительные съ

точки зрѣнія государственной порядочности пріемы налагаютъ на всѣ культурныя страны обязанность давать германцамъ самый рѣшительный и постоянный отпоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность ихъ направляется въ ущербъ самостоятельному развитію и свободѣ негерманскихъ странъ. Французское правительство обнаружило весьма похвальную твердость въ борьбѣ съ германскимъ электрическимъ обществомъ, съ «Осрамомъ» и другими предпріятіями, которыя, развивъ широко свои операціи во Франціи и имѣя даже уставы, утвержденные во Франціи, въ дѣйствительности были установленіями совершенно нѣмецкими, управлявшимися изъ Берлина. Французское правительство наложило на эти предпріятія секвестръ и тѣмъ устранило дальнѣйшую возможность существованія явно враждебныхъ странѣ организацій въ тяжкую годину народной войны. Примѣръ Франціи приходитъ на память по поводу многократныхъ ходатайствъ Московскаго Городского Управленія о секвестрѣ Электрическаго Общества 1886 г. Какъ это Общество, такъ и неразрывно съ нимъ связанное Общество Электропередача, принадлежа къ нѣмецкому тресту, являются учрежденіями германскими, только для отвода глазъ имѣющими русскіе уставы. Рас-

полагая значительными средствами и широко развивая свою дѣятельность, эти общества получили крупное государственное значенiе, управляемыя изъ Берлина, они подчиняютъ важныя отрасли русской промышленности германскому влiянiю. Берлинское Управленiе является хозяиномъ внутренней экономической жизни страны. Берлинъ, если не захочетъ дать тому или другому предпрiятiю электрическую энергiю, можетъ лишить его возможности существовать и дѣйствовать. Такое хозяйничанiе не можетъ быть допущено. Въ мирное время секвестръ крупнаго нѣмецкаго предпрiятiя будетъ несомнѣно сопряженъ съ непреодолимыми затрудненiями. Во время же войны дѣло упрощается. Государство не можетъ и не должно, охраняя свою экономическую и вмѣстѣ съ тѣмъ политическую самостоятельность, терпѣть то чудовищное положенiе, что чужеземцы, обманнымъ образомъ захватившiе непредоставленную имъ закономъ страны власть, распоряжаются ею, какъ имъ вздумается, отнюдь не имѣя попеченiя о благѣ и пользѣ самой страны. Французамъ война открыла глаза, они увидали, съ какимъ постоянствомъ, наглостью и цинизмомъ германцы начали распоряжаться во Францiи, экономически порабощая цѣлыя отрасли производства. Не по-

вѣрили французы попыткамъ германцевъ прикрыть свои недостойныя продѣлки иностраннымъ покровительствомъ, или иностраннымъ флагомъ. Всѣ швейцарскія и американскія попытки оградить германскія притязанія были устранены. Остается пожелать, чтобы и Россія сумѣла стряхнуть съ себя германскія путы, мѣшающія свободному росту ея доселѣ далеко неиспользованной національной мощи.

Французская литература, посвященная вопросамъ, возбужденнымъ нынѣшнею міровою войною, вполнѣ раскрываетъ нетерпимыя притязанія германизма. Носители идеи сверхгосударства увѣровали въ свою миссію подчинить себѣ весь міръ. Считая себя избраннымъ народомъ, на всѣ остальные народы Германцы смотрятъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Эти жалкія расы должны быть порабощены нѣмцами. «Германія превыше всего». Злополучнымъ славянамъ отводится позорное назначеніе навоза, пригоднаго для удобренія тучныхъ пажитей, воздѣлываемыхъ германцами. Во имя насущныхъ потребностей своего существованія, своей свободы и самобытности, всѣ негерманскіе народы должны довести міровую войну до конца. Прусскій милитаризмъ, исказившій до неузнаваемости нѣмецкую культуру, долженъ быть, дружными усиліями всего

человѣчества, сломленъ навсегда. Только на развалинахъ прусскаго милитаризма, угрожающаго разореніемъ всему человѣчеству, можетъ быть заключенъ прочный міръ, обезпечивающій каждому народу возможность достиженія имъ той полноты національнаго развитія, которая, совмѣстно съ культурою другихъ народовъ, будетъ способствовать дѣйствительному преуспѣянію всего человѣчества. Только тогда правда и справедливость восторжествуютъ надъ насиліемъ и ложью.

12 Октября 1915 года.
Село Богословское.

ЛИТЕРАТУРА.

Французская литература за послѣдніе 14 мѣсяцевъ обогатилась цѣлымъ рядомъ книгъ и статей въ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ великую міровую войну между Германскою и Австро-Венгерскою Имперіями и государствами, признавшими необходимость оградить самобытность и свободу культурныхъ странъ отъ порабощенія пангерманскимъ имперіализмомъ. Полны живого интереса книги французскихъ писателей о способахъ веденія войны цивилизованными варварами XX вѣка, о разрушеніи ими священныхъ памятниковъ старины, о нарушеніи постановленій Женевской и Гаагской конвенцій и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ дали обильный матеріалъ для настоящаго очерка, таковы, напр., труды А. Шерадама (André Cheradame: L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle. Paris 1901; La Paix que voudrait l'Allemagne. Paris 1915), Г. Блонделя (Georges Blondel. La Doctrine Pangermaniste. Paris 1915), Е. Лависса и Ш. Андлера (E. Lavisse et Ch. Andler. Practique et doctrine allemandes de la guerre. Paris 1915), I. Бедіэ (Joseph Bedier. Comment l'Allemagne essaye de justifier ses crimes. Paris 1915), Е. Дюркгейма (E. Durkheim. L'Allemagne au-dessus de tout. Paris 1915), Е. Дюркгейма и Е. Дени (E. Durkheim et E. Denis. Qui a voulu la guerre? Paris 1915), Фино

(Jean Finot. Civilisés contre Allemands. Paris 1915), Г. Ланлуа (Gabriel Langlois. L'Allemagne Barbare. Paris 1915), М. Вашона (Marius Vachon. Les Villes martyres d France et de Belgique. Paris 1915), М. Милліу (Maurice Millioud. La Caste dominante allemande. Paris 1915), Г. Мурэ (Gabriel Mourey. La Guerre devant le Palais. Paris 1915), I. Геннига (Joseph Haennig. Une Fourberie allemande; la Loi Delbrück. Paris 1915), Т. де-Визева (Teodor de Wyzewa. La nouvelle Allemagne. Paris 1915), Л. Додэ (Leon Daudet Hors du Joug Allemand; mesures d'après-guerre. Paris 1915), Ш. ле-Гоффика (Charles le Goffic. Dixmude. Paris 1915), М. Барбэ (Maurice Barbés. L'Ame française et la Guerre; l'Union sacrée. Paris 1915), П. Фла (Paul Flat. Vers la Victoire. Paris 1915), Ф. Гримоти (Fernand-Hubert Grimauty. Six Mois de Guerre en Belgique. Paris 1915), А. Олара (A. Aulard. La Paix future. Paris 1915).

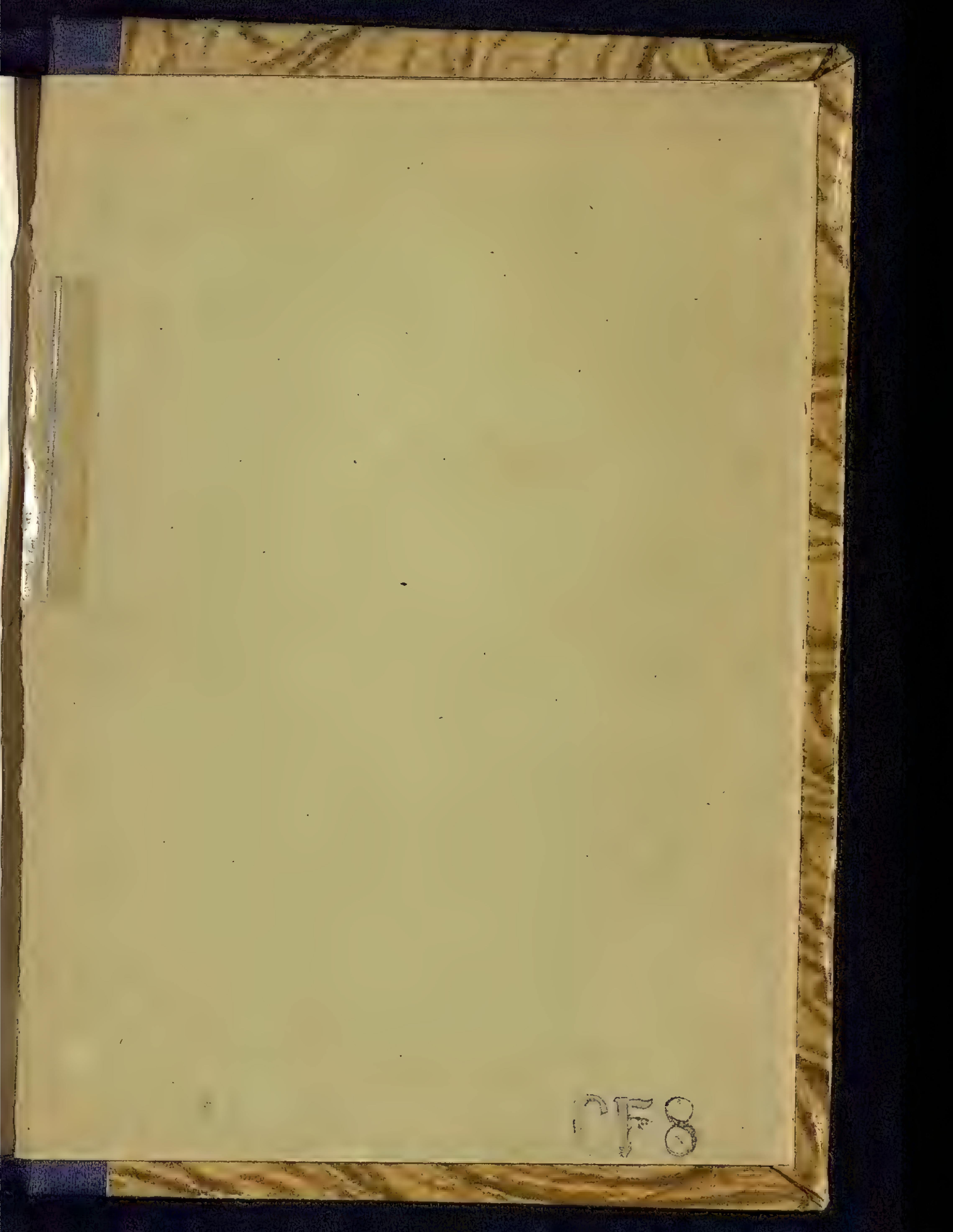
Затѣмъ, нѣкоторыя данныя были заимствованы изъ слѣдующихъ сборниковъ: Les Allemands destructeurs de Cathédrales et de Trésors du Passé. Paris 1915. Paroles Allemandes. Paris 1915, Barbarie et Humanité-enquête sur les «Atrocités» allemandes. Paris 1915, The Book of France. London Paris 1915.

Цѣлый рядъ статей былъ помѣщенъ въ Revue des Deux Mondes, въ Reforme sociale, въ газетѣ «Temps» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Желающимъ ознакомиться подробнѣе съ французскою литературою о великой міровой войнѣ, можно указать между прочимъ на слѣдующія изданія: Fernand Laudet. Paris pendant la Guerre. Paris 1915, Ernest Denis. La Guerre. Paris 1915, La Guerre (Bibliothèque d'Histoire contemporaine). Paris 1915, Emile Waxweiler. La Bel-

gique neutre et loyale. Paris 1915, Enée Bouloc. Visions de Guerre et de Victoire. Paris 1915, Pierre Nothomb. Histoire belge du Grand-Duché de Luxembourg. Paris 1915, M-me Jean Leune. Tels qu'ils sont. Paris 1915, J'accuse! Par un Allemand. Paris 1915, Abel Hermant. Heures de Guerre de la Famille Valadier. Paris 1915, El. Altiar Journal d'une Française en Allemagne. Paris 1915, Histoire anecdotique de la Guerre de 1914—1915. Paris.

Во время печатанія книги были получены: La Revue de Paris №№ 6 и 8—15-го Марта 1915 г. и 15-го Апрѣля 1915 г. съ весьма интересною статьею Шеврилліона (André Chevrillon L'Allemagne et la Guerre) и La Revue hebdomadaire—еженедѣльное изданіе, сообщающее много разнообразныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ военнаго времени. Особаго вниманія заслуживаетъ новая книжка Бедіэ о преступленіяхъ нѣмцевъ на основаніи нѣмецкихъ свидѣтельствъ. (Joseph Bédier. Les crimes allemands d'après les temoignages allemands). Свѣдѣнія о жестокостяхъ, чинимыхъ германскими войсками, сообщаются на основаніи подлинныхъ дневниковъ германскихъ офицеровъ и солдатъ. Для устраненія всякихъ обвиненій въ произвольномъ или неточномъ переводѣ, авторъ печатаетъ тщательно воспроизведенные факсимиле подлинныхъ записей. На страницѣ 18-й онъ приводитъ, между прочимъ, извлеченіе изъ дневника офицера 178-го саксонскаго полка, сообщающаго, что въ окрестностяхъ Лизонія (въ бельгійскихъ Арденнахъ) «стрѣлокъ изъ Марбурга, поставивъ передъ собою трехъ женщинъ, сразилъ ихъ однимъ выстрѣломъ». Комментаріи излишни. Многіе изъ фактовъ, сообщенныхъ въ брошюрѣ Бедіэ, упомянуты въ настоящемъ очеркѣ.

CF8

Того же автора брошюра «ГЕРМАНСКІЯ ЗВѢРСТВА». Официальный отчетъ Французской Комиссіи для обслѣдованія дѣйствій непріятеля, нарушающихъ постановленія международнаго права. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ. Цѣна 25 коп. Чистая выручка жертвуется въ пользу Сvнодальнаго Алексѣевскаго лазарета.

